

ББК63.3(03) Д28

Редактор С.В. Пономарева Перевод с англ. яз. Л.Д. Якунина

Джеймс Джолл.

Д28 Истоки первой мировой войны/ Пер. с англ. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998.-416 с.

Джеймс Джолл был профессором международной истории в Лондонском университете с 1967 по 1981 г. В предлагаемой книге он дает глубокий и широко охватывающий анализ событий и исторических сил, действовавших в Европе в 1914 г.

Важность темы, эрудиция автора делают книгу интересной для широкого круга читателей.

ISBN5-222-00031-1

ББК63.3(Ш)

Дэвид Д. Жевелл «Истоки первой мировой войны» публикуется по соглашению с Actdbon Wesley, Loogman Limited, London © James Joll 1984, 1992 © Перевод Якуниной Л.Д., 1998 © Оформление, изд-во «Феникс», 1998

Предисловие редактора

Несмотря на обилие трудов по мировой истории, изданных в Европе и США за последние 100 лет, ни на одном языке пока нет книг, вскрывающих причины войн. Во многих работах по дипломатии делаются попытки приблизиться к теме. Однако наблюдается тенденция авторов больше внимания уделять официальным документам, которыми обменивались министерства иностранных дел и посольства, зачастую не касаясь вопросов экономики, общественного мнения, внутригосударственных отношений и скрытых мотивов тактики правительств. Иногда кажется, что историки видят свою главную цель в изысканных интеллектуальных упражнениях, а не в ответе на вопрос, каковы же были главные причины, приведшие к тому или иному конкретному периоду трагедии. Или — говоря другими словами — историки оказались пораженцами в своих трудах. Они не правы, полагая, что их обширные познания о прошлом не имеют отношения к настоящему и будущему.

Вопрос о том, имеет ли опыт истории утилитарное значение, постоянно исследуется и не может быть всесторонне рассмотрен в предисловии редактора. Но редактор хотел бы доказать, что поскольку социальные науки развиваются (а исто-

Истоки первой мировой войны

рия является одной из них), мы можем учиться 'только на прошлом, так как прошлое — это все, что мы имеем. Это не означает, конечно, что восходящие аналогии между прошлым и настоящим всегда полезны, наоборот, они неизменно будут вводить в заблуждение. Но определенные главные моменты — как правило, негативные — могут и должны использоваться как уроки истории.

Сопоставляя труды об истоках войн со времен Французской революции, мы сможем лучше понять причины возникновения их и пролить свет на всемирную историю. Издатель с удовольствием пред-'ставляет список сотрудников, внесших вклад в издание. Благодаря их работе появились главные детали. В настоящей книге Джеймс Джолл касается тех моментов, которые широко известны. Он, например, пишет: "Зачастую мы чувствуем, что причины, называемые самими политиками, недостаточны для объяснения того, что произошло, и мы испытываем искушение найти причины, которые являются более глубокими для объяснения катастрофы". Создатели этой книги и вместе с ними профессор Джолл не устояли перед этим соблазном. В подтверждение Джолл приводит цитату Луиджи Альбертино, который считает, что надо говорить "о диспропорции между интеллектуальным и моральным вкладом (лиц* принимавших решения в 1914г.) и важностью проблем, с которыми они столкнулись, между их действиями и результатами, к которым эти действия привели". Эта мысль была актуальной в 1914г. и осталась таковой в 1992 г. Проблема, которая рас-

Предисловие редактора

сматривается во всех трудах,— проблема просчетов на правительственном уровне. Профессор Джолл подчеркивает, что австрийцы и их германские союзники полагали, что Россия не вмешается, естественно, они займут твердую позицию против Сербии в июле 1914г., — это и явилось роковым просчетом. Австрийский историк Джеффри Блейн в работе, озаглавленной "Истоки войны", отмечает, что многие войны начались просто потому, что правительства верили, что они смогут победить в войне легко и быстро, тогда как наличие более достоверной информации и более трезвое мышление остановило бы их. Печальным фактом является то, что политические лидеры перед тем как развязать войну бывают более самонадеянны, чем безнравственны. Джолл цитирует ужасное, потрясающее заявление германского канцлера 30 июля 1914г.: "Преобладающее большинство людей сами по себе миролюбивы, но обстоятельства вне контроля..." и Джолл от себя добавляет: "События происходили быстрее, чем их рисовало воображение политиков*.

Мировым войнам всегда предшествует гонка вооружений. Писатели одного из

направлений считают гонку вооружений причиной возникновения войны, другие настаивают на том, что гонка вооружений -+~ это только одна из причин, лежащих в основе начала военных действий. Истина скорее всего находится где-то между двумя мнениями. Эта книга дает разные объяснения роли вооружения в развязывании войны и таким образом поможет найти истину. О 1914г. профессор Джолл пишет: "Сама по себе

Истоки первой мировой войны

гонка вооружений создает ощущение того, что война была неизбежной: и хотя правительства заявляли, что их подготовка к оборонительной войне была подтверждением их желания мира и их воли предотвратить агрессию, на самом же деле средства устрашения столько же провоцируют, сколько и сдерживают. В то время когда некоторые правительства были более других готовы начать войну, или угрожать политическими методами, ни одно правительство не было способно предотвратить войну и совершало поступки, приближающие начало войны".

Читая эту книгу, можно прийти к мысли, что ни о какой войне нельзя сказать, что определенная нация или определенный класс были агрессорами. Можно прийти к более взвешенному решению. Трудно не согласиться с заключением Джолла в 4 главе о том, что германские и австрийские военные планы повлекли за собой огромную опасность мировой войны. Обращаясь к событиям 1914 г., по словам Джолла, детальное изучение политических и стратегических решений, принятых во время кризиса, скорее наводит на мысль о том, что мотивы государственных деятелей и генералов были более или менее рациональными и хорошо обдуманнами, а не о том, что они умышленно вступили в войну, желая тем самым найти выход из своих неразрешимых внутренних социальных и политических проблем. Погрязнув в своей нерешительности и самоуверенности, политические деятели создавали всевозможные средства устрашения, иногда независимые — большие армии и флоты, иногда

Предисловие ко второму изданию

частично коллективные — закрытую систему союзничества, И с 1871 по 1914г. эти средства были эффективными. И если первая мировая война чему-либо научила, так это тому, что средства устрашения никогда не зависят от сдерживания.

Гарри Хедер

Предисловие ко второму изданию

Новое издание значительной книги профессора Джолла содержит большой дополнительный материал о причинах нейтралитета Италии в 1914г. и о случайном вхождении ее в войну на стороне западных держав. Многим итальянцам в июле и августе 1914 г., должно быть, казалось — как считает Джованни Джиолитти — что война, которая грозила стать крупномасштабной, не была для Италии вопросом жизни и смерти. Таким образом, для нее лучше было не вступать в войну, а в награду за соблюдение нейтралитета получить некоторые территории.

Но после наступления Германии в 1914г. и поражения на Марне надежд на ее быструю победу в войне не осталось. Итальянское правительство в это время должно было решить, желает ли оно внести вклад в победу западных держав, и какие обещания оно должно выжать из этих держав. Джолл дает ясный анализ комплекса проблем, стоящих перед итальянским правительством, парламентом и народом.

Истоки первой мировой войны

Мне бы хотелось воспользоваться возможностью, предоставленной вторым изданием, и поблагодарить Джеймса Джолла за помощь в создании этой книги. Первое издание напечатано в 1984г. одновременно с книгой доктора Ричи ОвендейЛа "Истоки арабско-израильской войны"; которая также издана теперь в расширенном и переработанном виде. Как главный редактор, я был очень рад успеху книги. Этот успех достигнут благодаря участию коллектива авторов, которые разделили со мной успех.

Гарри Хедер

Предисловие ко второму изданию

Список книг и статей об истоках первой мировой войны бесконечно велик, и понадобилась бы целая жизнь, чтобы все их прочесть. Для чтения новой литературы по этому вопросу, по мере ее выхода, требуется очень много времени. Я, конечно, не прочел всех книг, и единственным извинением за мое прибавление к этому длинному ряду является то, что сейчас, наверное, стоит подвести итог некоторым аргументам и объяснениям, обсуждаемым историками в течение последних двадцати лет.

Я начал с кризиса июля-августа 1914г. и ограничился только теми государствами, которые тогда вступили в войну, хотя кое-что сообщил о

8

Предисловие ко-второму изданию

политике Италии во время июльского кризиса и в следующих за ними событиях, которые должны были привести к принятию решения о вступлении в войну в мае 1915г. Япония объявила войну Германии 23 августа 1914г., но к непосредственным истокам войны она не имела никакого отношения. Я ничего не сказал о США, чья политика, как мне кажется, не имела международного значения до того времени, как началась война. Война началась как война между европейскими государствами, а закончилась как мировая. Пытаясь объяснить, почему она началась в тот момент я старался рассмотреть несколько главных причин, из-за которых эта война стала именно такой, какой стала. Трудность для историка всегда заключается в том, чтобы связать общее с частным: мне это не удалось.

До 1914г. Англию и англичан было принято называть Великобританией и британцами, а я не старался быть последовательным в этом отношении. Точно так же я иногда писал Австрия, тогда как точнее было бы писать Австро-Венгрия.

Мне хочется особенно поблагодарить тех друзей и коллег, чьими письменными и устными советами я пользовался при написании этой книги Особую благодарность приношу: Фолькеру Берга--ну, Ланселоту Л. Дж. Фарраре, Дэвиду Фрэнчу. Полу Кеннеди, Доминику Ливену, Вольфгангу Дж Моммсену, Хартмуту Подж фон Страндманну, Дэвиду Шоенбауму, Заре Штайнер. Я также хотел бы поблагодарить профессора Фрица Фишера (хотя я не согласен ни с одним из его выводов)

Истоки первой мировой войны

за то, что он снова поднял вопрос об истоках первой мировой войны и предложил новые направления поиска ответов. Я очень признателен мисс Сьюзан Вельсфорд за ее мастерство и старание при подготовке машинописного оригинала.

Я объединил части вышедших статей, опубликованных в книгах "Аспекты немецко-британских отношений за сто лет" (Изд. Института истории Германии. Лондон, т. 4. Штутгарт, 1978) и "Идея свободы: Очерки, посвященные Исае Берлин" (Оксфорд, 1979). Я благодарен за разрешение использовать эти материалы.

Джеймс Джолл

Лондон

Март 1991г.

King Mark: "Den unerforschlich tief
geheimnissvollen Grund,
wer macht der Welt ihn kund?"

("Загадка так темна,
таинственна, страшна,
кто нам решит ее?")

TRISTAN: "O Konig, das
kann ich dir nicht sagen;

und was du fragst,
das kannst du nie erfahren".
("Король мой! Ответить не могу
я... Ты никогда той тайны не
узнаешь!")

Рихард Вагнер. Тристан и Изольда. Акт III.
Глава первая

Введение

Первая мировая война явилась концом одной эры и началом другой, хотя мы понимаем, что многие социальные, политические, экономические и культурные события двадцатого столетия были только ускорены войной, а не произошли благодаря ей. Опыт войны, и особенно окопной войны на Восточном фронте, вошел в язык и образный мир народов Восточной Европы¹ и продолжает будоражить воображение писателей и художников, рожденных после войны. Первые последствия войны — Русская революция, политические и социальные перевороты 1918-1922 гг. по всей Европе, перестройка карт в результате появления новых государств — определили направление истории в двадцатом веке и постоянный интерес к истокам войны. Но существует еще ряд моментов, привлекающих внимание к кризису 1914г. Непосредственные источники войны отражены в документах гораздо лучше, чем иные вопросы недавней истории, в основном потому, что с самого начала аргумент, подтверждающий причастность к развязыванию войны, имел огромную политическую важность. С подписанием Версальского договора в июне 1919г., вопрос об ответственности за развязывание

13

Истоки первой мировой войны

войны стал вопросом огромного политического и экономического значения. Первой реакцией стран-победительниц было возложение ответственности за развязывание войны на Германию. Статья 231 Версальского договора гласит, что "Германия несет ответственность за себя и своих союзников, перед Союзными правительствами и их народами за нанесение потерь и разрушений в результате агрессии Германии и ее союзников". В другом месте Договора о мире моральная вина возлагалась даже более определенно на императора Германии: "Союзные и Объединенные правительства публично обвиняют Вильгельма Второго, бывшего императора Германии, за величайшее преступление против международной морали и нерушимости Договоров". Обвинение лично кайзера явилось результатом инстинкта мести со стороны части населения Британии и Франции: "Кайзера повесить" — таков был популярный лозунг на всеобщих британских выборах в ноябре 1918г. Требование суда над Вильгельмом стало результатом обдуманного, хотя не слишком точного диагноза роли кайзеру и прусской военной верхушки в развязывании войны. Уже в 1914 г. сэр Эдвард Грей, министр иностранных дел Великобритании, был возмущен "прусским милитаризмом"² на военных переговорах об окончании войны. Президент Вильсон настаивал на необходимости избавиться от кайзера и покончить с так называемыми "военными боссами и монархической автократией"³.

14

Введение

В конце 1919 — начале 1920г. британским и французским правительствами предпринимались энергичные попытки осудить кайзера и склонить правительство Нидерландов, где кайзер получил убежище, выдать его. Британцы и французы были чрезвычайно недовольны Данией — и в депешах британского министерства в Гаагу

можно увидеть раздражение, вызванное нейтралитетом Дании в течение четырех лет. На высшем военном совете Ллойд Джордж подчеркивал, что кайзер лично отвечает за "циничное нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга, за варварскую систему заложничества, массовую депортацию населения, угон молодых женщин из Лилля, оторванных от их семей и брошенных в чужую среду"⁴. Красноречие было напрасно, так же как и угрозы разорвать дипломатические отношения с Нидерландами и применить экономические санкции. Датское правительство отказалось как от выдачи Вильгельма, так и от высылки его. Правительство Нидерландов придерживалось того мнения, что притеснения кайзера и попытки возложить ответственность за войну лично на него несостоятельны.

К середине 1920-х годов с одобрением была принята идея о том, что война явилась результатом ошибочной системы международных отношений. Отталкиваясь от нее, стали считать, что существование союзнической системы, делившей Европу на два лагеря, сделало войну неотвратимой. Кроме того, обвинялась старая дипломатия в заключении зло-

15

Истоки первой мировой войны

вещих тайных международных соглашений; которые вовлекли страны в войну, не считаясь с эйнением их граждан. "Манчестер Гардин" писала в 1914 г: "Некими секретными договорами за ее спиной Англия была автоматически вовлечена в разрушительное безумие войны между двумя военными лагерями на континенте"⁵. Такое мнение поддерживалось американской администрацией после того, как Соединенные Штаты вступили в войну в апреле 1917 г. На президента Вильсона большое влияние оказала британская радикальная традиция девятнадцатого столетия критиковать секретную дипломатию и призывать во внешней политике опираться на мораль более, чем на целесообразность, на общепринятые этические принципы, чем на подсчеты в расстановке сил. Поэтому, когда в январе 1918г. Вильсон провозгласил свои знаменитые Сорок пунктов, которые должны были лечь в основу справедливого мира, он подчеркнул необходимость открыто вырабатывать мирные договоренности, и тогда не будет возникать никакого индивидуального их толкования, а дипломатия будет действовать всегда честно и на виду у общественности. Образование в 1919 г. Лиги Наций, как неотъемлемой части мирного урегулирования, вселило надежду на то, что новая система международных-отношений почти создана, а секретные дипломатические и военные соглашения будут отменены, и международные отношения будут происходить на глазах народов, под их контролем. В 1926 г в Кембридже Дж. Лоуз Дикинсоном была опубликована-

16

Введение

на книга "Анархия в международных отношениях 1904^-1914 гг.", которая отвечала на вопрос, ^ш явилось причиной начала войны. Большинство правительств, вовлеченных в войну, издали многочисленные тома документов из своих дипломатических архивов. Первая атака на секретную дипломатию была предпринята перед концом войны, когда Троцкий (первый министр иностранных дел Советской России) опубликовал секретные договоры, заключенные царским правительством, и привел этим в замешательство союзников России — Францию и Британию. После революции в Германии в 1918 г. республиканское правительство поручило социал-демократу Карлу Каутскому подготовить издание документов из немецких архивов о событиях, предшествовавших началу войны. Последующие правительства Германии полагали, что единственным путем реабилитации Германии является детальный показ работы старой дипломатии, демонстрирующий, что все правительства пользовались одинаковыми методами, и

поэтому никакой особой вины в развязывании войны на Балканах нет. Между 1922 и 1927 гг. было издано тридцать девять томов дипломатических документов Германии под заглавием "Высокая политика европейских кабинетов". В 1926-1938 гг. появились британские документы о причинах войны в одиннадцати томах; в 1930г. началось издание документов дипломатии Франции за 1871-1914 гг., хотя последний том появился в 1953 г. Восемь томов документов Австро-Венгрии опубликованы в 1930г. правительством Ав-

17

Истоки первой мировой войны

стрийской республики, в то время как итальянские документы были напечатаны только после второй мировой войны. Представители российских дипломатических служб, оставшиеся за границей после революции, публиковали выборки из архивов посольств, а Советское правительство издало часть архивных материалов в 1920-1930 гг.⁶ Несмотря на то, что правительственные архивы во многих случаях оставались закрытыми до конца второй мировой войны, масса опубликованных материалов позволяла историкам изучать дипломатические отношения между государствами. Изучение истории дипломатии девятнадцатого века и закулисной игры во время первой мировой войны стало одним из наиболее престижных направлений. Ряд известных историков развили идею автономности истории дипломатии, как ветви изучения истории, таким образом подтверждая мнение великого немецкого историка девятнадцатого столетия Ранке, что внешняя политика государств определяет их внутреннее развитие и решает их судьбу. Благодаря этому поколению историков и их исследованиям, мы больше знаем об истории отношений между государствами в годы перед 1914г., чем в любой другой период. Многие из этих историков занимались распределением воюющих правительств по степени ответственности в той или иной форме. Пьер Ренови из Франции и Бернадотт Шмитт из США склонны возлагать вину на Германию, другой американец Сидней Б. Фэй — на Австро-Венгрию, а немец Альфред фон Веге-

18

Введение

пер — на Россию и Британию. И это всего несколько примеров. Наиболее монументальное издание, принадлежащее перу итальянского журналиста и политолога Луиджи Альбертини, вышло после второй мировой войны и только несколько лет назад получило международное признание, после чего центр внимания начал перемещаться⁷. После второй мировой войны, ответственность за которую была сразу возложена на Гитлера и на правительство национал-социалистов, дискуссия об истоках первой мировой войны стала смыкаться с дискуссией об истоках второй мировой войны. В какой степени Версальский договор, и особенно его статья о вине за развязывание войны, способствовали крушению Веймарской республики и приходу к власти Гитлера? И существовала ли преемственность во внешней политике кайзеровской и гитлеровской Германии? Понятие преемственности целей Германии 1914 и 1939 гг. присуще англосаксонским историкам и вытекает из их отношения ко второй мировой войне. Некоторые из них агрессивность политики Германии считают традиционной со времен Бисмарка и Фридриха Великого и даже Лютера⁸. Для многих консервативных историков Германии, хотя они и признают ответственность своей страны за развязывание второй мировой войны, особенно болезненной была жесткая дискуссия, возникшая после публикации в Гамбурге в 1961 г. Фрицем Фишером труда "Цели Германии в первой мировой войне". В нем не только вскрываются аннексионистские планы

19

Истоки первой мировой войны

Германии в первой мировой войне, но и проводится мысль о том, что правительство ее умышленно шло к войне 1914 г. Более того, по мнению многих немецких коллег Фишера, он убежден в существовании преемственности целей Германии в первой и второй

мировых войнах.

Тем не менее главной мыслью монографии Фрица Фишера, которая получила развитие в его следующей книге "Война иллюзий" и в некоторых дальнейших работах, является то, что внешнюю политику Германии перед 1914 г. определяла внутренняя политика и социальная нестабильность¹⁰. Рассматривать внутривосточную ситуацию в Европе перед 1914 г. историков заставило его убеждение о приоритете внутренней политики, которое противопоставлялось мнению Ранке о приоритете внешней политики. По словам Арно Дж. Майера, "решение начать войну и цели, преследуемые войной, выходят на первый план, когда наступает кризис в политике и политических махинациях европейских правящих и правительственных кругов"¹¹. Эти идеи совпадают с марксистским положением, что природе капитализма свойственны войны, и из-за внутренних противоречий капиталистическое общество к началу двадцатого столетия подошло к черте, за которой была неизбежна война.

Такое объяснение может увести нас очень далеко от ситуации 1914г. и подтолкнуть к мнению, что экономика и социальное развитие Европы на протяжении нескольких веков представляют собой единое

20

Введение

целое. Без сомнения, изучение истоков первой мировой войны приводит к глубокому гегелевскому пониманию того, что все в мире оказывает влияние на все вокруг, и тогда становятся понятными все связи и примеры. Так или иначе данная книга имеет более скромную цель: постараться вскрыть причины, которые повлекли за собой эту конкретную войну в это конкретное время. -

Наши изыскания формируют модель концентрических кругов, начиная с решений, принятых политическими и военными лидерами во время кризиса в июле 1914 г., решений, в которых их качества и индивидуальные черты характера играли непосредственную роль. Но эти решения были ограничены как предыдущими шагами, так и конституционной и политической структурой, внутри которой они принимались. На них оказывал влияние недавний международный кризис и дипломатические соглашения последних сорока лет. Они явились результатом сложных отношений между военными и гражданскими лидерами, долговременных стратегических планов и программ вооружения. Они стали итогом внутривосточного давления и влияния экономической борьбы классов. Они зависели, от основных концепций жизненных интересов каждой нации и ее предназначения. Более того, решение .идти на войну было принято и солдатами, причины войны должны были быть сформулированы так, чтобы вызвать соответствующую эмоциональную реакцию. И эта реакция зависела от национальных

21

Истоки первой мировой войны

традиций и постоянно повторяемых национальных легенд.

Цель книги — взглянуть на решения июля 1914г., которые определили начало войны, рассмотреть некоторые факторы, повлиявшие на эти решения, и что более важно, ограничили их. Знакомясь с оценкой кризиса июля 1914 г., мы часто чувствуем, что причины, выдвигаемые политиками, не объясняют того, что происходило, и мы вынуждены искать более глубокие и более общие источники катастрофы. Нас всегда поражало мнение итальянского историка Луиджи Альбертини, который, говоря о лицах, принимавших решения в 1914г., подчеркивал, что "существовало несоответствие между интеллектуальными и моральными способностями и важностью проблем, которые встали перед ними, между их поступками и их последствиями"¹². Невероятно то, что они не знали, или не могли знать, какие будут последствия, что война, в которую они вступали, будет необычной войной, что она окажется более продолжительной, чем кто-либо из них мог себе вообразить. Бессмысленно предполагать, что они могли бы принять другие решения, если бы знали, к каким последствиям они приведут. Их решения должны

изучаться в контексте того, что они знали в 1914 г. Как писал Исайя Берлин, "что может или не может сделать конкретный деятель в определенных обстоятельствах — является вопросом эмпирическим, если он правильно поставлен, как и все подобные практические вопль сы"¹³. Трудность в том, что доказательств, которые

22

Введение

есть у нас по поводу определения, что могло или не могло быть в определенных обстоятельствах 1914г., множество, нелегко решить, какой фактор был доминирующим в каждом конкретном случае. Все, что мы можем, — это рассмотреть объяснения, которые были предложены, и понять, насколько они отличаются от решений, обычно принимаемых. Соответственно данная книга обсуждает некоторые (ни в коем случае не все) из предложенных причин войны и выясняет, насколько каждая способствовала развитию кризиса 1914 г.

Как мы выяснили, международная система, допускавшая существование противоборствующих союзов и пагубное влияние старой дипломатии, — вот та реальная обстановка, в которой развивался кризис. И поскольку он начался, свобода действий гражданских министров была ограничена из-за стратегических планов и решений главнокомандующих и адмиралтейств, и это в свою очередь было связано с многочисленными программами вооружения, которые являются характерной чертой времени, непосредственно предшествующего войне. Одни видели причину войны в международных системах и планах военного и морского руководства, другие обвиняли финансистов и промышленников и всю экономическую структуру международного капитализма. Как повлияла экономическая нестабильность на мир и на войну? Мы вернемся к идее приоритета внутренней политики и посмотрим на причины войны в свете внутренних социальных и полити-

23

Истоки первой мировой войны

ческих проблем воюющих стран и надежды на то, что война разрешит эти проблемы и отведет угрозу революции.

Некоторые полагали, что война 1914 г. приведет к концу эру империализма. Многие верили, что противники-империалисты являются виновниками войны, поэтому мы должны также проанализировать, какую роль они сыграли в создании ситуации июля 1914 г. В заключение мы можем рассмотреть, как настроения 1914 г. — политические, моральные, интеллектуальные надежды века — помогли разразиться войне и создали шкалу ценностей, которой руководствовались правители, решаясь на войну. В каждой главе мы рассматриваем разные мнения. Этот перечень не является исчерпывающим, но если мы посмотрим, насколько каждое объяснение соответствует тому, что происходило в июле 1914 г., как различные исторические явления повлияли на решения, принятые во время кризиса, мы сможем получить картину истоков первой мировой войны или хотя бы очерк разнообразных факторов, которые повлияли на нее.

Примечания

¹ See, for example, Paul Fussell, *The Great War and Modern Memory* (London 1975); Eric J. Leed, *No Man's Land: Combat and Identity in World War I* (Cambridge 1979); Modris Eksteins, *Rites of Spring: The Great War and the Birth of the Modern Age* (Boston 1989).

² See Michael Ekstein, 'Sir Edward Grey and Imperial Germany' 24

Введение

in 1914', *Journal of Contemporary History*, 6, No. 3 (1971), pp. 121-31.

³ *Foreign Relations of the United States, 1918* (Washington 1933) Supplement I, Vol. I, p. 383.

⁴ E.L. Woodward and Rohan Butler (eds) *Documents on British Foreign Policy 1919-1939*, 1st series, Vol. 2 (London 1948) p. 913.

⁵ *Manchester Guardian*, 31 July 1914, quoted in Lawrence Martin, *Peace without Victory* (New Haven 1954), p.47.

⁶ For a discussion of these materials, see A.J.P. Taylor, *The Struggle for Mastery in Europe* (Oxford 1954), pp. 569-83.

⁷ See e.g. Pierre Renouvin, *Les Origines immediates de la Guerre* (Paris 1927); Bemadotte E. Schmitt, *The Coming*

of the War 1914, 2 vols (New York 1928); Sidney B. Fay, *The Origins of the World War*, 1 vols (New York 1928); Alfred von Wegerer, *Der Ausbruch des Weltkrieges*, 2 vols (Hamburg 1939); Luigi Albertini, *Le Origini della Guerra del 1914*, 3 vols (Milan 1942-43).

⁸ For example Rohan Butler, *The Roots of National Socialism* (London 1941).

⁹ Fritz Fischer, *Griff nach der Weltmacht* (Dusseldorf 1961), Eng. tr. *Germany's Aims in the First World War* (London 1972); *Krieg der Illusionen* (Dusseldorf 1969), Eng. tr. *War of Illusions* (London 1974). For the controversy over Fischer's views, see e.g. John Moses, *The Politics of Illusion: The Fischer Controversy in German Historiography* (London 1975); H.W. Koch (ed.), *The Origins of the First World War* (2nd edn. London 1984); Wolfgang Schieder (ed.) *Erster Weltkrieg: Ursachen, Entstehung und Kriegsziele* (Cologne 1969).

¹⁰ See the two volumes of essays celebrating Fischer's sixty-fifth and seventieth birthdays: Imanuel Geiss and Bernd Jürgen Wendt (eds) *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts* (Dusseldorf 1973); Dirk Stegmann and Peter-Christian Witt (eds) *Industrielle Gesellschaft und politisches System* (Bonn 1978), and especially the works of Hans-Ulrich Wehler, e.g. *Bismarck und der Imperialismus* (Cologne 1969); *Das deutsche Kaiserreich 1871-1918* (Göttingen 1973).

¹¹ Arno J. Mayer, 'Internal crises and war since 1870' in Charles L. Bertrand (ed) *Revolutionary Situations in Europe* (Montreal 1977), p. 231. For a development of Mayer's view that the war was a

.25

Истоки первой мировой войны

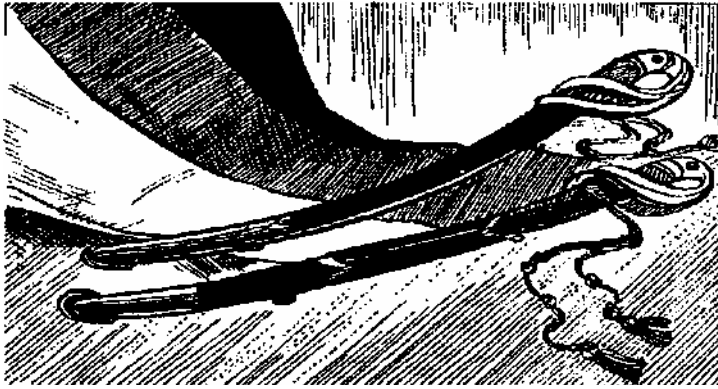
last attempt by the old European aristocracy to preserve its position, see his *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War* (New York 1981).

¹² Luigi Albertini, *The Origins of the War of 1914*, Vol. III (Eng. tr. 1957), p. 178.

¹³ Isaiah Berlin, *Historical Inevitability* (London 1954), p. 33, fill.

Глава вторая

Июньский кризис 1914

Эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник австро-венгерского трона, 28 июля 1914 г. был предательски убит членом группы сербохорватских националистов. Он находился с визитом в Сараево, столице бывшей турецкой провинции Боснии, которая управлялась Австро-Венгрией с 1878 г. и присоединена к монархии в 1908 г. Убийство выдающихся людей — королей, президентов, ведущих политиков — уже в течение трех десятилетий было привычным делом, которое совершалось группами и одиночками, чтобы привлечь внимание к тому, что они считали национальной или социальной несправедливостью, но ни одно из совершенных убийств не вызвало такого всеобщего международного кризиса, как убийство

29

Истоки первой мировой войны

эрцгерцога. Чтобы понять, почему это произошло, мы должны рассмотреть развитие кризиса в июле и решения, которые привели к началу мировой войны. В этой главе мы постараемся изложить факты принятия решений в последовательности; принятой самими участниками. Позднее мы изучим подробнее некоторые объяснения, так как они постарались обойти свидетельства, закрепленные в дипломатических и политических документах (на которые опирается это исследование), но к моменту, который мы будем рассматривать, ответственные политические лидеры заявили, что они пытались управлять ситуацией, и приводят причины, которые заставили их принять те решения.

Первыми были вовлечены в войну Австро-Венгрия и Сербия. Руководство Австро-Венгрии считало, что убийством руководили из королевства Сербии при попустительстве сербского правительства и официальных лиц. С 1903 г., когда новая правящая династия захватила власть в Сербии при поддержке группы националистически настроенных офицеров, стремившихся расширить границы Сербии, император Франц Иосиф и его советники больше всего беспокоились о влиянии, которое Сербия могла оказать на южных славян-хорватов и сербов, проживавших в империи.

Выживание Габсбургской монархии, казалось, зависело не от решения национальной проблемы, которую решить было невозможно, а, по выражению одного австрийского государственного деятеля,

30

Июльский кризис 1914

"постоянно удерживая их в состоянии балансирования на взаимном недовольстве"¹.

Любые попытки сербов возбудить у южных славян внутри монархии национально-сепаратистские чувства рассматривались как прямая угроза существованию Австро-Венгерского государства. Убийство Франца Фердинанда, казалось, стало оправданием таких действий против Сербии, которые ликвидировали бы эту угрозу. В течение нескольких дней после убийства австро-венгерское правительство обсуждало, какого рода действия предпринять. Существовал и еще один аргумент в пользу применения жестких мер против Сербии: Австро-Венгрия не могла препятствовать Сербии захватить дополнительные территории во время двух Балканских войн 1912-1913 г., в результате

которых Сербия занимала к 1914 г. значительно большую территорию, чем два года назад. Решение было предложено начальником штаба бароном Францем Конрадом фон Хетцендорфом — немедленно объявить мобилизацию и таким образом вынудить сербское правительство осуществлять усиленный контроль за террористическими группами и осознать, что любые подрывные действия против Австрии должны быть остановлены. Против этого курса существовало два аргумента. Первый, вскоре отвергнутый, заключался в том, что угроза военного выступления против Сербии может вызвать другую вспышку национализма в монархии, особенно среди чехов, и привести к революции. Второй, предложенный Стефаном Тиза, премьер-министром Венгрии,

31

Истоки первой мировой войны

состоял в том, что в Австро-Венгрии (и особенно в венгерской части монархии) проживало достаточно много сербов, и акция против Сербии, влекущая за собой захват сербских территорий и увеличение числа сербов под властью Австро-Венгрии, должна быть осуществлена.

Успех любой акции против Сербии зависел от того, выступит ли Россия в поддержку Сербии. С самого начала правительство Австро-Венгрии боялось этого, но надеялось, что выступление России может быть предотвращено, если Австрия будет иметь твердую поддержку Германии (Россия не вмешалась, когда в 1908 г. Австро-Венгрия захватила Боснию, потому что Германия дала понять, что она поддержит Австрию), а кроме того, что риск войны с Россией не так велик, как риск безуспешных военных планов.

Сразу после похорон эрцгерцога министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Бертольд и начальник генерального штаба Конрад решили просить Германию о поддержке. Граф Хойош, глава тайного кабинета, один из молодых дипломатов, убежденный в необходимости силовых действий против Сербии, был послан в Берлин с личным письмом от Франца Иосифа к кайзеру, которое было вручено 5 июля². После завтрака в королевском дворце в Потсдаме кайзер заверил австрийского посланника, что Австрия может рассчитывать на полную поддержку Германии, даже в случае вмешательства России. 7 июля Совет министров Австро-Венгрии собрался обсудить

32

Июльский кризис 1914

ответ Берлина и принять решение о дальнейших шагах. И тогда граф Стефан Тиза, венгерский премьер-министр, допустил несколько умолчаний, заявив, что собранием было решено идти вперед против Сербии. После этого Бертольд был послан с отчетом к императору, который проводил лето, как обычно, на курорте Бад Ишл в Зальцкаммергуте. В течение следующей недели проходили дальнейшие переговоры и визиты Тизы прекратились. Таким образом, 14 июля правительство Австро-Венгрии согласилось с проектом ультиматума Сербии, текст которого был окончательно утвержден 19 июля. Сербия должна согласиться на ряд условий, включавших запрещение антиавстрийской пропаганды в Сербии, роспуск сербской националистической партии Народна Одбрана, проведение чистки офицеров и чиновников, замеченных в пропаганде против Австрии, арест офицеров, подозреваемых в содействии и сокрытии тех, кто убил эрцгерцога, и ужесточение контроля на сербско-австро-венгерской границе. Представители правительства Австро-Венгрии будут принимать участие в расследовании заговора об убийстве, проводимом Сербией, а также в подавлении подрывных действий против Австро-Венгрии. Этот список жестких требований должен был быть вручен сербскому правительству 23 июля. На ответ отводилось сорок восемь часов. В продолжение этих дней германские руководители несколько раз повторяли о своей поддержке Австро-Венгрии и убеждали австрийцев в преимуществе твердых мер. Австрийский; посол в 2. зек. зоо . 33

Истоки первой мировой войны

Берлине сообщал, что правительственные круги там считали, что это был благоприятный момент, даже в случае выступления России, поскольку Россия была не

совсем готова к войне и не так сильна, как она может быть будет через несколько лет. В то же время Ягов, Государственный секретарь иностранных дел Германии, полагал, что Германия должна поддержать своего союзника во всех его расходах как великая держава и надежный партнер по союзу. Ягов также надеялся, как и австрийское правительство, что жесткие меры более чем вероятно остановят Россию. Во время обсуждения в Вене главных пунктов ультиматума союзники в Берлине подталкивали к решительным действиям и заявляли о своей готовности начать войну. Они даже выражали некоторую озабоченность по поводу задержки ультиматума. Таким образом, в течение трех недель со времени убийства эрцгерцога никто не осознавал, что надвигается международный кризис, и те европейцы, которые могли себе позволить, как всегда, выезжали на летние каникулы. Даже командующий сербской армией поехал принимать ванны на австрийский курорт³. Более того, у правительства Австро-Венгрии и их германских союзников были две причины задержки ультиматума Сербии. Первая — это дать больше времени на уборку урожая, перед тем как сельское хозяйство понесет урон, вызванный мобилизацией. Вторая — отправка ультиматума 23 июля гарантировала то, что он не прибудет в Белград во время визита в Санкт-Петербург Президента Фран-

34

Июльский кризис 1914

цузской республики Раймонда Пуанкаре, и его премьер-министра Рене. Вивиан, который был запланирован на 20-23 июля, поскольку Бертольд послал документ в германское посольство в Вене "под воздействием шампанского, с помощью которого отмечалось дружественное отношение между двумя странами"⁴.

Сазонов, министр иностранных дел России, 14 июля уехал в свое имение в короткий отпуск перед приемом французских визитеров. Но еще до приезда Пуанкаре и Вивиана российское правительство знало, что австрийцы готовятся к решительным действиям против Сербии. И Сазонов обдумывал, какие военные меры предосторожности следует предпринять. К 16 июля посол Италии в России был предупрежден, что "Австрия намеревается предпринять решительные шаги по отношению к Сербии, полагая, что Россия ограничится словесным протестом и не предпримет силовых мер по защите Сербии..." . В этот же день российское посольство в Вене получило более подробное сообщение об этом. Таким образом, когда вечером 20 июля Пуанкаре приехал в Россию, он попал в обстановку опасения и неопределенности.

Нам очень мало известно о переговорах между французскими руководителями и правительством России. Предметом их были несколько пунктов относительно французских деловых предприятий в России. Немецкий посол докладывал, что Пуанкаре был встречен пышной церемонией, но не с таким энтузиазмом как обычно, и печать комментировала вн-

2*

35

Истоки первой мировой войны

зит довольно сдержанно. Но и немцы и австрийцы были обеспокоены тем, что националистически и ан-тинемецки настроенные лица в Санкт-Петербурге (такие, как великий князь Николай, его жена) при поддержке посла Франции Мориса Палеолога могли эффективно влиять на принятие решения. И хотя ничего конкретного не было решено, визит оставлял впечатление тесных и сердечных отношений между двумя правительствами, Пуанкаре, Вивиани и их сопровождение отбыли морем, поздно вечером 23 июля. В этот, день немного раньше ультиматум Австро-Венгрии был вручен сербским министрам, отвечавшим за прием коротких сообщений.

Хотя слухи о драматическом поступке Австро-Венгрии витали уже несколько дней и повторялись . на переговорах в Санкт-Петербурге во время французского визита, и хотя 22 июля казалось, что вот-вот должны произойти какие-то события, публикация

австрийского ультиматума и короткий срок его выполнения стали величайшим потрясением. Сазонов воскликнул: "Это война в Европе", когда узнал новости утром 24 июля, а сэр Эдвард Грей, Секретарь Министерства иностранных дел, характеризовал заявление Австро-Венгрии, как "наиболее страшный документ, какой я когда-либо видел", адресованный одним государством другому независимому государству"⁷. Как и ожидалось, реакцией сербского правительства были замешательство и испуг. Сербия переживала внутривластный кризис (см. гл. 4). Накануне здесь состоялись всеобщие вы-

36

Июльский кризис 1914

боры. Ее военные силы не были восстановлены после двух Балканских войн. В момент получения ультиматума премьер-министр Николай Пасич участвовал в избирательной кампании и собирался взять несколько дней отпуска. И это были еще не все трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. Он вернулся в Белград рано утром 25 июля. Правительство Сербии пыталось потянуть время, возлагая надежды на возможность посредничества короля Италии, дяди принца-регента Александра. Но австрийцы жестко ограничили время и нужно было немедленно решить, был ли еще выбор кроме принятия ультиматума полностью. Есть некоторые свидетельства того, что сербы были готовы принять ультиматум, но возникли возражения против австро-венгерского руководства в расследовании убийства Франца Фердинанда. Этого было достаточно. Австро-венгерскому послу в Белграде были даны четкие указания: если сербы безоговорочно не примут всех пунктов ультиматума,— это будет поводом к разрыву дипломатических отношений. Сербский ответ был передан австрийскому представителю барону Гизлу в 6 часов вечера 25 июля. Гизл сразу охарактеризовал его как неудовлетворительный и в 6 часов 30 минут отбыл поездом в Вену.

О сербской политике в эти гибельные сорок восемь часов существует много мнений, и она до сих пор остается предметом дискуссии между югославскими политиками и учеными. Некоторые считали, что Пасич опасался, что участие австрийцев в рассле-

37

Истоки первой мировой войны

довании вскроет степень попустительства сербского правительства заговору об убийстве, и поэтому он настаивал на нецелесообразности выполнения данной части ультиматума. Другие предполагали, что настроение сербского правительства изменилось из-за поддержки, предложенной Россией. 24 июля регент Сербии направил персональное обращение к царю, в котором он жаловался на то, что все австрийские пункты были необоснованно унижительны, а время ультиматума очень коротко. "Мы не можем защититься сами. Поэтому умоляем Ваше величество оказать нам помощь как можно скорее. Ваше величество столько раз раньше уверяло в своей доброй воле и мы тайно надеемся, что это обращение найдет

отклик в вашем благородном славянском сердце". И еще до того, как это послание получили в Санкт-Петербурге, было ясно, каким будет ответ. Как только Сазонов выслушал пункты ультиматума Сербии от австрийского посла, он обвинил правительство Австро-Венгрии в умышленной провокации войны: "Vous mettez le feu à l'Europe!"⁹. Он сразу заявил, что на следующий день, 25 июля, царь объявит о частичной мобилизации, хотя распоряжения о мобилизации не были еще отданы. Об этом сербское посольство в Санкт-Петербурге передало своему правительству в Белграде¹⁰.

На всем протяжении кризиса германское и австрийское правительства испытывали риск того, что австрийские требования к Сербии спровоцируют вступление в войну России, что в свою очередь могло

Июльский кризис 1914

привести к европейской войне. Тем не менее они верили, что решительные действия Австрии, поддерживаемые Германией, сделают это маловероятным. Хотя риск и существовал. Тиза докладывал германскому послу: "Монархия должна принять энергичные решения и продемонстрировать свою способность выживать и положить конец невыносимым условиям на юго-востоке" ¹¹. В Германии многие ответственные деятели придерживались точки зрения, высказанной баварским представителем в Берлине: "... в народе существует мнение, что для Австрии наступило время, когда решается судьба, и поэтому мы, не сомневаясь» согласны на любые меры, которые должны быть предприняты, даже с риском войны с Россией" ¹². В течение следующих дней после предъявления Австрией ультиматума Белграду 23 июля становилось все более ясно, что люди в Берлине и Вене, верившие, что жесткие меры Австрии и заявление о поддержке ее Германией остановят Россию, глубоко ошибаются. К 24 июля британское правительство начало проявлять глубокое беспокойство по поводу сложившейся ситуации. Накануне граф Менсдорф, посол Австро-Венгрии в Лондоне, сообщил лично Грей о намерениях Австрии потребовать от Сербии выполнить условия ультиматума в строго лимитированное время. Грей так оценил этот шаг Австрии:

"Возможные последствия данной ситуации могут быть ужасны. Если четыре великие державы Европы — Австрия» Франция, Россия и Гер-

39

Истоки первой мировой войны

*мания — будут вовлечены в войну, это повлечет расход таких колоссальных сумм денег и создаст такие препятствия торговле, что произойдет совершенное разрушение европейских финансовых систем и промышленности. В больших промышленных государствах положение дел будет хуже, чем в 1848 г., и трудно представить победителей в этой войне, многое будет совершенно разрушено"*¹³.

На следующий день Грей заявил, что Британия, Германия, Франция и Италия, "которые не имели прямых интересов в Сербии, должны действовать вместе для сохранения мира, соответственно в Вене и Санкт-Петербурге" ¹⁴. Тем временем Грей переговорил с французскими и немецкими послами, и понял, что войну между Австрией и Сербией не удастся локализовать. Поэтому 26 июля он предложил правительствам Италии и Франции поручить их послам в Лондоне провести с ним конференцию "с целью найти способ предотвратить осложнения"¹⁵.

Ко времени, когда приглашения Грея были вручены, две страны, находившиеся в кризисе, уже планировали военные действия, хотя никаких необходимых шагов еще не было предпринято. 25 июля германское правительство настаивало на том, чтобы Австрия немедленно начала военные действия против Сербии, так как любое "промедление начала военных операций рассматривалось ... как великая опасность из-за вмешательства других держав" ¹⁶. На следующий день генерал Конрад, начальник генерально-

40

Июльский кризис 1914

го штаба Австро-Венгрии, вынужден был признать, что планы мобилизации не позволяют атаковать Сербию до 12 августа: и поэтому возник вопрос, стоит ли объявлять войну, если это не может быть подкреплено немедленными действиями. К 27 июля позиция Бертольда одержала верх и было решено, что объявить войну нужно 28 июля. Бертольд надеялся, что это испугает сербов и приведет их к полному повиновению без военных действий. Война объявлялась не только из-за неудовлетворительного ответа сербов на австрийскую ноту от 23 июля, но и потому,

что сербы якобы атаковали на боснийской границе подразделение австро-венгерской армии (впоследствии оказалось, что это донесение было ложным). Сербская армия была мобилизована немедленно после получения ультиматума. 26 июля царь согласился лично объявить частичную мобилизацию только в военных округах Киева, Одессы, Москвы и Казани. Таким образом, поскольку Австрия и Россия задержали мобилизацию и начало военных действий, оставалась возможность проведения переговоров, предложенных Греем. Однако ответ, который он получил от германского правительства вечером 27 июля (после того как французы и итальянцы согласились на конференцию), положил конец надеждам на мирный исход. Ягов заявил, что этот вопрос касается только России и Австрии и может быть решен прямыми переговорами между ними. В этот момент, казалось, еще была возможность проведения переговоров между Россией и

41

Истоки первой мировой войны

Австрией (26 июля у Сазонова состоялся спокойный и конструктивный разговор с австрийским послом в Санкт-Петербурге). Ягов не исключал впоследствии возможности посредничества в переговорах, Грей, опасаясь, что его предложение не найдет отклика, 27 июля, еще до того, как был получен отказ Германии участвовать в конференции, поставил перед кабинетом в первый раз вопрос о вступлении Британии в войну, если Германия атакует Францию. Росло понимание того, что вооруженный конфликт можно будет локализовать. Хотя среди членов кабинета возникла значительная оппозиция идее вступления Британии в войну, все-таки было принято решение, что британский флот, который в это время проводил маневры, не должен быть рассеян по мирным базам и команды не должны быть отпущены на берег. У французов кризис вызвал что-то вроде смятения, так как в это время президент и премьер-министр находились в море на пути из Санкт-Петербурга в Париж и сведения о происходящем получали из неточных и искаженных радиogramм, которые Пуанкаре и Вивиани на борту "Франции" принимали от Эйфелевой башни. Только прибыв 25 июля в Стокгольм, они поняли всю серьезность ситуации. Отменив свои государственные визиты в Данию и Норвегию, они вернулись во Францию. В течение критических дней, сразу после публикации австрийского ультиматума, лидеры французского правительства не могли контролировать события. В отсутствие президента и премьера министр

42

Июльскй кризис 1914

и иностранных дел и министр юстиции действовали нерешительно, и поэтому у германского и австрийского послов создалось впечатление, что Франция не слишком твердо поддерживает Россию. Между тем Морис Палеолог, французский посол в Санкт-Петербурге, человек, полностью поддерживавший союз с Россией (которого Пуанкаре однажды обвинил в несколько преувеличенном воображении¹⁷), уверял Сазонова, чье настроение менялось по мере усложнения обстановки, что Франция готова выполнить обязательства союзника. Более того, он не очень торопился информировать министра иностранных дел в Париже о событиях в Санкт-Петербурге между вечером 23 июля, когда Пуанкаре и Вивиани отбыли, и их возвращением шестью днями позже.

На самом деле Франция уже приняла некоторые подготовительные меры. Солдаты, находившиеся вне своих подразделений, были отозваны, несколько подразделений возвращены из Марокко, префекты призывали редакторов провинциальных газет быть сдержанными и патриотичными. А 27 июля генерал Дофре, глава кабинета, и Адольф Мессими, военный министр, выражали через военного атташе в Санкт-Петербурге надежды на то, что если начнется война, российское военное командование

немедленно развернет военные действия в Восточной Пруссии. Французское военное командование в этот момент было очень озабочено донесениями о том, что Россия только готовится к мобилизации против

43

Истоки первой мировой войны

Австрии. Вечером 29 июля французский кабинет министров собрался под председательством президента республики и вынужден был констатировать дальнейшее ухудшение обстановки. Накануне не только Австрия объявила войну Сербии, 29-го Белград обстреливали с кораблей флотилии Дону-бе, а германское правительство теперь непосредственно угрожало Франции: германский посол сообщил Вивиани, что военные приготовления, которые Франция собиралась начать, вынуждают Германию объявить "состояние угрозы войны", что является предварительным шагом к мобилизации.

К вечеру 29 июля велись серьезные военные приготовления во всех государствах, вовлеченных в кризис: Австро-Венгрия и Сербия были уже в состоянии войны, хотя нужно было еще несколько дней, чтобы австрийская армия могла начать военные действия, а всеобщая мобилизация — мобилизация против России — не была объявлена; французы начали обсуждать подготовительные меры; Британия держала свой флот наготове. Наиболее серьезным было то, что царь в это утро подписал два альтернативных декрета: один о частичной, а другой о всеобщей мобилизации. В этот вечер германский посол позвонил Сазонову, чтобы прочесть ему телеграмму от Бетмана Гольвега, германского канцлера, "очень серьезно уведомляя М.Сазонова о том, что дальнейшие действия по мобилизации России вынудят нас начать мобилизацию, и европейскую войну

ряд ли возможно будет предотвратить" . Резуль-
44

Июльский кризис 1914

тат был как раз обратный тому, какого ожидали германцы, так как министр иностранных дел, военный министр и начальник генерального штаба согласились объявить всеобщую мобилизацию сразу. Хотя царь все еще сомневался, он только что получил телеграмму от кайзера, которая заканчивалась так: "Я прилагаю последнее усилие, чтобы вынудить австрийцев действовать так, чтобы прийти к удовлетворительному пониманию между вами. Я тайно надеюсь, что Вы поможете мне в моих стремлениях сгладить трудности, которые могут возникнуть. Ваш искренний и преданный друг и брат Вилли"¹⁹.

У кайзера и у императорского канцлера Теобальда фон Бетмана Гольвега к тому времени начали появляться опасения. 27 июля Бетман получил телеграмму от князя Личновского, немецкого посла в Лондоне'. Это было послание от Грея, в котором он просил германцев убедить австрийское правительство принять сербский ответ на ультиматум. Грей считал, что требования австрийцев "были так завышены, что их невозможно было выполнить" . Грей, которого Личновский нашел в подавленном состоянии впервые с начала кризиса, сказал, что будущее англ о-германских отношений зависело от совместных действий во избежание войны, что он сделал все, чтобы побудить Россию проявить выдержку и что германцы сейчас должны делать то же в Вене. Бетман сразу послал телеграмму кайзеру. Вечером следующего дня кайзер заявил, что

45

Истоки первой мировой войны

"ответ сербов отодвинул причины войны, но так как сербы-азиаты и люди лживые и мастера обструкции, австрийцам нужно оккупировать Белград, взять как бы в залог,

чтобы заставить сер-

11

бов выполнить свои обещания" . Предложение было послано в Вену в этот же день: и поскольку австрийское правительство уже объявило, что у него нет намерения захватывать навсегда какие-либо сербские территории, это можно было рассматривать как основу для переговоров. По Бертольд задержал ответ, а когда он наконец прислал его, то он оказался настолько уклончивым, что австро-венгерское правительство получило совет от Берлина оккупировать Белград. Генерал Мольтке, начальник германского генерального штаба, склонял генерала Конрада к немедленному проведению мобилизации. По этому поводу, говорят, Бертольд воскликнул: "Кто на самом деле правит в Берлине — Бетман или

99

Мольтке?" . Между 28 и 31 июля события развивались с такой скоростью потому, что решения теперь все чаще принимали солдаты.

Сэр Эдвард Грей, хотя и обескураженный, все еще надеялся на успешное посредничество. Но эти надежды растаяли, так как стало ясно, что австрийцы не пойдут ни на какие уступки сербам. Ближе к вечеру 29 июля британский посол сообщил, что германский канцлер послал австрийцам телеграмму с изложением точки зрения Грея, но ему ответили, "что уже слишком поздно действовать по Вашему предложению, так как события

46

Июльский кризис 1914

разворачивались очень быстро" ²³. В результате провала инициативы Грея, когда не осталось места для дипломатических маневров Британии, изменились и проблемы, которые встали перед британским правительством. Британцы теперь оказались под нарастающим давлением со стороны Франции и России, которые требовали поддержать их; в то же время германцы настойчиво просили Британию соблюдать нейтралитет. Еще 25 июля сэр Джорж Бьюкенен, британский посол в Санкт-Петербурге, сказал Сазонову: "Если мы (британцы) будем твердо стоять на позиции поддержки Франции и России — войны не будет. Если мы не поддержим их — потекут реки крови и мы в конце концов будем втянуты в войну"²⁴. Это оставалось постоянной темой для российских и французских лидеров на протяжении нескольких дней. Вечером 30 июля президент Пуанкаре высказал эту мысль сэру Френсису Берти, британскому послу во Франции, который телеграфировал в Лондон: "Он убежден, что сохранность мира между державами в руках Англии. Если Правительство Его величества объявит, что в случае конфликта между Германией и Францией, вытекающего из разногласий между Австрией и Сербией, Англия выступит в поддержку Франции, то и войны не будет, так как Германия сразу смягчит позиции" ⁵. Ответ Грея был — избегать обязательств, как он излагал это послу Полу Камбону 29 июля:

47

Истоки первой мировой войны

"Если Германия вступит и Франция вступит, мы не будем знать, что делать ... мы приняли все меры предосторожности с нашим флотом, и я уже был готов предостеречь князя Личновско-го не рассчитывать, что мы будем стоять в стороне. Но было бы не честно, если бы я вводил в заблуждение М. Камбона. Это не означает, что мы решили, что делать в случае, который, я все еще надеюсь, не представится" . Не таким языком он разговаривал -с германцами. Накануне вечером Бетман предложил Британии нейтралитет, обещая, если Британия останется нейтральной, то Германия не позволит себе никаких территориальных приобретений за счет Франции — хотя это обещание не касалось французских колоний. Сэр Айер Кроу, помощник подсекретаря кабинета иностранных дел, рассчитывал по минутам: "Единственный вывод, который необходимо сделать по этим

предложениям—• это то, что они дискредитируют тех государственных деятелей, которые их выдвинули"²⁷. Даже и тогда Грей сомневался. Хотя и отказываясь от сделки, он говорил почти то, что говорил французам: "Мы должны сохранить полнейшую свободу действий, исходя из сложившихся обстоя-

74

тельств в развитии настоящего кризиса..." . На ранних стадиях нежелание Грея заявить, что Британия поддержит Францию и Россию, было основано на опасении, что такая поддержка сделает правительство России более непримиримым и за-

48

Июльский кризис 1914

ставит отказаться от переговоров. Как заявил один из членов правительства Британии, выступив против вовлечения Британии в войну: "Если обе стороны не знают, что нам делать, они поэтому

боятся рисковать" . 28 июля, тем не менее, Грей сокрушался, что не может склонить кабинет к проведению позитивной политики. 29 июля кабинет согласился "после долгих дискуссий, что на этом этапе мы не можем связывать себя заранее, или при всех обстоятельствах стоять в стороне, или при каких-либо условиях идти вперед"³⁰. А позже, 1 августа, правительством было решено: "мы не можем предложить парламенту в настоящее время послать на континент экспедиционные военные силы" . Сомнения британцев были преодолены позже, 2 августа. К этому моменту Германия и Россия уже находились в состоянии войны.

29 июля царь все еще сомневался, отдавать пр»-каз о всеобщей мобилизации или нет. И в этот же день Бетман, поддержанный Мольтке, отклонил предложение генерала Фолькенхайма, военного министра, о том, что Германия должна сразу объявить подготовку к мобилизации. К следующему дню, когда стало ясно, что любые попытки убедить австрийцев приостановить действия против Сербии напрасны, военные приготовления перешли в новую стадию. Каждая из сторон старалась переложить вину за эскалацию на другую. Во второй половине дня 30 июля царь больше *UQ*

49

Истоки первой мировой войны

колебался и в 5 часов вечера отдал распоряжение о всеобщей мобилизации. Поскольку в Европе росло напряжение, распространялись следующие слухи: якобы в этот вечер в берлинской газете появилось сообщение о том, что кайзер отдал приказ о всеобщей мобилизации, хотя нет подтверждения, что этот приказ появился под воздействием решения России.

На самом деле информация в газетах была не столь далека от истины, так как отражала новое направление в решении проблем между германскими военными и гражданскими лидерами. Поскольку русские объявили всеобщую мобилизацию, германскому правительству больше не нужно было оттягивать собственную. Бетман и Мольтке достигли своей цели, если война станет неизбежной, русские сделают первый шаг. Поздно вечером 30 июля Бетман и Ягов приняли предложение главы генерального штаба и военного министра и согласились на следующий день выпустить прокламацию о том, что "наступила опасность войны". Распоряжения были опубликованы 31 июля, и за ними последовали очень строгие предупреждения в адрес России:

"Невзирая на переговоры о посредничестве, ко-пьюрые до сих пор ведутся, и мы сами до сих пор не предприняли никаких мер к мобилизации, Россия объявляет мобилизацию армии и флота про- тив нас. Меры, предпринятые Россией, вынудили нас, ради безопасности Европы, объявить

50

Июльский кризис 1914

"угрозу войны", что еще не означает мобилизации. Но мобилизация может последовать, если Россия не приостановит все приготовления к войне против Австро-Венгрии в течение 12 часов... "

30 июля, перед тем как принять окончательное решение о начале мобилизации, Бетман Гольвег поделился с прусским кабинетом надеждой на то, что в России может развернуться кампания по обвинению Англии: "Надежды на Англию равны нулю", но он закончил с фантастической безответственностью: "Подавляющее большинство народов сами по себе миролюбивы, но события вы-

шли из-под контроля и камень покатылся..." . Признаком того, что кризис вступил в еще более напряженную стадию, было чувство беспомощности. Австрия верила, что твердые меры против Сербии и заверения Германии о поддержке будут сдерживать Россию; русские верили, что демонстрация силы против Австрии позволит контролировать < ее и сдерживать Германию. В обоих случаях прибегали к запугиванию, и три страны встретились с последствиями своих действий. С мобилизацией в России и возможностью начала войны между Германией и Россией, Германия была озабочена тем, чтобы выступила на Галицийском фронте и особенно в Германии не было имперского кабинета как такового. Канолер был также и прусским премьер-министром, тогда как в таких случаях никто кроме военного министра — прусского министра правил во всей империи.

51

Истоки первой мировой войны

не интересовалась австрийской карательной экспедицией против сербов. Конрад, который долго отстаивал необходимость действий против Сербии, теперь считал, что их надо прекратить. Он надеялся, что мобилизация в Германии может остановить выступление русских против Австрии. Изменение военных целей союзников произошло еще перед началом войны^ и с большой неохотой, под давлением Германии, австро-венгерские министры рекомендовали императору Францу Иосифу в конце концов подписать приказ о всеобщей мобилизации 31 июля, хотя фактически она не могла начаться до 4 августа. Вечером Германия объявила войну России раньше, чем Австро-Венгрия, чье формальное заявление откладывалось до 6 августа.

Хотя некоторые из штатских полагали, что мобилизация не обязательно приведет к войне, скоро стало ясно, что по крайней мере для Германии невозможно держать армию на границе и не вести никаких военных действий. План войны на два фронта генерала Шлиффена, выдвинутый несколько лет назад (см. гл.; 4), основывался на том, что любая война с Россией будет сопровождаться войной с союзницей России Францией. Кампания должна была начаться решительной атакой на Западе, для чего потребуется прохождение немецких войск через Бельгию. Германская всеобщая мобилизация была, таким образом, не более чем угроза для Франции, нежели для России, и означала, что война станет европейской войной. И действительно, при наличии союза с Россией Франция

52

Июльский кризис 1914

должна провести мобилизацию, если ее проведет Германия. Но иллюзия того, что еще можно что-нибудь сделать, избежать последствий военных решений, уже принятых, существовала еще некоторое время. Тем не менее 1 августа, даже сам кайзер, Верховный главнокомандующий, обнаружил, что он не может отменить планы, введенные в действие его генералами.

В этот день Грей, так и не получивший согласия кабинета на выступление Британии на стороне Франции и России, еще верил, что возможно возобновление прямых переговоров между Россией и Австрией, есть шанс избежать нападения Германии на Францию и принятия решения, которое британское правительство очень не хотело принимать. Казалось, это привело к совершенному непониманию между ним и Личновским. Утром 1 августа личный секретарь, Вильям Тиррел, сказал послу, что Грей собирается вечером после заседания кабинета сделать ему заявление и что он надеется избежать катастрофы.

Лич-новский решил, что Грей сообщит о нейтралитете Англии и будет гарантировать французский нейтралитет, если Германия не нападет на Францию. Лич-новский сразу телеграфировал в Берлин и через три часа послал вторую телеграмму, сообщая, что Грей сделает предложение о английском нейтралитете даже в случае войны между Германией, Францией и Россией. Новости были приняты в Берлине с ликованием. Кайзер попросил шампанского, отправил личное послание королю Георгу V и вызвал шефа ген-

53

Истоки первой мировой войны

штаба и военного министра. Но когда он потребовал сконцентрированные на Западе войска направить против России, Мольтке сказал ему: "Если Его величество поведет целую армию на восток, у него будет не армия, готовая нанести удар, у него будет беспорядочная масса дезорганизованных вооруженных людей без продовольственного снабжения" . Скоро стало ясно, что энтузиазм кайзера был преждевременным. Ночью британский посол в Париже получил телеграмму Грея: "Я полагаю, французское правительство не будет возражать против нашего нейтралитета до тех пор, пока германская армия будет оста-

³⁵

ваться на границах в состоянии обороны" . Он был сильно изумлен: "Я не мог предположить, что если Россия будет воевать с Австрией и на нее нападет Германия, которая связана с Францией обязательством, нам не двигаться с места... Должен ли я выяснить, каковы обязательства Франции по франко-российскому союзу?" ³⁶. В 3 часа 40 минут дня французы объявили всеобщую мобилизацию, военный министр сказал британскому военно'му атта-

³⁷

ше: "Мы полагаемся на себя и на Вас" . Таким образом, как часто бывало в этом кризисе, события развивались быстрее, чем воображение политиков. На следующее утро, 2 августа, Грей раздал указания и инструктировал Берти не предпринимать никаких действий.

На первых двух заседаниях британского кабинета 1 августа Грей заставил либеральную партию рассматривать вопрос о вступлении в войну и одновре-

54

Июльск&a кризис 1914

менно о нейтралитете Бельгии, Германские планы нападения на Францию основывались на движении немецкой армии через Бельгию. Бельгийский нейтралитет был гарантирован в 1839 г. Англией, Францией, Пруссией, Австрией и Россией, и во время Франко-Прусской войны в 1870 г. обеими странами — Францией и Пруссией вновь было подтверждено уважение нейтралитета Бельгии, к тому же Британия заявила, что берет на себя ответственность гаранта. В последние годы перед войной 1914 г. правительство Бельгии стояло в стороне от европейских союзов и неоднократно подчеркивало свою приверженность строгому нейтралитету. Таким образом, в июле 1914г. Бельгии нечего было опасаться какой-либо угрозы, и она до конца отказывалась обращаться за поддержкой к какой-либо стране. Тем не менее 28 июля правительство Бельгии сообщило британскому министру, что "оно намеревается организовать сопротивление, насколько это будет в его силах, если с какой-либо стороны будет нарушен нейтралитет и целостность Бельгии"³⁸. 29 июля специальный курьер доставил германскому послу в Брюсселе пакет, его можно было вскрыть только после получения инструкции, которая поступила 2 августа. Германцы в документе, подписанном генеральным штабом, еще до того, как сербы ответили на ультиматум Австрии, требовали от бельгийцев разрешить германским войскам пересечь бельгийскую территорию, при этом германское правительство обещало уважать суверенитет Бельгии и ее террк-

55

Истоки первой мировой войны

ториальную целостность. Перед тем как германская нота пришла в Бельгию, 31 июля Грей решил спросить правительства Франции и Германии, готовы ли они уважать нейтралитет Бельгии до тех пор, пока какая-либо сила не нарушит его. Французы ответили в ту же ночь утвердительно, германцы задержали ответ. В это же время Грей известил бельгийцев о том, что им сделано, но министр иностранных дел заверил, что отношения между Бельгией и соседними государствами очень хорошие и нет никакой необходимости проверять их намерения.

Отказ германцев дать прямой ответ вынудил Грея сделать открытое предупреждение, какого он еще не делал: он повторил, что Британия не может обещать соблюдение нейтралитета и ее "позиция будет зависеть от общественного мнения по этому вопросу"³. Кабинет ранее уже согласился с тем, что необходимо выразить германскому правительству величайшее сожаление по поводу того, что до сих пор не сообщили о соблюдении ими нейтралитета Бельгии. Хотя вопрос о нейтралитете Бельгии был важен сам по себе, но не являлся таким первостепенным для Британии, чтобы решиться поддерживать Францию. Если Германия вторгнется только на небольшую территорию Бельгии и бельгийское правительство, по словам Уинстона Черчилля, "заявит протест и подчинится. Несколько выстрелов могут прозвучать в Льеже или Намуре, и это несчастье заставит

-и 40

их склонить голову перед сокрушительной силой

56

Июльский кризис 1914

А другой член кабинета, как свидетельствует стенограмма, заявил 2 августа: "Мы не можем быть более бельгийцами, чем сами бельгийцы"⁴¹. Премьер-министр Х. Х. Асквит в отчете королю 30 июля сообщил позицию: "Кабинет считает, что вопрос, если он возникнет, скорее дело политики, чем законных обязательств"⁴². Дебаты политиков и анализ ситуации, проведенный министром иностранных дел, привели к решению по многим главным вопросам о позиции Британии в мире и природе равновесия сил. Взгляд сэра Айер Кроу был таков, что "Англия не могла участвовать в большой войне, ибо это означало отказ от независимости"⁴³. Этот взгляд разделяли и те члены кабинета, которые считали необходимым вступление Британии в войну; и это мнение было усилено решением консервативной оппозиции 2 августа: "Любые сомнения, поддерживать ли Францию и Россию, будут фатальны для чести и будущего общества Объединенного Королевства"⁴⁴. Хотя вывод не часто делался в такой обобщенной форме и обсуждения в кабинете обычно были на тему обязательств Британии по отношению к Франции и о причастности к возможному вторжению в Бельгию, это были темы, которые обсуждались чаще, чем другие более важные вопросы.

После возвращения Пуанкаре и Вивиани из России правительство Франции ждало, что Британия заявит о своей -действенной поддержке России и Франции. Сами они говорили неоднократно о верности франко-российскому союзу и не сдерживали по-

57

Истоки первой мировой войны

Июльский кризис 1914

литику России, не предлагали отсрочить мобилизацию; оба посла, французский в Санкт-Петербурге, Палеолог, и российский во Франции, Извольский, многое делали для взаимодействия двух государств. Но 30 июля Вивиани настоятельно рекомендовал России "не совершать каких-либо действий, которые могли бы заставить Германию прибегнуть к всеобщей или частичной мобилизации"⁴⁵. Когда это заявление Вивиана стало известно в Лондоне, там напомнили, что Грей и французский посол обменивались письмами в 1912 г.

(см. гл. 3), "в которых Мы согласились, что в случае угрозы миру в Европе, Мы обсудим то, что Мы собираемся делать"⁴⁶, В это время Камбон передал Грейю последнюю информацию о движении германских войск к границам Франции и отметил, что германские приготовления к войне продвинулись дальше, чем французские. Нерешительность британского правительства усиливала беспокойство Камбона по поводу его намерений. Грей находился в сильном напряжении: он знал, как далек кабинет от соглашения, он выслушивал от французского посла при каждой встрече учтивые упреки, он считал, что Британия была морально обязана Франции, и все же отказывался принять неизбежность вступления в войну и оставить надежду на возможность решения проблемы дипломатическим путем. Он испытывал давление своих подчиненных, а именно: сэра Артура Николсона, постоянного заместителя секретаря парламента, и сэра Айера Кроу, помощника заместителя секретаря, но он также

58

знал, как неохотно пойдут на это решение его политические коллеги. У тех, кто видел его в эти дни, создалось впечатление, что он находился на грани нервного срыва, как и многие другие лидеры. Россия проводила мобилизацию без малейшего возражения со стороны Франции, французское правительство меньше колебалось, чем британское, вступать ли в войну. Тем временем французский кабинет собрался вечером 30 июля. Казалось, все были того мнения, что война должна разразиться. Военные приготовления уже начались (главным образом, с целью произвести впечатление на Британию), войска подтянуты к германской границе, но, как было приказано, не ближе чем на 10 км.

В течение 48 часов свобода действий французов была ограничена объявлением Германией войны России. В Санкт-Петербурге германский посол старался убедить русских остановить мобилизацию; германцы призывали соблюдать лришгип солидарности монархий. Но 1 августа германское правительство формально объявило войну России на основании того, что Россия не приостановила военную подготовку, направленную против Германии и Австрии. Условия союза с Россией обязывали Францию также вступить в войну, но правительство плохо понимало, что это повлечет за собой немедленное нападение Германии.

Французское правительство многократно напоминало Британии, что оно рассчитывает на моральную поддержку, все время подчеркивая, что единст-

59

Истоки первой мировой войны

Июльский кризис 1914

венным средством избежать войны является заявление Британии о поддержке Франции. Поздно вечером 31 июля в Лондон прибыл эмиссар с личным письмом от президента Пуанкаре королю Георгу V, которое было вручено королю на следующий день. Пуанкаре писал: "Я верю, что последняя возможность мирного решения конфликта зависит теперь от Британии, Франции и России, которым в настоящий момент необходимо проявить единство в их дипломатических действиях, тогда можно закономерно рассчитывать на сохранение мира"⁴⁷. Но ответ Георга V был более уклончив, чем те послания, которые Камбон получал от британского правительства. К 1 августа Камбон очень надеялся не столько на дипломатические действия, сколько на поддержку флота и армии. Он использовал все свое личное влияние в лондонских кругах. Он спрашивал в английских клубах, не изъято ли слово "честь" из английского словаря; 1 августа он выражал недовольство своему старому другу сэру Артуру Николсону в тот момент, когда Грей все обсуждал с Личновским условия британского нейтралитета: "Us vont nous laches"⁴⁸. Вечером, после заседания кабинета, Камбон отметил, что Франция ради общественного мнения Британии держала свои войска в 10 км от границы. Но она также (следуя соглашению 1912 г.) сконцентрировала свой флот в нейтральных водах и оставила свое северное побережье неприкрытым. А Грей

снова отвечал, что "Британия вне обязательств, и что она проводит очень важные обсуждения" ⁴⁹.

60

На следующий день обстановка немного прояснилась. Грей оставил свои предложения германцам по вопросам нейтралитета. Германцы оккупировали Люксембург на основании того, что возникла необходимость защиты железной дороги через Гранд Ду-чи. -Уже поступили сообщения о нарушении Германией границ Франции. Это было в тот день, когда британский кабинет наконец принял решение: "если германский флот войдет в Ла-Манш или через Северное море предпримет вражеские операции против Франции, Британский флот пойдет на ее защиту"⁵. Это была реакция на нарушение буквы договора 1912 г., но до сих пор обсуждалась и необходимость парламентского подхода и министры продолжали уклоняться от принятия решения о высадке британских экспедиционных сил на континент. Таким образом, на этом заседании кабинета, которое один из участников позднее описывал как "кабинет, который заявил, что война с Германией неотвратима", так и не пришли к определенному решению. Тем не менее ода подтвердили некоторые обязательства по отношению к Франции и также заявили, что нарушение нейтралитета Бельгии явится основанием для начала войны. Эти документы не были приняты единогласно, четверо членов кабинета (Морлей, Берне, Симон и Би-чамп) подали в отставку, хотя двое из них (Симон и Бичамп) взяли свои заявления назад.

В течение 2 и 3 августа распространились слухи о военных операциях на Западе. И французское и германское правительства обвиняли друг друга. Были

Истоки первой мировой войны

случаи с обеих сторон, когда патрули пересекали границу. Публиковались донесения, которые после проверки оказывались фальшивками (например, о том, что французский аэроплан бомбил Нюрнберг). Германцы выпустили декларацию от 1 августа, на основании того, что Франция была готова оставаться нейтральной в германо-российской войне, но они приказали своему послу в Париже не передавать ее. В Берлине возникли разногласия по вопросу о том, как передать Франции объявление о войне. Мольтке и Тирпиц, Государственный секретарь флота, не видели необходимости вообще объявлять войну и верили в то, что Франция первая предпримет действия. В то же время они считали, что отсрочка передачи декларации о войне позволит дольше проводить мобилизацию Германии, объявленную 1 августа. Бетман был весьма озадачен нарушением принципов международного права, вновь подтвержденных на Гаагской конференции 1907 г., в соответствии с которыми начало военных действий должна предшествовать формальная декларация о войне.

Французское и германское объявления о всеобщей мобилизации вышли одно за другим через несколько часов 1 августа, но тогда как французы, могли ждать, германцы должны были торопиться, чтобы атаковать Францию через Бельгию. В результате, как мы видели, ультиматум Бельгии был передан вечером 2 августа и истек в 8 часов вечера 3-го числа. Он был решительно отвергнут правительством Бельгии и королем, как и заявление Германии, что для Бельгии существовала не-

62

Июльский кризис 1914

кая угроза со стороны Франции. Сразу были отданы приказы о наступлении германских войск на Бельгию. В этот же день германский посол в Париже получил инструкцию вручить декларацию о войне. Скорость и число дипломатических обменов в эти дни были таковы, что телеграфные службы оказались перегружены; случались задержки депеш, шифры искажались при передаче. Германский посол во Франции позже писал, что ему пришлось переделывать текст последней декларации о войне, он

подозревал, что кабель был испорчен французами. Это действительно было на руку французам, так как они являлись пассивной стороной, получающей декларацию о войне от Германии, которая уже совершила нарушение границ, вторгшись в Бельгию. Теперь было важно как для Германии, так и для Франции — объяснить своим народам политику этой войны и доказать необходимость вести эту войну собственному народу и нейтральным странам, которых они надеялись вовлечь в нее. Германцы, подчеркивая, что русские первыми объявили мобилизацию, старались переложить часть вины на Россию, хотя это германцы официально объявили войну. Выступление против Франции ослабило их позицию, и передача декларации о войне вместе с вторжением в Бельгию сделало дальнейшее обращение германцев к Британии невозможным. Утром 2 августа британский кабинет утвердил необходимость защиты северного побережья Франции. К вечеру, на втором заседании кабинета, в этот же день

63

Истоки первой мировой войны

они получили новости с континента и согласились, что нарушение нейтралитета Бельгии оправдывает вступление в войну. На заседании утром 3 августа они все еще не договорились о каких-либо определенных действиях, но выяснили, что логика их обсуждений 2 августа и скорость событий не оставляют выбора. К полудню сообщение о германском ультиматуме Бельгии и о реакции на него достигло Лондона, и в 2 часа пополудни Грей телеграфировал послу в Берлине, повторяя свое настоятельное требование получить заверение от Германии, что она будет уважать нейтралитет Бельгии. Он просил ответить до полуночи: "Если нет, Вы полномочны попросить ваши паспорта и сказать, что правительство Его величества считает себя обязанным принять все меры, которые в его власти, чтобы защитить нейтралитет Бельгии и обеспечить соблюдение Договора, под которым Германия подписалась так же, как и мы". Этот ультиматум истек в полночь 4 августа, хотя сомнения продолжались до 6 августа, когда кабинет наконец согласился послать британские экспедиционные силы во Францию.

Единственной великой страной, сохранявшей некоторую свободу действий в течение июльского кризиса, была Италия. Итальянское правительство, особенно хитрый и опытный министр иностранных дел Марчезе ди Санджилиано, наблюдал за событиями с беспокойством, но с намерением действовать исключительно в национальных интересах Италии. Италия формально находилась в союзе с Германией и

64

I

1914

Австро-Венгрией. Союз был обновлен в 1912 г. Отношения же с Австрией были натянутыми не только из-за недовольства итальянских меньшинств в Габсбургской империи и желания вернуть Тренто, Триест и Далмацию, но и из-за того, что существовали постоянные разногласия и подозрительность между двумя правительствами из-за Албании — нового государства, возникшего под международной опекой в результате Балканских войн 1912-1913 гг. Албания представляла интерес для Италии из-за своего географического положения на Адриатике. Отношения между Италией и Австрией усложнялись также личным непониманием между ди Санджилиано и графом Мереем, австрийским послом в Риме. Оба были больны во время кризиса (ди Санджилиано умер в октябре, а Мерей должен был вернуться в Вену для сложной операции в начале августа). Последний был чрезвычайно трудным человеком, агрессивным и яростным сторонником войны против Сербии. Зачастую он едва сдерживал свое презрение к итальянцам. Итальянцы с самого начала кризиса были озабочены тем, какие действия предпримет Австрия против Сербии. 4 июля итальянский посол в Париже передавал: "Пасич не мог принять такие тяжелые условия... Это показывало, что Австрия имела твердые намерения развязать европейскую войну"⁵³. Развитие кризиса и то, что Австрия

нуждалась в поддержке Италии, вселяло в итальянцев-надежду на возможность получить некоторые компенсации. 9 июля

3. 8ак. 800

65

Истоки первой мировой войны

Санджилиано имел личную беседу с германским послом, в которой тот дал понять, что "уступка Италии части итальянских провинций будет трудным делом, но не совсем невозможным и зависит от пропорциональной и эффективной поддержки, возможно даже военной, которую Италия должна оказать Австрии"⁵⁴.

Германское правительство в течение кризиса (и до последнего решения Италии вступить в войну весной 1915г.) постоянно требовало от Австрии сделать уступки Италии в обмен на ее поддержку. Мерею было доверено сообщить итальянцам - об австрийском ультиматуме сербам только за день до того, как он был предъявлен: но этого вряд ли было достаточно, чтобы у итальянского правительства создалось впечатление, что с ним советуются. Санджилиано был уже убежден, что австрийцы готовятся напасть на Сербию. Он писал 24 июля: "Я думаю, что шаг, предпринятый Австро-Венгрией, который повлечет за собой большие осложнения, не мог быть сделан без предварительного согласования с союзниками"⁵⁵. Исходя из этого итальянское правительство последовательно настаивало на мнении, что действия Австрии против Сербии были актом агрессии, который не вовлечет Италию в войну. В критические дни последней недели июля итальянское правительство отказывалось принимать на себя обязательства. Оно было безусловно готово поддержать попытки Грея, но в то же время заявляло, что причина конфликта такова, что Италия слагает с

Июльский кризис 1914

себя обязательства поддерживать Австрию. Санджилиано в то же время намекал, что Италия могла бы это сделать, если бы это имело для нее смысл. Он писал в одном из своих частных посланий премьер-министру: "В настоящий момент мы должны держать всех дома и за границей в сомнении относительно наших намерений и решений, чтобы достичь некоторых преимуществ"⁵⁶. Санджилиано преуспел в том, чтобы держать людей в сомнении об истинных намерениях итальянцев, но было ясно, что Италия не собиралась немедленно вступить в войну. Австрийский посол был оскорблен и клялся секретарю Санджилиано — "gesticulando e moltiplicando le parole grosse"⁵⁷. Но такими были итальянские дипломаты, а именно послы в Вене и Берлине, они сохраняли верность Тройственному союзу: "Наша сдержанность в отношении к огромному сражению, в которое будет втянута вся Европа, отказ от союзнических обязательств в момент опасности... разрушит положение Италии, как великой державы"⁵⁸, — телеграфировал 1 августа Боллати, посол в Берлине. Руководители армии также были привержены обязательствам перед союзниками: генерал Поллио, глава штаба, перед своей внезапной смертью в тот же день, когда был убит Франц Фердинанд, разработал планы кооперации с германской и австрийской армиями, которые включали переброску итальянской армии на западную границу Германии. Во время кризиса глава ставки австрийской армии утверждал, что Поллио обещал послать армейские части в Галицию, в то время как

3*

67

Истоки первой мировой войны

министерство иностранных дел Италии заявило, что оно не смогло найти такого приказа. Существовало и соглашение 1913 г. о совместных действиях флотов Италии и Австрии.

На самом деле было решено не принимать во внимание подобные взгляды и обязательства: ди Санджилиано был убежден, что Британия вступит в войну и тогда побережья Италии будут атакованы и ее торговля разрушена. Общественное мнение

было настолько настроено против Австрии, что позволяло итальянцам не воевать на стороне Австрии, невзирая на давление Германии и Австрии, пытавшихся подкупить итальянскую прессу. Кампания в Ливии в 1911 г. привела к необходимости пополнения и довооружения. Напряжение внутри страны было велико, война могла обернуться революцией. Это были веские аргументы, которые позволили ди Санджилиано защитить свои позиции, и в то же время, как ни цинично это звучит, он подчеркивал, что страна, которая боролась за свою независимость от иностранного правления, никогда не могла содействовать уничтожению независимого государства, не нарушая традиций Risorgimento.

Как британскому кабинету понадобилось несколько дней, чтобы согласиться на вступление Британии в войну, так и итальянское правительство приняло окончательное решение оставаться нейтральным после отсрочки. Решение было принято незначительным большинством голосов, так как ди Санджилиано надеялся, что он будет проводить политику

68

Июльский кризис 1914

нейтралитета формально, не выходя из Тройственного союза. Хотя кабинет и согласился с тем, что Италия не обязана вступать в войну, но сомнения оставались относительно того, как выпустить декларацию о нейтралитете и как информировать итальянских союзников об этом шаге. Более того, итальянцы не оставили надежд на получение территориальных компенсаций от Австрии. 1 августа ди Санджилиано заявил германскому послу, что "хотя Италия и не собиралась вступать в войну, она оставила за собой право решить как ей поступить, чтобы помочь своим союзникам и соблюсти свои собственные интересы"⁵. Мерей, посол Австрии, метко характеризовал позицию итальянцев: "У меня до сих пор впечатление, что это шантаж... Италия рассчитывает, чтобы ей заплатили вперед за ее участие в войне, невзирая на то, локальная это война или всеобщая". Он и раньше демонстрировал свое презрение к итальянцам, говоря: "Характерный жест для этой страны — протянутая вперед пустая рука"⁶¹. Фактически ко времени, когда было сделано -заявление об итальянском нейтралитете 2 августа, было уже слишком поздно для вступления Италии в войну, чтобы это имело какой-либо эффект: государства были заняты своими военными решениями, и машина войны была заведена.

Во время кризиса Франция и Британия воздерживались оказывать какое-либо давление на Италию, хотя, как мы видим, Грей надеялся объединиться с итальянцами, как только появилась возможность по-

69

Истоки первой мировой войны

средничества. Тем не менее в Париже и Лондоне итальянская декларация о нейтралитете была воспринята с великим облегчением. Французское и британское правительства выразили свою глубочайшую благодарность в эмоциональной форме: у Грея и итальянского посла были слезы на глазах. Франция и Британия теперь начали надеяться, что если война началась, а итальянцы не выступили на стороне своих союзников, то возможно еще больше отдалить Италию от Германии и Австрии. Перед самой войной делались намеки на присоединение Италии к Франции, Британии и России, в случае, если они выиграют войну. Дипломатия первых месяцев войны была посвящена усилиям обеих стран получить поддержку Италии, также как и других неприсоединившихся стран: Румынии (которая заявила о своем нейтралитете 3 августа), Греции и Болгарии. Для итальянцев в августе 1914 г., поскольку они не вступили сразу в войну, началась новая фаза политической жизни, которая влияла на судьбу страны в последующие 30 лет. Среди деклараций о войне, появившихся одна за

другой с 1 по 4 августа, австрийская была последней ошибкой в отношениях с Россией. Она появилась только 6 августа (хотя была написана за 3 дня до этого). Ее целью было устрашение России, и авторы декларации исходили из ошибочного мнения, что Россия начинает военные действия против Германии. Франция и Британия объявили войну Австро-Венгрии 12 августа, довольно неохотно и с выражением личного сожаления от имени Грея и австрий-

70

Июльский кризис 1914

ского посла. Условия и сроки обычных деклараций о войне в большей степени зависели от того, что все правительства старались предстать в лучшем свете, чтобы оправдать свои действия перед своими гражданами; и в то же время это не представляло труда для них. Почти всеми война была воспринята с энтузиазмом. Очень немногие понимали причины, предвидели продолжительность и последствия ее. Последствия же июльского кризиса были так глубоки, что мы не можем быть удовлетворены объяснениями о начале войны, содержащимися в документах того времени и заявлениях политиков и дипломатов. Отчет объясняет хронологию событий и излагает действия официальных кругов, государственных деятелей и членов правительств, послов и военных, но он не может объяснить, как они пришли к ситуации, в которой принимаемые ими решения казались рациональными и неотвратимыми, и не объясняет, как общественность могла принять и даже приветствовать решение о войне. Отчет о кризисе не включает большого количества документов (Луиджи Альбертини в своем замечательном детальном труде "Истоки войны 1914г." рассматривает период с 28 июня по 12 августа на 1400 страницах) и не может передать сложности и запутанности ситуации, напряжения тех длинных жарких летних дней. Приводится ряд драматических эпизодов, которые усложняют картину, хотя сами по себе не имеют никакого значения. К примеру, вечером 10 июля барон Харт-виг, российский посланник в Сербии, решил вы-

71

Истоки первой мировой войны

ступить, чтобы опровергнуть слухи о том, что он провел вечер, когда был убит эрцгерцог, играя в бридж, и что в день похорон он не приспустил флаг России. В этот момент его сразил сердечный приступ. Хартвига похоронили в Сербии с величайшими почестями: в его честь назвали улицу, и он сразу стал символом антиавстрийских настроений в Сербии и сербско-русской дружбы. Внезапная смерть известного вдохновителя сербской политики, воплощавшего российские симпатии к сербскому курсу, вызвала слухи. В частности, дочь Хартвига заявила, что ее отца убили австрийцы, хотя было хорошо известно, что он страдал сердечной недостаточностью длительное время.

В таком кризисе, как в июле 1914 г., личные действия и столкновения имели важное значение, хотя в обычной ситуации совсем не играли бы роли. К примеру, 26 июля брат кайзера, принц Генрих Прусский, завтракал с королем Георгом V и вернулся в Берлин совершенно уверенный в британском нейтралитете, хотя, конечно, король был в разговоре осторожен и уклончив, как и его секретарь-иностранных дел. Единственный эффект этого была возросшая досада кайзера на британское правительство. Известны и попытки монарха повлиять на ход кризиса при помощи своих личных и семейных связей. Частные лица также пытались предотвратить катастрофу. 1 августа старый лорд Ротшильд послал личное обращение кайзеру, называя его "старым и глубокоуважаемым своим знакомым.

72

Июльский кризис 1914

Ему было где-то 80-95 лет", но ответная телеграмма кайзера с благодарностью и

уведомлением о получении не была послана, так как телеграфные линии были закрыты. Альберт Баллин, глава паровой линии Гамбург-Америка, установил тесные связи с британскими бизнесменами и политиками, надеясь убедить членов британского правительства в том, что среди германских правящих кругов существовало большее разногласие, чем на самом деле. Люди имеют склонность надеяться, что все проблемы можно разрешить — великое наследство европейского просвещения, — от которого еще не отказались.

Мы знаем, что случилось позже, можем оценить, какие решения оказались роковым в кризисе июля 1914 г. и понять, что всякий максимализм в то время был беспочвенным. Каждое из этих решений ограничивало или, казалось, могло ограничить свободу действий других правительств, не оставляло выбора тем, кто принимал решения, и тем, кто был против них. И если мы стараемся понять причины войны, мы должны по крайней мере рассмотреть те из них, которые назывались в то время, когда делался выбор. Если рассмотреть решения, принятые после 28 июня, — к примеру, постановление студентов (членов движения Млада Босня) убить эрцгерцога, разрешение австро-венгерских властей на визит эрцгерцога в Сараево (несмотря на предупреждения и его собственные дурные предчувствия) в день, когда сербы отме-

73

Истоки первой мировой войны

чали годовщину великого национального несчастья (поражение от турок в 1389 г.) — можно осознать, какие из этих решений имели особую важность и значение. Каждое из них — решение австрийцев принять жесткие меры против сербов, германское решение поддержать Австро-Венгрию, сербское решение отвергнуть некоторые требования австрийцев, решение России защитить Сербию, решение британцев вступить в войну, и, возможно, самые главные решения о мобилизации в России и Германии — все они зависели от целой серии предшествующих решений, планов, унаследованных отношений, присвоений. Все это мы должны проанализировать, если хотим понять то, что случилось в июле 1914 г. И если мы преуспеем в этом, то мы все же должны постараться увидеть то, чего ожидали от этих решений люди в 1914 г., так как очень немногие из них хотели военного исхода и еще меньшее число отдавало себе отчет, какие будут последствия. Как предупреждал российский представитель в Белграде своих австрийских коллег 22 июля: "Мы знаем, когда и почему война начинается, но никогда, где она за-

"кончится" . Генерал Конрад, глава генштаба Австро-Венгии, обсуждая вопрос о войне против Сербии с графом Бертольдом, министром иностранных дел, 6 июля заметил, что их германские союзники должны бы знать, что может произойти после такой войны. И добавил: "Этого мы и сами не знаем" . Германский канцлер, Бетман Гольвег,

74

Июльский кризис 1914

выразился так: "Они оказались жертвами сил, которые были сильнее их". Бетман заявил своему личному помощнику: "... над Европой навис рок, который выше человеческих сил" ⁶⁵. Сазонов, министр иностранных дел России, признавался послу Италии 25 июля, "что ему страшно" ⁶⁶. Эдвард Грей образно выразил чувство беспомощности, охватившее его. Выглянув в окно кабинета в сумерки 3 августа, он сказал: "По всей Европе гаснут фонари. Мы в жизни не увидим их теперь

а7

зажженными" . Наблюдая за ходом истории, мы должны рассмотреть те силы, действие которых объясняет решения людей, как часть более широкого и неизбежного исторического процесса, или хотя бы как часть картины, которая открывалась взорам европейских канцлеров. Проблема отношений между ними остается главной историографической и философской проблемой, которая является неразрешимой. Тем

не менее в следующих главах мы постараемся дать некоторые объяснения относительно начала первой мировой войны и показать, как они далеки от решений, принятых во время кризиса в июле 1914 г.

Примечания

¹ The phrase was used by Count Taaffe. See e.g. Oscar Jaszi, *The Dissolution of the Habsburg Monarchy* (Chicago

For Hoyos' mission and the mood in the Austro-Hungarian Foreign Ministry see Frits Fellner, 'Die Mission Hoyos' in *Les Grandes Puissances et la Serbie a la veille de*
75

Истоки первой мировой войны

la Premiere Guerre Mondiale. Recueil des travaux aux As-sises Scientifiques Internationales (Belgrade 1976).

³ R.J.O Evans, 'The Habsburg Monarchy and the Coming of War' in Evans and Pogge von Strandmann (eds), *The Coming of the First World War* (Oxford 1985), p. 40.

⁴ Karl Kautsky, Graf Max Montgelas and Prof. Walter Schiicking (eds) *Die deutschen Dokumente zum Kriegausbruch*, Vol. I (Charlottenburg 1919) No. 50, p. 78. (Hereinafter referred to as DD.)

⁵ O. Hoetsch (ed.) *Die internazionalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente am den Archiven der Zaristischen und der Provisorischen Regierung*, 5 vols (Berlin 1931-34) 1st series, Vol. IV, No. 245. (Hereinafter referred to as *Int. Bez.*) See LAlbertini, *The Origins of the War of 1914*, Vol. II (London 1953), p. 184.

⁶ Baron Schilling, *How the War began in 1914* (London 1925) pp. 28-29. See also Albertini, op. cit, Vol. III, p. 290.

G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origin of War 1898-1914*, Vol. XI (London 1926). No. 91, p. 73. (Hereinafter referred to as BD.)

**Int. Bez.* 1st series, V, No. 37; Albertini, op. cit., Vol.11, p. 350.

⁹ *Oesterreich-Ungarns Amsenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegausbruch 1914*, Vol. VIII (Vienna 1930) No. 10616, p. 646. (Hereinafter referred to as *OeD.*)

See Gale Stokes, 'The Serbian documents from 1914: a preview'. Supplement to the *Journal of Modern History*, 48, No. 3, Sept. 1976.

¹¹DDI, No. 49, p. 74

¹² DDIV, Appendix IV, No. 2, p.127.

¹³ ЯШ1, No. 86, p. 70. ¹⁴£Z)XI,No.98,p.77. ¹⁵5Z)XI,No. 140, p. 101.. ¹⁶O?£>VIII,No. 10648.

¹⁷ John F.V. Keiger, *France and the Origins of the First World War* (Oxford 1983), p.50.

¹⁸£>£HI,No.342,p.59. ¹⁹DDII,No.335,p. 51.

76

Июльский кризис 19Г4

²⁰ DDI, No. 258, p. 250.

²¹Z)Z>II,No.293,p.18.

²² Feldmarschal Franz Conrad von Hotzendorf, *Aus meiner Dienstzeit 1906-1918*, Vol. IV(Vienna 1923), p. 153.

²³SDXI,No.264,p. 171. . ²⁴5£XI,No. 125, p. 94.

²⁵£DXI,No.318,p.200.

²⁶£Z)XI,No.283,p. ISO.

²⁷5Z)XI,No.293,p. 186.

²⁸5Z)XI,No.303,p. 193.

²⁹Herbert Samuel, quoted in Michael G. Ekstein and Zara Steiner. 'The Sarajevo crisis' in F.H. Hinsley (ed.) *British Foreign Policy under Sir Edward Grey* (Cambridge 1977), p401.

³⁰ Asquith to King George V, quoted in Ekstein and Steiner, op. cit., p. 404.

£DXI,No.426,p.253.

³¹

³³ DOT, No. 456, p'p.177-178.

³⁴ Helmut von Moltke, *Erinnerungen, Dokumente, Briefe 1877-1916* ^Stuttgart 1922), pp. 19-21.

³⁵FDXI, No. 419, p. 250. ³⁶5DXI, No. 453, p. 263. ³⁷&DXI, No. 452, p. 252. ³⁸j5DXI, No. 243, p. 60.

³⁹5DXI, No. 448, p. 261.

⁴⁰ W. Churchill, *The World Crisis*, Vol. I (London 1923), quoted in Michael Brock, 'Britain enters the War', Evans and Pogge von Strandmann, *The Coming of the First World War*, p. 152.

⁴¹ Hurcourt, quoted in Brock, op. cit., p. 154.

⁴² J.A. Spender and C. Asquith, *Asquith* (London 1932), Vol. II, p. 81 quoted in Brock, op. cit., p. 154.

⁴³5Z)XI, No. 369, p. 228.

⁴⁴ Quoted in Ekstein and Steiner, op. cit., p. 405.

⁴³ *Documents diplomatiques français 1871-1914*, III serie, Vol. XI (Paris 1936) No. 305, p. 263 (Hereinafter referred to as *DDF*.)

77

Истоки первой мировой войны

⁴⁶5/)XI, No. 319, p. 201.

⁴⁷ Raymond Poincaré, *Au Service de la France: Neuf Années de Souvenirs*, Vol. IV (Paris 1927), pp. 438-440.

⁴⁸ Harold Nicolson, *Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock: A Study in the Old Diplomacy* (London 1930), p. 419.

⁴⁹5£>XI, No. 447, p. 260.

⁵⁰50XI, No. 487, p. 274.

⁵¹ Walter Runciman, quoted in Cameron Hazlehurst, *Politicians and War* (London 1971), p. 93.

⁵²5£>XI, No. 594, p. 314. '

⁵³ *I Documenti Diplomatici Italiani* (Hereafter referred to as да!) 4th series. Vol. XII (Rome 1964) No. 73, p. 47.

⁵⁴ да/4th series, vol. XII No. 124, p. 88.

⁵⁵ D£>/4th series, vol. XII No. 468, p. 301. ⁵⁶O£>/4th series, vol. XII No. 560, p. 350. ⁵⁷DDI 4th series, vol. XII No. 565, p. 355. ⁵⁸ да/4th series, vol. XII No. 852, p. 510. ⁵⁹ да/4th series, vol. XII No. 830, p. 499.

⁶⁰ quoted Albertini, op. cit Vol. III, p. 316.

⁶¹ *OeD*, Vol. VII, No. 10989, p. 888. • > ⁶² дат, No. 580, p. 77.

⁶⁰еД Vol. Vffl, No. 10688.

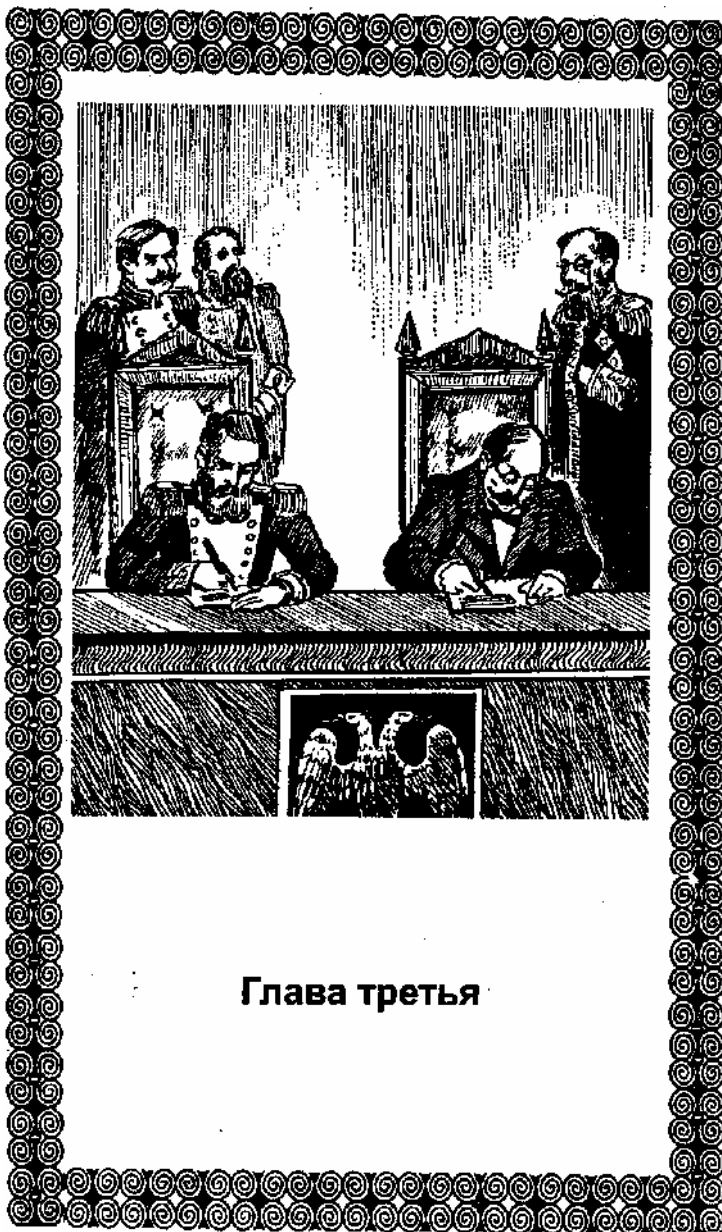
⁶⁴ Conrad, op. cit. Vol. IV, p. 40.

⁶⁵ Kurt Riezler, *Tagebucher, Aufsätze*, (Göttingen 1972), p. 192.

Dokumente

OeD, Vol. VIII, No. 10688.

Viscount Grey of Fallodon, *Twenty-five years 1892-1916* (London 1925). Vol. II, p. 20 .

Глава третья

Система союзнчества и старая дипломатия

Победа Пруссии над Францией в 1870 г. и создание Германской империи привели к изменению баланса сил в Европе и во всем мире. Германия к тому времени была не только сильнейшей военной державой на континенте, но и страной с широко развитой промышленностью. В 1880-1890 гг. методы ведения международных отношений и основная структура международных союзов в большей степени определялись Бисмарком и подчинялись интересам Германии. Имя Бисмарка связано с особым

стилем дипломатии — это безнравственная и беспринципная "реальная политика". "Это осадок, оставленный Бисмарком, который до сих пор находится в чашке", —

81

Истоки первомировой войны[^]

так Эдвард Грей писал в декабре 1906г. и обвинял германскую дипломатию в "преднамеренных попы>ках посеять раздоры между странами, говоря одной стране гадости о другой"¹¹. Это не честно, — возражал А. Дж. П. Тэйлор, — "Бисмарк был не хуже в этом отношении, чем другие государственные деятели девятнадцатого столетия, хотя бы Наполеон Третий"¹². Но Бисмарк и современникам и последующим историкам казался великим мастером дипломатической интриги. Запугивая послов и министров иностранных дел других государств, блефуя, он таким образом заставлял их выполнять свою волю, порою совершая необдуманные поступки, такие, как в 1887г., когда он зачитал российскому послу точный текст германского договора с Австрией с целью вынудить Россию согласиться повторно заключить договор с Германией, что обеспечивало нейтралитет России, в случае франко-германской войны, не требуя[^] от Германии взамен никаких гарантий. Он, конечно, мог ожидать провала своих интриг: "Все, что я могу сказать - это обдумывайте *лучше* то, что делаете". Бисмарк заявил министру иностранных дел Австро-Венгрии: во время переговоров о союзничестве между Германией и Австро-Венгрией в 1879г.: "Я в последний раз призываю Вас оставить ваше противодействие. Примите мое предложение, или... или я приму ваши"³. Основным методом дипломатии Бисмарка было подчеркнутое притворство. Во всех международных переговорах и предприятиях он всегда исходил из национальных интересов и этим оправдывал отступле-

82

Система союзничества и старая дипломатия

вия-[^]от международных обязательств. Бисмарк был уверен, что Австрия и Пруссия — государства слишком великие, чтобы быть связанными текстами договоров. Никакое соглашение не могло длиться бесконечно, и, как полагал Бисмарк, все переговоры должны содержать фразу *rebus sic stantibus*. Лорд Солсбери думал так же. В конце своей жизни он писал по вопросу нейтралитета Бельгии: "Наши обязательства по договору будут отвечать нашим национальным интересам и не будут стоять над ними"⁴.

Союзнические договоры и -другие международные соглашения держались в секрете и полностью публиковались только после войны. И даже те, которые были опубликованы, имели секретные статьи. Вновь подтвержденный договор Бисмарка с Россией (1887г.) был заключен без ознакомления с текстом германского договора с Австро-Венгрией, и Бисмарк признался в его существовании только после вынужденной отставки, а его преемник Каприви ничего не прибавил нового. С деталями Тройственного союза между Германией, Австрией и Италией можно было частично познакомиться лишь в 1915г., когда Италия объявила войну своим бывшим союзникам, но полностью этот документ не публиковался до 1920 г. Спекуляциями о тайных соглашениях и скрытых обязательствах были заполнены страницы прессы. Знаменитые журналисты - Валентин Чирол из "Тайме" или Теодор Вольф "Берлинер тагеблат", к примеру, и некоторые издатели находились в дружественных

83

Истоки первой мировой войны

отношениях с членами правительства, и к их помощи часто прибегали для преднамеренных разоблачений, которые в свою очередь рождали дальнейшие спекуляции. "Дипломатия в интересах нации, — писал британский премьер-министр лорд Солсбери, — и теперь содержится в иностранных корреспонденциях, а также в депешах кабинета иностранных дел"⁵.

Не только газетчики охотились за сенсационными разоблачениями, но и правительства рады были узнать секреты других министерств иностранных дел и ознакомиться с деталями военных планов. Министерство иностранных дел Франции еще во время

Ришелье создало секретную службу, которая работала над расшифровкой дипломатических кодов других государств, а с 1880г. постоянно этим занималась⁶. Германцы имели шпиона в российском посольстве в Лондоне в 1914г. Он передавал информацию и, кажется, преувеличил важность военно-морских переговоров между британскими и российскими адмиралами в июне 1914г., и эта информация упрочила мнение германцев о том, что их противники сжимают кольцо вокруг Германии и что разбить это окружение лучше раньше, чем позже. Секретность дипломатических соглашений, а также военных планов заставляла власти тратить деньги и энергию на развитие специальных служб.

. Либералы и радикалы во всей Европе, и особенно в Британии, отрицали необходимость секретности в дипломатических делах, в то время как сами дипломаты полагали, что их профессия сопряжена с тай-

84

Система союзничества и старая дипломатия

ной, и дипломатом может быть не любой, а только человек определенного склада. Как писал один из младших сотрудников британского Министерства иностранных дел в 1914 г.:

*"Я думаю, ваша служба отбора будет в основном отбирать тот тип людей, которые подходят к международной карьере - называемой дипломатия. Все, говоря метафорически, разговаривают на одном языке, у них у всех один образ мыслей и более или менее одинаковые точки зрения, и если кто-либо, говорящий на другом языке, войдет туда, я думаю, вся дипломатическая служба отнесется к нему с презрением"*⁷. Если бы международные отношения были более успешно налажены или международное напряжение было меньше, если бы подробности дипломатических переговоров стали известны общественности и прекратился контроль парламента, то нет сомнения, практика "старой дипломатии" показала бы, что за любыми международными переговорами всегда стоит больше, чем можно заметить.

Договоры о союзничестве часто велись в атмосфере недоверия. Почему они считались важными, какое воздействие они оказывали на политику участвовавших государств? В каком случае можно сказать, что существование системы союзничества способствовало началу войны 1914 г.? Современники считали, что система союзничества обеспечивает баланс сил. Это фраза, которая стала общепринятой в дипломатическом языке с восемнадцатого века, могла быть

85

Истоки первой мировой войны

понята двояко — как объективная оценка современной военной и экономической мощи государств или как субъективная оценка государственным деятелями того, в чем заключались национальные интересы их стран. Эта мысль была выражена сэром Айером Кроу от имени британского министерства иностранных дел в известном меморандуме 1907 г.: "Единственный контроль за злоупотреблением политическим руководством всегда заключался в противостоянии одинаково сильных соперников, или в комбинации нескольких стран, составляющих союз обороны. Равновесие, создаваемое такими группировками сил, известно под названием баланс сил"⁸.

Бисмарк, чья дипломатия после объединения Германии благодаря установлению баланса сил в пользу Германии, сказал об этом кратко и с присущим ему реализмом: "Вся политика сводится к формуле: старайтесь оставаться втроем столько, сколько миром правит неустойчивый баланс пяти великих держав"⁹. Многие государственные деятели и дипломаты полагали, что установление баланса сил само по себе предотвращает войну, сдерживая агрессора, то ли непосредственно, то ли создавая механизм, при помощи которого, как сам Бисмарк считал, одно государство может контролировать союзников и не дать им нарушать баланс. Этот вопрос рассматривался

в передовой статье "Тайме" за апрель 1914 г.:

"Разделение великих держав на два сбалансированных лагеря с внутренними отношениями между членами каждого лагеря, которые не за-

86

Система союзничества и старая дипломатия

прецедент любому члену состоять в дружественных отношениях с одним или несколькими членами другого лагеря - в этом двойной контроль за ростом амбиций или всплеском ненависти. Все монархии и государственные деятели осознают, что война одной группы государств против другой группы станет невероятным бедствием. Сознание этого дает ответственность, которая сдерживает и ограничивает самоуверенность и опрометчивость. Но они знают также, чтобы обеспечить поддержку других членов в своей группировке и заставить их делить ответственность и риск конфликта, любое государство или государства, которые решатся применить оружие, должны сначала убедить других членов, что ссора необходима и оправдана. Они больше не свободны решать свою судьбу, отвечать только за себя" . Эта система разрушилась в 1914г., когда стало ясно, что баланс сил не был-регулятором международной системы, и что раздел Европы на враждующие союзнические системы не будет работать так благотворно, как надеялся редактор "Тайме". Два договора о союзах, которые были очень важны в июльском кризисе 1914г.,— это германо-австрийский союз, подписанный в 1879 г., и франко-российский союз 1893 г. Италия вошла в союз с Германией и Австрией в 1882 г. — известный как Тройственный союз, он был обновлен в 1912г. Это были формальные союзы, но такими же важными были менее формаль-

87

Истокпервой мировой войны

ные соглашения между Британией и Францией в 1904 г. и Британией и Россией в 1907 г. Если мы по-смотрим на обстоятельства, при которых велись переговоры о заключении этих соглашений, и ситуации, которые они рассчитывали создать, мы увидим, как менялась их сущность. В то же время факт их существования вынуждал другие страны строить их на выравнивание с теми, кто мог оказаться противником в войне. Таким образом, и политические и военные планы были подчинены существованию союзнической системы, которая усилила разделение государств.

К 1914г. усилилось значение германо-австрийского союза, заключенного Бисмарком в 1879 г. Поскольку Россия еще не забыла об унижении, нанесенном ей государствами на конгрессе в Берлине в 1878 г., Бисмарк полагал, что союз с Австро-Венгрией будет сдерживать Россию от любых действий против Германии, и таким образом рано или поздно вынудит Россию изменить отношения с Германией, как на самом деле и произошло в 1881 и 1887гг. Но Бисмарк также всегда считал, что союз — это средство укрепления политики Австрии на Балканах, и, если не считать ситуации, когда Германия была вовлечена Австрией в войну с Россией, союз укреплял интересы Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе. Союз был, в понимании Бисмарка, элементом стабильности в Европе, поскольку он заставил Россию улучшить отношения с Германией, а также обеспечил Германии контроль

88

Система союзничества и старая дипломатия

над австрийской политикой по отношению к ее соседям-славянам.

Для Австро-Венгрии и Германии союз означал дополнительную гарантию стабильности в империи. По крайней мере с 1815 г. выживание Габсбургской монархии зависело в большей степени от убеждения других великих держав в том, что Австрия — существенная составляющая в европейском балансе сил. При этом они не могли позволить исчезнуть хотя бы одному элементу. Граждане Австрии, говорящие на немецком языке, испытывали чувство облегчения, что союз означал конец разделению между Пруссией и

Австрией, происшедшему в результате войны в 1866г. Сроки договора возобновлялись и вызывали эмоциональный подъем от сознания, что Германия и Австрия теперь были связаны судьбой, а Schicksalgemeinschaft. Союз отвечал дипломатическим интересам и приносил моральное удовлетворение многим людям в обеих странах. Общество, или по крайней мере пресса, моментально откликались на дипломатические шаги, так как тому, что касалось договоров, сразу придавалось большее значение, чем они имели. Само существование союза было более важно, чем его конкретные сроки, точные детали которого хранились в секрете. Главной частью германо-австрийского союза было соглашение о том, что если одна из стран подвергнется нападению России, другая должна ее поддержать всеми силами. Во времена Бисмарка и Германия, и Австрия полагались на союз как на путь к стабильности. Бисмарк определил сро-

89

Истоки пятой мировой войны

ки, в которые, он надеялся в 1887 г., российские послы подпишут договор с Германией, что послужит гарантией стабильности. Но ко времени, когда договор был вновь продлен в 1894 г., Бисмарк был уже не у власти, а международная обстановка изменилась коренным образом из-за подписания в августе 1892 г. военного соглашения между Францией и Россией, которое переросло в полный союз в течение года. Возобновление дружественных отношений между Францией и Россией, несмотря на различие их политических систем, создало новый баланс сил. Во время франко-прусской войны Карл Маркс писал: "Поскольку Эльзас и Лотарингия захвачены, Франция через какое-то время будет воевать с Германией в союзе с Россией" ¹¹. Захват Германией двух французских областей означал, что долгое время между Германией и Францией не наступит примирение, и хотя на какое-то время французское правительство и народ забыли о потерянных областях, но осталась надежда вернуть их, и всегда нужно было ожидать того, что в любой европейской войне Франция выступит против Германии.

-

Выгоды союза с Францией для России казались ясными: это позволяло России действовать в Юго-Восточной Европе более свободно. Столкнувшись с возможностью войны на два фронта, Германия вряд ли стала бы поддерживать Австро-Венгрию в конфликте с Россией, Австрия не могла бы сдерживать российские действия. Существовала надежда, что союз обеспечит безопасность России в Европе, а цар-

90

ское правительство рассчитывало на многочисленные операции по установлению контроля в Тихом океане через Сибирь (в 1891г. было принято решение о строительстве Транссибирской магистрали). Но независимо от этих стратегических и дипломатических интересов между Россией и Францией с 1887г. развивались тесные финансовые связи, что придавало франко-российскому союзу более твердую основу, чем большинство дипломатических связей этого периода. Российское правительство нуждалось в иностранном капитале, не только для вложения в развивающуюся промышленность и растущую транспортную систему, но и для того, чтобы провести конверсию своего основного капитала с целью рационализации и экономии. Французские банкиры были заинтересованы в расширении своего влияния на российском денежном рынке, и действующие компании продали российские облигации во Франции, на что французский средний класс откликнулся с энтузиазмом, хотя французское правительство не надеялось и не рассчитывало, что эти вложения явятся существенной поддержкой военного и дипломатического союза. Интерес к России, который вырос после этих продаж, помог проложить путь в Россию французскому флоту в 1891 г., а российскому флоту - в Тулон в 1893 г. Бисмарк также внес свой вклад в развитие этих отношений. Он никогда не придавал большого политического значения международным связям, и в ноябре 1887 г. запретил продажу российских ценных бумаг на Берлинской валютной бирже. Бисмарк был

Истоки первой мировой войны

раздражен тем, что российское правительство учредило налог на иностранных владельцев недвижимости в России, так как это больно задело представителей германской аристократии, владевших недвижимостью по обе стороны границы между Россией и Пруссией. Со стороны Бисмарка было не дальновидно заставить Россию повернуться к Парижу в поисках капитала.

Больше всех стремились достичь соглашения военные лидеры Франции и России. Между ними произошло несколько встреч с 1870 г., и союз этот возник вначале как военный. Соглашение было достигнуто в 1892г. и ратифицировано в течение зимы 1893-1894 гг. В нем говорилось: "Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия все свои возможные силы использует для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция всеми силами атакует Германию..." К середине 1890-х годов было известно, что договор не имеет сроков действия.

Двойственный союз Франции и России выглядел как противопоставление Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Последствиями этой конфронтации было то, что германский генерал Штаф сразу начал строить планы войны на два фронта, но в тот момент это казалось маловероятным. Россия была занята своей экспансией в Азию; Австрия пыталась погасить национальное недовольство внутри монархии; Франция была занята колони-

92

Система союзничества и старая дипломатия

альной конкуренцией в Африке и Юго-Восточной Азии больше, чем вопросом возвращения Эльзас-Лотарингии; Германия искала пути укрепления своих позиций, как мировой державы, и в 1897г. предприняла первые шаги по созданию большого флота. В течение 1890-х годов империалистическая деятельность и интересы всех государств, исключая Австрию, перегораживали все пути к тому, для чего были созданы Тройственный и Двойственный союзы. На Дальнем Востоке французы и русские готовились в 1895 г., объединившись с Германией, произвести раздел между Японией и Китаем. В 1901 г. французы были готовы послать контингент международных сил под командованием германского генерала на подавление китайского движения "боксеров", которые были недовольны привилегированным положением европейцев в Китае. Для Франции в Африке, а для России на Дальнем Востоке Британия казалась тогда большим соперником, чем Германия.

До конца 1890-х годов британское правительство отказывалось рассматривать любые формальные союзы с другими государствами. Оно игнорировало положение Бисмарка о более тесном сотрудничестве с его международной системой, ограничивая себя так называемыми Средиземноморскими соглашениями 1887г. К 1900г. Британия оказалась вовлеченной в войну против Республики буров в Южной Африке. Напряжение в колониях и сложность управления мировой империей начинали сказываться. Некоторые британские лидеры, а именно Чемберлен, министр

93

Истоки первой мировой войны

колоний, считали, что Британия должна отказаться от политики изоляции.

"Все могущественные государства Европы вступили в союзы,— заявил в мае 1898 г. Чемберлен,— и поскольку мы держимся вне союзов, и все нам завидуют, и поскольку наши интересы рано или поздно вступят в противоречие с интересами всех, мы в один прекрасный момент получим противостояние объединенных великих держав, таких сильных, что даже самые горячие головы не смогут себе вообразить такое".

Дискуссии о возможности британо-германского союза проводились в 1898 и 1901 гг., но

безрезультатно. Британии была необходима дипломатическая поддержка против России на Дальнем Востоке, Германии — помощь Британии, или хотя бы благосклонный нейтралитет, в возможной войне в Европе Лорд Солсбери, британский премьер-министр, в своем последнем крупном решении по внешней политике наложил запрет на эти обсуждения в мае 1901 г., сказав: "Это предложение ко вступлению Британии в Тройственный союз". И продолжил:

"Когда мы на практике оцутим эту опасность изоляции? Если бы мы были побеждены в революции— наше падение было бы не из-за нашей изоляции. У нас было много союзников, но они не спасли бы нас, если бы французский император мог пересечь Яа-Маниш-. Исключая времена его правления, мы никогда не были в опасности, и поэтому мы не можем судить, является ли изо-

94

Система союзничества и старая дипломатия

яция, из-за которой мы теперь так всполошились, опасной для нас. Неумно принимать такие невероятные обязательства, чтобы защитит себя от опасности, в существование которой

^{n 13}

мы не имеем исторической причины верить В то время британские политики собирались обсуждать, как избежать обязательств на континенте, они еще не понимали, что Британия все больше втягивалась в союзы с европейскими государствами. На Дальнем Востоке ее интересы обеспечивал союз с Японией, подписанный в январе 1902 г. Это был первый шаг Британии из изоляции, но казалось, он не имел никакого значения для политиков Европы и был ограничен Дальним Востоком. Англо-французский договор в апреле 1904 г.¹⁴

явился отправной точкой в британской политике. На протяжении 1890-х годов Британия и Франция враждовали из-за колониальных владений в Западной Африке, на Верхнем Ниле и в Сиаме. В 1898г.— кризис на Верхнем Ниле, где подразделения французской армии столкнулись с британскими войсками, которые только что вновь установили контроль над Суданом. После этого пошли разговоры о войне между двумя странами, а британский флот был послан в Средиземное море. Тёо-филь Делькассе, новый министр иностранных дел Франции и архитектор французской внешней политики до 1905 г., понимал, что в условиях, когда союзник Франции Россия не могла помочь ей против Британии в Африке, а в самой Франции разгорелся кризис, вызванный делом Дрейфуса, нужно было избе-

95

Истоки первой мировой войны

гать прямой конфронтации с Британией. Делькассе понял, что сотрудничество с Британией в Африке могло бы принести выгоду Франции. Франция надеялась расширить свои владения в Северной Африке, установив контроль над Марокко, в то время как Британия, оккупировавшая Египет в 1882 г., намеревалась провести финансовую реформу в Египте. Для этого шага одобрение Франции было необходимо, поскольку Франция занимала ключевые позиции в международной комиссии, осуществлявшей надзор за финансовыми делами Египта.

Британо-французское соглашение 1904 г. укрепляло французское влияние в Марокко и упрочивало положение Британии в Египте. Было также подписано соглашение о Сиаме как независимом буферном государстве между французским Индокитаем и брит[^] тайскими владениями в Бирме. Небольшие территориальные уступки были сделаны в Африке, и было решено прекратить управление Канадой, которое продолжалось почти 200 лет.

К 1904 г. британское правительство начало понимать, что строительство большого германского флота создаст угрозу Британии как мировой державе. Всего несколько лет назад казалось, что Британия и Германия не имеют серьезных разногласий и что формальный союз между ними мог быть предметом дискуссии. Но к 1904 г. многие в Англии поняли, что Германия становится серьезным противником. В марте 1903 г. адмиралтейство решило построить флот в Северном море и базу Росит на восточном побере-

Система союзничества и старая дипломатия

жье Шотландии. Таким образом, хотя соглашение с Францией строго направлено на урегулирование колониальных разногласий, старых и новых, изменившееся положение и политика Германии занимали очень мало внимания французских и британских государственных деятелей, проводивших переговоры. Хотя Делькассе в минуту раздражения после выдворения Франции из Фасоды хотел искать помощи у Германии против Британии в Африке, но к 1903 г. понял, что соглашение с Британией будет способствовать укреплению французских интересов в Марокко и улучшению отношений с Германией. Основную роль здесь сыграло то, что во время войны в Южной Африке во французских коммерческих кругах и в прессе возникло враждебное отношение к Британии, а теперь эти круги начали приветствовать идею улучшения отношений между двумя государствами. Успешные визиты короля Эдуарда VII в Париж в мае 1903 г. и президента Лубе в июле того же года стали символом новых отношений между двумя государствами. Германское правительство приложило немалые усилия в деле становления, союза, Антанты, хотя формально союз так и не был создан. Германские дипломаты с 1890-х годов считали, что колониальное соперничество между Британией и Францией, Британией и Россией было настолько глубоким, что рано или поздно эти страны будут искать союза с Германией на германских условиях. По этой причине германский министр иностранных дел не очень горчал-СЯ из-за неудачных переговоров о создании союза

4.

. аоо

97

Истоки первой мировой войны

в 1898 и 1901 гг. Германия верила, что время на ее стороне. Эту уверенность немного поколебало заключение соглашения между Британией и Францией. Германский министр иностранных дел все равно полагал, что англо-французские разногласия непреодолимы и любое их сближение было поверхностным и пустым и легко могло быть разрушено. Между 1904 и 1906 гг. германцы пытались показать несостоятельность Антанты. Действительно, сразу обнаружилось, что союз Франции и России мог войти в конфликт с ее новым другом, Британией.

- За несколько недель до подписания договора об-образовании Антанты на Дальнем Востоке вспыхнула война между Японией и Россией. Российский флот, следовавший из Балтики на Дальний Восток, обстрелял и потопил в Северном море несколько британских рыболовных судов, приняв их за японские субмарины. На Британских островах разгорелись антироссийские настроения, и германское правительство предложило России создать континентальный союз против Англии, надеясь, что к нему примкнет и Франция. Но Делькассе использовал все свое дипломатическое искусство и уговорил русских провести расследование и выплатить компенсацию британскому правительству. Марокко, которому в англофранцузском соглашении уделялось особое место, также было использовано для испытания прочности Антанты. В марте 1905 г. кайзер совершал круиз по Средиземному морю, и министр иностранных дел уговорил его посетить Танжер. Пренебрегая интере-

98

Система союзничества и старая дипломатия

сами Франции, кайзер назвал Марокко суверенным государством и сказал, что Германия настаивает на предоставлении ей равных прав для торговли там. Результатом этого был острый кризис в отношениях между Францией и Германией, продолжавшийся около 20 лет. Британия и Франция стали более серьезно думать о соглашении предыдущего года. До сих пор неизвестно, о чем говорили весной 1905 г. лорд Лан-сдаун, министр иностранных дел Британии, и Поль Камбон, посол Франции

в Лондоне, а также Делькассе и Фрэнсис Берти, британский посол в Париже. Делькассе дал понять коллегам по французскому кабинету, что Британия предложила наступательный и оборонительный союз, а сами британцы полагали, что они лишь хотели обсудить шаги против германской угрозы. Делькассе надеялся убедить своих коллег в необходимости жесткой линии в отношениях с Германией, намекая на возможность союза с Британией. Но не имел успеха, так как Ревьер, премьер-министр, боялся, что Франция может поссориться с Германией. Между тем Британия пыталась убедить всех, что Германия не захватывала военную базу на Атлантическом побережье Марокко (что было признаком начала нового, морского, соперничества между Англией и Германией). Делькассе оказался без поддержки в кабинете и был вынужден уйти в отставку.

После этого политика Франции не слишком изменилась. Кризис удалось преодолеть на международной конференции, проходившей в испан-

4*

99

Истоки первой мировой войны

ском порту Алгецирас в январе 1906г. Причиной кризиса в Марокко были первые переговоры военного руководства британской и французской армий. В главе 4 будет рассказано об участниках военных действий. Здесь необходимо отметить, что пока подписывалось соглашение в течение 2 лет от апреля 1904 г. были составлены планы военных действий против Германии. Так что, хотя британское правительство протестовало против того, что военные переговоры велись неофициально и не, предусматривали никаких гарантий, все-таки некоторые моральные обязательства были приняты, и Антанта, первоначально учрежденная для урегулирования колониальных противоречий, стала более сплоченным союзом. И когда в декабре 1905 г. на смену консервативному правительству пришли либералы, сэр Эдвард Грей, новый министр иностранных дел, заявил, что изменения в правительстве не повлекут за собой изменений во внешней политике. Он также сказал, что в соглашении с Францией был и моральный аспект. В феврале 1906 г. он писал:

"В случае войны между Францией и Германией для нас будет очень трудно не вступить в нее. Антанта и до сих пор является постоянной и выразительной демонстрацией привязанности (официальных, морских, политических, коммерческих кругов и прессы) и создала у Франции уверенность в том, что мы поддержим их в войне."

100

Система союзничества и старая дипломатия

Если эти надежды не оправдаются, Франция никогда не простит нам этого. И всегда будет чувство у всех, что мы поступили плохо и оставили Фратрию в тяжелом положении. С другой стороны, перспектива европейской войны и наше вступление в нее ужасно".

В то же время он разрешил продолжать неофициальные, переговоры военного министерства с французским военным атташе.

Кризис в Марокко кончился после конференции в Алгецирас, и хотя влияние Франции в Марокко упрочилось, а Германия потерпела дипломатическое поражение, обе стороны могли сотрудничать в различных экономических предприятиях в течение следующих нескольких лет, пока в 1911 г. их соперничество в Марокко не привело к следующему острому кризису. Но укрепление англо-французской Антанты продолжалось, хотя не так быстро, как некоторые французские лидеры хотели бы.

В 1907 г. разделение Европы на два лагеря повлекло за собой следующие события: 31 августа 1907 г. британское и российское правительства подписали соглашение, которое урегулировало разногласия между ними на границах двух империй - практически в Персии, Афганистане и Тибете. Более чем через 10 лет в британском министерстве иностранных дел появились люди, которые верили, что будет возможно достичь

соглашения, основанного на совместном признании сфер влияния, и что это будет предпочтительней, чем риск многочисленных конфликтов

1-01

Истоки первой мировой войны

фронтаций, которые разрастаются из мелких инцидентов. В 1903 г. было проведено несколько обсуждений, но начавшаяся война на Дальнем Востоке помешала их прогрессу. Потерпев поражение от Японии, российское правительство решило улучшить отношения с Англией. Извольский, новый министр иностранных дел России, надеялся получить поддержку Британии в вопросе о закрытии выхода из Черного моря во время войны. Для Британии соглашение основывалось на более ясной реализации, чем в 1904 г., так как Германия не являлась сиюминутной угрозой для британских интересов. "Антанта между Россией, Францией и нами, — писал Грей 20 февраля 1906 г., — будет абсолютно безопасна. Если возникнет необходимость осадить Германию, это можно будет сделать". Также было решено, что сейчас Германия представляет большую опасность для Британии, чем Россия.

Соответственно, необходимо было тщательно изучить позиции Британии на Среднем Востоке и в Индии. Военное командование в Индии перестало требовать усиления армии, чтобы предотвратить угрозу России. Оно теперь осознало, что Германия стала главным противником Британии. Русские хотя и знали, что роль Британии будет решающей при любых попытках пересмотреть соглашения по Константинополю и проливам, но старались по возможности избежать противостояния с Германией, так как они до сих пор не оправались после поражения в войне с Японией. Союз с Британией оставался для России в основном средством укрепле-

102

Система союзничества и старая дипломатия

ния ее власти в Азии, хотя фактически несогласия по Персии и Дальнему Востоку никогда полностью не исчезали. Соглашение также давало России надежду, что Британия поддержит ее стремления на Балканах. Меньше чем через год стало ясно, что удовлетворение этих стремлений неизбежно ведет к конфронтации с Германией. В течение пятнадцати лет после ухода Бисмарка союз между Германией и Австро-Венгрией был, так сказать, пассивным фактором в международных отношениях, тем, что принималось за основу, но не приводило ни к каким действиям. Проблемы Юго-Восточной Европы и будущее Оттоманской империи оказались временно менее важными, чем колониальные разногласия государств вне Европы, в которых Австро-Венгрия не участвовала. В результате российское правительство сосредоточилось на своей экспансии на Дальнем Востоке. После 1905 г. ситуация изменилась.

Марокканский кризис и конференция в Алгецирасе показали германцам, что их союз с Австрией был все, что отделяло их от полной политической изоляции, так как лишь Австрия на конференции поддержала Германию по марокканскому вопросу. Кайзер со свойственной ему бестактностью поблагодарил императора Франца Иосифа за его "великолепную службу вторым номером". Признание Австро-Венгрии как великой державы стало главным голом в ворота Германии в международной политике на дипломатическом уровне, поскольку Австрия была единственным надежным союзником Германии, и

103

Истоки первой мировой войны

потому, что любой внутренний кризис в Австро-Венгрии мог иметь влияние на Германию. В 1906 г. в результате кризиса в отношениях Венгрии с остальными государствами, монархии уже много говорилось о том, что грядет неминуемый распад империи. Германский канцлер писал своим представителям у границы, какая опасность грозит Германии, если немецко-говорящие австрийцы войдут в ее состав:

"Мы таким образом получим возрастание населения почти на 15 млн. католиков, и тогда протестанты окажутся в меньшинстве — соотношение сил между католиками и протестантами станет таким же, как во времена, когда это привело к Тридцатилетней войне, а это распад Германской империи... Встает вопрос, нужно ли Германскому рейху ввергать себя в такое ужасное состояние, если сегодня он находится в хорошем равновесии, является сильным и могущественным, В интересах сохранения могущественной Германии на этот вопрос надо ответить безусловно отрицательно" ". Заключение таково, что Австрийскую империю необходимо сохранить любой ценой. ;

В 1908г. германо-австрийский союз стал более конкретным. Внутренний кризис Османской империи привел к Младотурецкой революции, после чего опять встал вопрос о положении Турции в Европе. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Аеренталь решил, что появилась возможность аннексировать две провинции — Боснию и Герцеговину, кото-

104

Система союзничества и старая дипломатия

рые Австрия оккупировала с 1878 г., но которые до сих пор формально находились в турецком владении, Аеренталь был уверен, что сильная: внешняя политика была единственным решением проблем, вызванных ростом национального самосознания внутри монархии, и объединение двух провинций было бы ударом по стремлению сербов создать государство южных славян. Аеренталь также казалось, что смелая инициатива продемонстрирует, что Австрия не полностью зависит от ее союзника - Германии. В самом деле, кайзер был раздражен, узнав из газет об аннексии Боснии и Герцеговины. Нужно было на деле продемонстрировать, что Австрия зависит от Германии, а также показать, до какой степени она может проявлять свою инициативу внутри союза. Российский министр иностранных дел Извольский, который надеялся восстановить международные позиции России, пообещал Аеренталью с пониманием отнестись к действиям Австрии в ответ на поддержку российских требований пересмотреть договоры о закрытии Босфора и Дарданелл. Но Аеренталь объявил об аннексии раньше, чем Извольский смог продемонстрировать дипломатическую поддержку этому в других столицах Европы. Извольский был чрезвычайно возмущен и чувствовал, что Аеренталь лично его предал. Отношения между двумя империями стали очень натянутыми, начали даже поговаривать о войне. Последовала недвусмысленная декларация начальника германского генштаба Мольтке его австро-венгерскому коллеге Конраду фон Хетцендорфу: "Как только Рос-

105

Истоки первой мировой войны

сия объявит мобилизацию — Германия сразу сделает

то же самое" . Это произошло после того, как Германия потребовала от России, чтобы та приняла аннексию. Кайзер был готов заявить, что он стоит за своего союзника, австрийского императора, "во всеоружии" ¹⁹. В большей степени это было запугиванием: ни австрийцы, ни русские не были готовы ни в военном, ни в экономическом отношении вести войну. Было только стремление показать сущность и границы союзнической системы, тогда как Германия ясно заявила о своей поддержке Австрии, а Россия получила не особо ревностную поддержку своих интересов в Константинополе от Парижа и Лондона.

В годы, прошедшие между боснийским кризисом и началом первой мировой войны, некоторые события повлекли за собой усиление и возобновление союзнической системы в Европе. Перевоороты в Турции позволили России надеяться на компенсацию за свое унижение на Дальнем Востоке получением выгод на Балканах. Углубилось убеждение австрийцев, что они должны применить силу против Сербии, чтобы пре-

дотвратить падение Габсбургской монархии. Британское правительство в создании германского флота видело угрозу своим колониальным интересам. Германия осознала, что она должна предпринять некоторые шаги во внешней политике, как для достижения внутренних целей, так и для того, чтобы доказать, что мировой баланс сил должен измениться в ее пользу. Франция надеялась, что она сможет исполь-

106

Система союзничества и старая дипломатия

зовать союз с Россией для того, чтобы снова вернуть Эльзас и Лотарингию, и в то же время продолжать контролировать Марокко без вмешательства Германии.

В апреле 1911 г. возросшее волнение внутри Марокко дало повод Франции послать войска в Фес и подготовиться к установлению протектората над страной. Германия видела в этом шаге шанс добиться у Франции некоторых уступок, если не в Марокко, то во Французском Конго. Германское правительство сознавало, что в случае победы в конфронтации с Францией, оно укрепит свои позиции на парламентских выборах в 1912г. Германия послала военный корабль в Марокко, в порт Агадир, с требованием компенсации от Франции, что явилось нарушением договоренности в Алгецирасе в 1906 г. Но план Германии дал осечку. Он показал, что союз с Австрией не стоил ничего, поскольку интересы самой Австрии были под угрозой, и поэтому австрийское правительство отказалось даже от дипломатической поддержки. С другой стороны, британское правительство, несмотря на сопротивление некоторых членов кабинета, объявило о своей солидарности с Францией. В речи министра финансов Великобритании, Ллойд Джорджа, который до сих пор был настроен против каких-либо вступлений в континентальные соглашения, прозвучало предупреждение, предназначенное для любого, кто будет иметь дело с Германией:

"Если обстоятельства будут выше нас и мир можно будет сохранить только ценой отказа

107

Истоки первой мировой войны

от великого и благодетельного положения Британии, добытого веками героизма и подвига, позволив попирать ее интересы... я подчеркиваю, что мир такой ценой будет унижением, невыносимым для такой страны, как наша" . В апреле 1912 г.

неформальное морское соглашение было заключено между Францией и Британией, по которому британский флот должен был отвечать за безопасность Английского пролива, а французский флот сконцентрировался в Средиземном море. Антанта стала после этого более похожа на союз.

Германские лидеры не были удивлены тем-, что Австро-Венгрия не поддержала их. За несколько месяцев до начала кризиса Бетман заметил кайзеру: "Если дело дойдет до войны, мы должны надеяться, что Австрия будет воевать так, как будто она нуждается в нашей помощи, а не мы воюем так, что будет зависеть от Австрии, останется ли она верным союзником"²¹. Но поддержка Франции Британией явилась неожиданностью: Германия считала виновной за свою неудачу в африканском рискованном предприятии Британию. Тем не менее британское правительство в течение следующих двух лет надеялось улучшить отношения с Германией и заключило соглашения по вопросам вне Европы. Кризис в Агадире .показал, насколько глубокими стали теперь разногласия между двумя странами. И поэтому в министерстве иностранных дел все яснее понимали важность для Британии тесных связей с Францией, В противном случае

108

Система союзничества и старая дипломатия

возникла опасность остаться с Германией один на один, что могло привести к крушению Британской империи.

Международное признание господства Франции в Марокко воодушевило Италию. 29 сентября она объявила войну Турции и послала армию, чтобы оккупировать турецкие провинции Ливию и Триполи-танию. Через несколько недель последовало подписание договора между Сербией и Болгарией, направленного против Турции и нацеленного на завоевание Македонии и ее разделение между двумя странами. В мае 1912 г. Греция примкнула к этому союзу. Он стал называться "Балканская лига". Переговоры между Сербией и Болгарией активно поддерживала Россия. В Белграде и Софии усердно работали, чтобы уговорить сербов и болгар забыть о своих старых междоусобицах и объединить силы против Турции. И так, в 1911 и 1912 гг. у великих держав возникли проблемы в отношениях с малыми государствами Балканского полуострова. Эти государства начали активно проявлять инициативу, и их невозможно было сразу и легко привлечь в союзы. Усложнились и отношения Италии с ее союзниками Германией и Австро-Венгрией.

Тройственный союз обновлялся три раза со времени своего первого подписания в 1882г. В 1912 г! произошло очередное его обновление из-за войны Италии, с Ливией. Некоторые члены итальянского правительства рассчитывали, что после успешного завершения войны Италия приобретет большой вес

109

Истоки первой мировой войны

на переговорах. Другие опасались, что Австрия может потребовать компенсации на Балканах за то, что Италия получила в Северной Африке, поскольку договор это разрешал, "если установление статус-кво в регионах Балканского полуострова; или Оттоманского побережья, или на островах Адриатики и Эгейского моря станет невозможным" ²², и возникнут споры о том, что Ливия и Триполитания являются частью Оттоманского побережья. Германское и австрийское правительства были раздражены односторонними действиями Италии против Турции, а также тем, что они не были предупреждены о формальной аннексии Италией Ливии и Триполитании в ноябре 1911г. и ее оккупации Додеканезских островов. Тем не менее к осени 1912г. и началу войны между Балканской лигой и Турцией, все три государства-союзника видели необходимость в обновлении Тройственного союза, и он был формально подписан в декабре 1912 г.

Союз Италии с Германией и Австрией являлся не совсем обычным договором. Подписание его в 1882 г. давало недавно возникшему королевству статус и престиж великого государства, помогало получить некоторые компенсации за то, что Франция завладела Тунисом год назад. Королю Италии он давал шанс через объединение с Австрийской империей, старейшим католическим государством в Европе, улучшить отношения с папой римским и таким образом попасть на небеса после смерти. Для Бисмарка вступление в союз Италии с Германией и Австрией

110

Система союзничества » старая дипломатия

было еще одним шагом в его политике удерживания Франции в дипломатической изоляции, а Австрии союз давал возможность контролировать в Италии националистические враждебные отношения к Австрии, вызванные тем, что некоторое количество итальянцев проживало под австрийским правлением в бывших итальянских провинциях — Южный Тироль и Триест.

Для Италии Тройственный союз всегда был средством использования других государств в собственных интересах. К 1911 г. Италия не только захватила территории на севере Африки и в Восточном Средиземноморье, она проявляла живой интерес ко всему, что происходило на Балканах, и намеревалась установить там свое влияние. Тройственный союз никогда не был направлен против Британии, и это было заявлено во время первого подписания. Более того, хотя в тексте договора, обновленного в 1891

г., подчеркивалась его антифранцузская направленность, к началу века экономические и колониальные противоречия между Италией и Францией сгладились настолько, что в 1902 г. министр иностранных дел Италии заявил, что Италия останется нейтральной, если кто-либо нападет на Францию, а в следующем году был подписан торговый договор между двумя странами. Хотя обновление Тройственного союза в 1912 г. могло казаться достижением германской и австрийской дипломатии, но очень много неясности оставалось в том, каковы обязательства Италии в этом союзе. Конрад, глава австрийского ген-

Ш

Истоки первой мировой войны

штаба, как известно, считал союз "бессмысленным фарсом" и "узы его он отбросил бы при первой возможности"²³.

Во время переговоров на Балканах в 1912-1913 гг. итальянские и австрийские интересы часто сталкивались, особенно при попытках установить влияние в только что образованном государстве Албания. Хотя само существование союза, а предполагало нелегкий компромисс, все три правительства продолжали вести себя так, будто союз являлся важным элементом в их стратегических планах. Для любого из государств признать, что союз потерял значение, означало бы признать крушение дипломатии и отказаться от дипломатического инструмента, который можно было бы еще использовать. Для Италии союз с Германией и Австро-Венгрией был бы не более чем дипломатическая уловка, помогавшая итальянскому правительству идти своим путем, в то время как для Германии и Австрии даже ненадежный и непредсказуемый союз казался предпочтительней, чем существование без него. Несмотря на некоторые меры военной кооперации, они никогда не рассматривались как подготовка к войне. Как написал недавний историк внешней политики Италии: "Тройственный союз оставался дипломатическим образованием, которое работало на мир, а не на войну".

Продолжительный кризис на Балканах между 1912 и 1914 гг. показал и природу и границы союзнической системы и природу ограничений "старой дипломатии". Две Балканские войны — между Балкан-

112

Система союзничества и

ской лигой и Турцией, между Болгарией и Сербией, война Греции и Румынии против Турции — все это были локальные войны. Они не развились в европейскую войну, частично потому, что правительства были не готовы к ней, частично потому, что, желая найти решение, всегда возможно создать механизм его достижения. Сэр Эдвард Грей был способен проявить инициативу и организовать конференцию послов в Лондоне, на которой обсуждались границы нового государства Албания и безуспешные попытки Сербии захватить порт на Адриатике. Успех дипломатии Грея и уверенность, что он может повторить этот успех, — главный фактор в его политике в июле 1914 г. Германское же правительство было убеждено в отдаленной вероятности и даже неизбежности войны. При дворе и в армейских кругах велись разговоры о грядущих сражениях между германцами и славянами: В декабре 1912 г. кайзер дал распоряжение о пропагандистской кампании по подготовке общественного мнения к войне. Но кризис на Балканах, казалось, был не подходящим моментом для развертывания большой войны, хотя малые государства проявляли величайшую готовность воевать. "Это первый случай в истории. Восточного вопроса, — писал французский дипломат, — когда малые государства принимали решения, настолько независимо от великих, держав, что чувствовали себя в состоянии действовать без них и оставить их наедине с самими собой"²⁵. А великие державы; — и Россия, и Германия, — не были готовы к войне. Русским было необходимо три-

113

Истоки первой мировой войны

четыре года, чтобы завершить восстановление армии после поражения в войне с Японией. Германское адмиралтейство настаивало на том, что бойню нельзя вести, пока не закончено расширение Кильского канала и не построена база для подводных лодок на острове Гельголанд.

С точки зрения канцлера и министра иностранных дел, существовала возможность того, что Британия останется нейтральной в войне, поскольку союз Британии с Францией и Россией так и не стал устойчивым. Бетман полагал, что если Россия начнет войну, то Британия в нее не вступит. В феврале 1912г. была предпринята попытка во время визита в Берлин лорда-канцлера Холдейна достигнуть договоренности об ограничении морских вооружений, но переговоры ничем не увенчались. Переговоры о кооперации в строительстве железной дороги через Турцию в Багдад, о продаже португальских колоний в Африке, если к этому приведет финансовый кризис в Португалии, проходили в дружественной атмосфере до самого начала войны. Некоторые члены британского министерства иностранных дел стали подумывать, не окажется ли перевооруженная Россия более страшной угрозой, чем Германия. Бетман поверил, не без оснований, что англо-германское сближение реально, и что стоит избежать глобального кризиса, пока существует такая возможность. И французское правительство, и те в Британии, кто продолжал считать, что Германия представляет угрозу, были в недоумении от политики большого сбли-

114

Система союзничества и старая дипломатия

женил с Германией, и выступали за тесные связи между Британией и Францией, а также за то, что сделать отношения более определенными. Сэр Айер Кроу писал в начале 1911 г.: *"Основной причиной такого курса было то, что Антанта не была союзом. Для отдаленных критических ситуаций ее нельзя рассматривать совсем как реальность. Так как Антанта не что иное как настроение, как направление генеральной политики, которое разделяется правительствами двух государств, но которое может перестать существовать с потерей смысла в ней"*²⁶.

Французы увидели в улучшении отношений между Британией и Германией знак того, что союз Британии и Франции ненадежен. Австрия в конкретной ситуации на юго-востоке Европы в 1912-1913 гг. почувствовала, что ее союз с Германией не сможет дать ей той поддержки, на которую она рассчитывает. Ки-дерлен-Вехтер, министр иностранных дел Германии, заметил в октябре 1912г., что пришло время подтвердить руководящую роль в союзе и предотвратить "переход лидерства в политике от Берлина к Вене,

как ошибочно вообразил себе Аеренталь". Для Австрии это означало, что два государства могли рассчитывать на обычную помощь только в особом случае. Хотя Германия и оказала Австрии дипломатическую поддержку во время кризиса по некоторым вопросам, балканские конфликты не разрослись в войну в Европе, потому что Германия была не готова под-

115

Истоки первой мировой войны

держать своего союзника в конфликте против Сербии. В то же время Россия, чья дипломатия не смогла остановить Вторую Балканскую войну, в которой сербы и болгары воевали друг против друга, была более обеспокоена грядущей опасностью из Константинополя, чем поддержкой Сербии. В этих условиях дипломатия Грея оказалась успешной, так как ни одно из великих государств не хотело войны. В конце девятнадцатого века в Европе царил консенсус.

Балканский кризис показал, что формальные союзы не гарантировали поддержки и объединения во всех ситуациях. Постоянной проблемой двойственного союза оставалось то, что созданный для того, чтобы "справляться с непредвиденными обстоятельствами войны, он должен был удовлетворять интересы монархий и вести ежедневно дипломатию ми-

ра". Осенью 1913 г. стало ясно, что и франко-российский союз также не давал гарантии общей поддержки России Францией. В октябре 1913 г. Германия по проебу турецкого правительства послала военную миссию во главе с генералом Лиманом фон Зандерсом для модернизации армии Турции после ее поражения от Балканской лиги, и Зандерс был назначен командующим войсками в Константинополе. Россия сразу выразила протест, подчеркивая, что посылка миссии явилась открыто враждебным действием, и обратилась к Франции и Британии за дипломатической поддержкой против Германии. Британия, которая уже послала своего адмирала в Константино-

116

Система союзничества и старая дипломатия

под командованием оттоманским флотом, не имела желания оказывать давление и склоняла Германию и Россию к компромиссу.

Франция оказалась в еще более затруднительном положении. Пуанкаре во время Балканского кризиса вновь подтвердил лояльность Франции к союзу с Россией и надеялся как президент республики оказывать более жесткий контроль над внешней политикой, чем его предшественники. Он намеревался в своей политике в основном опираться на союз с Россией, исходя из концепции: если между Россией и Германией начнется война, у Франции появится возможность вернуть области Эльзас и Лотарингию. В то же время он проявлял интерес к Балканам сильнее, чем другие политики, и рассчитывал расширять там экономическое влияние Франции. Он заявил Извольскому (хотя позже отрицал это) сразу перед началом первой мировой войны: "Если конфликт с Австрией приведет к тому, что Германия вмешается, Франция

выполнит свои обещания". Франция, даже если не будет атакована Германией, в войну вступит на стороне России. Во время истории с миссией Зандерса французское правительство вело себя очень осторожно, хотя и вновь подтвердив приверженность союзу и намерение поддержать Россию в ее требованиях компенсации от Турции, фактически поставило свои действия в зависимость от поведения Британии. К этому времени Франция и Британия обеспокоились, что они не знали, каковы на самом деле намерения России, и как

И7

Истоки первой мировой войны

далеко собиралась идти Россия в своих претензиях к Константинополю, и поэтому неохотно поддерживали ее. Еще раз великие державы решили, что в этой ситуации не следует начинать войну. Даже российские министры разделяли это мнение. К началу 1914 г. союзническая система в Европе находилась в беспорядке. Австрия и Россия чувствовали, что в недавнем кризисе на Балканах и соответствующее Константинополе не получили дипломатической поддержки от своих союзников, на которую они имели право рассчитывать. Положение Италии оставалось неопределенным. Вспомогательный союз между Германией, Австро-Венгрией и Румынией, впервые подписанный в 1883 г. и обновленный в 1913 г., вряд ли досуществовал бы до следующего продления из-за неоднократных жалоб на притеснения румын в венгерской провинции Трансильвания. Как и Италия, Румыния вступила в войну на стороне, противоположной своим союзникам. Британия была озабочена истинной причиной участия Франции в Антанте, которая оставалась неясной до начала августа 1914 г. Тем не менее существование системы союзов и неформальной Антанты создавала структуру, внутри которой действовала предвоенная дипломатия. Возросла вероятность того, что правительства начали соотносить свою внешнюю политику и военные планы с планами большинства стран Европы. И даже когда союзники не оказывали сразу дипломатическую поддержку, которой ожидали правительства, участники всегда надеялись, что союзники в сле-

118

дующий раз будут действовать более эффективно. Разочарования из-за отношения Франции к миссии Лимана фон Зандерса и по поводу британской прохладной поддержки заставили Россию попытаться упрочить союз с Францией и укрепить соглашения с Британией. Например, состоялись переговоры о взаимодействии между двумя адмиралтействами. Германия сознавала, что Австро-Венгрия была ее единственной надежной спутницей и что она должна поддержать ее любой ценой в любой ее политике, к которой придется прибегнуть австрийцам для сохранения Габсбургской монархии. Это было главной мотивацией решений Германии в июле 1914 г.

Каждая великая держава старалась установить отношения с малыми государствами. Поскольку Балканские государства показали свою способность проявлять инициативу, великие державы пытались привлечь их в свою систему союзов. Великая держава могла до некоторой степени ориентировать свою политику на нужды малого государства в обмен на дружественные отношения и держать его в своей дипломатической системе. Российское правительство помнило в июле 1914 г., что оно не поддержало Сербию в предыдущем году, хотя сербы на это надеялись. И если Россия опять не поддержит сербов, это приведет к падению престижа России на Балканах. Для правительств Европы, разделенных на два враждебных лагеря, перетягивание малых государств на свою сторону имело большое значение,

119

Истоки первой мировой войны

и эти малые государства на какое-то время стали главными объектами дипломатии. Существование системы союзов позволило делать предположения о том, какой будет война, если она разразится, и кто будет друзьями, а кто врагами. Эти ожидания привели к стратегическому планированию, генеральные штабы принимали решения о военных акциях в случае угрозы войны. Во время кризиса свобода действий гражданских министров была гораздо более ограниченной, чем они сами сознавали. Что до множества дипломатов, казавшихся до того участниками ритуала величественного и -тайнственного, который могли совершать только они, теперь это превратилось во что-то совсем другое и сменилось штабным языком дирижеров войны. Как бы ни глубоко верили министры иностранных дел и дипломаты, что они вершили внешнюю политику и что внешняя политика занимала важное место во всех государственных делах, но существовало много других сил в двадцатом веке в европейском обществе, которые ограничивали их действия, направляя их поступки и формируя общественное мнение.

Примечания

¹ G.M. Travelyan, *Grev of Falhdon* (London 1939), pp. 114-115.

² A.J.P. Taylor, *the Struggle for Mastery in Europe 1848-1914* (paperback edn, Oxford 1971), p. 81, fh.l.

³ E. Wertheimer, *Graf Julius Andrassy. Vott III* (Stuttgart 1913), p. 284, quoted in W.L. Langer, *European Alliances and Alignments 1871-1890* (New York 1939), p. 284.

120

⁴ Quoted in Samuel R. Williamson, Jr, *The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War 1904-1914* (Cambridge, Mass. 1969), p. 21.

⁵ Salisbury to Canon MacColl, 1901; G.W.E. Russell, *Malcolm MacColl* (London 1914), p. 283, quoted-in W.L.Langer, *The Diplomacy of Imperialism* (New York 1961), p. 85-

⁶ Christopher Andrew, 'Dechiffrement et diplomatic: le Cabinet Noir du Quai d'Orsay sous la Troisieme Republique' *Relations Internationales*, No. 5, 1976.

⁷ Cmd. 7748. Fifth Report of the Royal Commission on Civil Service 1914. See Zara S. Steiner, *Britain and the Origins of the First World War* (London and New York 1977), pp. 171 ff.

⁸ G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origin of the War 1898-1914*, Vol. III (London 1928) Appendix A., pp. 402-403. (Hereinafter referred to as BD.)

⁹ Bismarck to Saburoff 1878, *Nineteenth Century*, Dec. 1917, p. 1119. See also G. Lowes Dickinson, *The International Anarchy 1904-1914* (2nd edn 1937), p; 76.

¹⁰ The Times, 8 April 1914. See also The History of The Times. Vol. 4: *The 150th Anniversary and Beyond* (London 1952) Part I, p. 168. •

¹¹ Quoted in Karl Kautsky, *Sozialisten und Krieg* (Prague 1937), p. 200.

¹² *The Times*, 14 May 1898.

¹³ BDII. No. 86, pp. 68-69.

¹⁴ Maurice Paleologue, *Un grand tournant de la politique mon-diale 1904-1906* (Paris 1934).

¹⁵ BDIII, No. 299, p. 266.

¹⁶ BDIV, No. 299, p. 267. See also Beryl Williams, 'Great Britain and Russia 1905-1907' in F.H.Hinsley (ed.) *British Foreign Policy under Sir Edward Grey* (Cambridge 1977), pp. 133-147.

¹⁷ This passage was in 1928 omitted by the editors from *Die Grosse Politik*, Vol. XIX. Part II. No 6305 on the grounds that 'this would mean a heavy blow to the policy of the *Anschluss*'. See James Joll, 'German diplomatic documents', *Times Literary Supplement*, 25 Sept. 1953.

¹⁸ Feldmarshall Franz Conrad von Hotzendorf, *Aits meiner Di-enstzeit*, Vol. I (Vienna 1921), pp. 380-381; Gordon A.Craig, *The*

121

Истоки первой мировой войны

Politics of the Prussian Army 1640-1945 (paperback edn, New York 1964), p. 289.

¹⁹ Quoted in Michael Balfour, *The Kaiser and his Times* (London 1964), p. 295.

²⁰ Quoted in R.C.K. Ensor, *England 1870-1914* (Oxford 1936), pp. 434-435. Some later writers have suggested that Lloyd George's warning was aimed as much at France as at Germany and was intended to frighten the French off making any agreement with Germany without British participation, though this does not seem to have been a view expressed at the time. For a discussion of the Agadir crisis, see Geoffrey Barraclough, *From Agadir to Armageddon: Anatomy of Crisis* (London 1982).

²¹ Quoted in Erich Brandenburg, *Von Bismark zum Weltkrieg* (Berlin 1939), p. 342. See also Fritz Fischer, *Krieg der Illmionen* (Dusseldorf 1969), p. 135.

²² A.F. Pribram, *The Secret Treaties of Austria-Hungary 1879-1914*, Vol. I (Cambridge, Mass. 1920), p. 225.

²³ Theodor Sosnosky, *Franz Ferdinand der Erzherzog Thron-folger* (Munich 1929), pp. 143-144, Quoted in Albertini, *The Origins of the World of 1914*, Vol. II (London 1953), p. 9. See also Richard Bosworth, *Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War* (Cambridge 1979), p. 196.

²⁴ Bosworth, op. cit., p. 215.

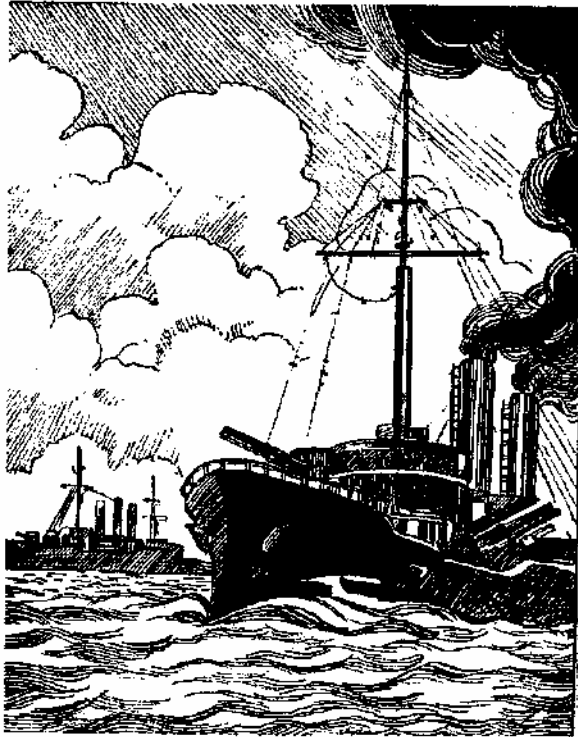
²⁵ *Documents diplomatiques frangais 3me serie*, Vol. III (Paris 1931). No. 466. See also Fischer, op. cit., p.219.

²⁶ Quoted in K.A. Hamilton, 'Great Britain and France 1911-1914' in Hinsley, op. cit., p. 324.

²⁷ E.Jaechh, *Kiderlen-Wachter* (Stuttgard 1924) Vol. II, p. 189, quoted in Fischer, op. cit., p. 226.

²⁸ F.R. Bridge, *From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866-1914* (London 1972), p. 360.

²⁹ *Diplomatische Schriftwechsel Isvolskis 1911-1914* (ed. F. Stieve) (Berlin 1926) ii. No. 401, quoted in Taylor, op. cit., p. 488.

Глава четвертая

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

Все генеральные штабы, военные министры и адмиралтейства готовятся к войне. Для этого они и существуют. Но наличие планов войны не обязательно означает, что руководство, составившее их, отвечает за их выполнение и что все планы, хранящиеся в архивах, предназначены для осуществления. Иногда они являются как бы упражнением для заполнения времени. Так, в конце 1890-х годов, когда все было спокойно, германское адмиралтейство разработало планы высадки на восточное побережье Соединенных Штатов¹. Связь между военными планами и принятием решения начать войну очень

сложна и включает в себя рассмотрение положения армии в обществе, сте-

125

Истоки первой мировой войны

пень контроля над армией со стороны гражданских министров, степень участия программ вооружения и стратегических доктрин в общих программах экономического развития. Все эти факторы должны быть приняты во внимание при анализе решений, принятых в июле 1914 г. Важен вопрос о степени проникновения в общество военных или антивоенных, ценностей, потому что это зависит от правительства, которое решает вести войну, и качества аргументов, которое оно использует для оправдания объявления войны. Такие объяснения были еще более необходимы во время, когда армии всех держав, за исключением Британии, комплектовались из призывников, оторванных от гражданской жизни на срок от двух до шести лет. К 1900 г. Германия призывала ежегодно 280000 человек, Франция— 250000, Россия — 335 000, Италия — 100 000 и Австро-Венгрия— 103000 человек, хотя по финансовым соображениям многие правительства фактически не призывали всех пригодных к службе. Поскольку состав населения и баланс между городом и деревней изменился, изменился и состав армии. Правительства не были уверены, что все солдаты будут выполнять приказы, люди пойдут на призывные пункты, пока им не объяснят, почему они должны идти на войну. И во Франции и в Германии к 1914г. властей все больше беспокоило влияние социалистических и других революционных идей на солдат, усиление антивоенной пропа-

126

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

ганды. К 1912г. власти Германии были очень озабочены тем, что социал-демократы получили треть голосов на выборах в рейхстаг и стали крупнейшей партией в имперском парламенте. Возникли сомнения, удастся ли теперь провести увеличение армии. Стала проводиться регулярная пропаганда антисоциалистических идей в армии> солдатам запретили участвовать в митингах в свободное время. Офицерам вменялось в обязанность читать лекции с критикой социализма, и накануне войны многие старшие офицеры, особенно в окружении кронпринца, поговаривали о необходимости более крутых мер, чтобы остановить распространение идей социализма. Предполагалось отменить всеобщее избирательное право и запретить социал-демократическую партию².

Во Франции также наблюдался подъем милитаристских настроений особенно среди революционных синдикалистов, попытки синдикалистов влиять на призывников в гарнизонных городах заставляли правительство неоднократно предупреждать местные власти³. В 1913г. было предложено увеличить срок службы от двух до трех лет. Социалистическая партия была категорически против этого. Ее лидер Жан Жорес предлагал заменить призывную армию народным ополчением, что сделало бы развязывание агрессивной войны невозможным. Правительству все же удалось провести в парламенте закон о трехгодичном сроке службы в армии. Страхи по поводу того, что

127

Истоки первой мировой войны

подрывные влияния сорвут мобилизацию и осуществление военных планов в начале 1914г. не оправдались. В Германии масштабы социалистического движения были сильно преувеличены. Для внешнего мира и для противников социалистов внутри страны Германия казалась государством, в котором военные настроения овладели обществом сильнее, чем где-либо. Прусские военные составляли большую часть армии новой Германской империи после 1870 г., и военное министерство Пруссии отвечало - за управление и снабжение всей армии. Прусская традиция сильной армии и

военные ценности оказывали влияние на все германское общество. Как заявил в 1891 г. кайзер: "Солдат и армия, а не парламентские меньшинства и их решения объединили империю. Я надеюсь на армию"⁴. Многие германцы на исходе столетия разделяли это мнение. Для представителя среднего класса отличительной чертой было звание "офицер запаса"; этого звания никогда не мог иметь ни еврей, ни социалист. Армию критиковали и социал-демократы» регулярно голосовавшие против военного бюджета, но и они очень хорошо понимали, насколько сильна армия в германском государстве, чтобы бороться с ней напрямую.

В 1906г. произошел смешной эпизод, который показал, насколько был высок авторитет воеднх в германском обществе. Пожилой мужчина, бывший каторжник, переодетый в форму капитана 1-го гвар-

128

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

деиского пехотного полка, подал команду, несколько солдат выскочили из военного плавательного бассейна и последовали за ним, арестовали бургомистра и казначея маленького городка Кепеник в предместье Берлина. Каторжник скрылся с небольшой суммой денег, оставив сбитых с толку солдат, удерживавших ратушу, пока высшие власти не получили телеграмму: "Городская ратуша захвачена военными. Мы настоятельно просим сообщить о причинах происходящего, чтобы успокоить взволнованных граждан". Над этим случаем могли бы посмеяться сатирики, но он говорит о готовности немцев безоговорочно выполнять приказы кого угодно в военной форме. Нечто подобное случилось в Британии в 1910г. Группа молодых людей вместе с писательницей Вирджинией Вульф, которая покрыла черной краской лицо и наклеила бороду, убедила офицеров "Бесстрашного", самого современного корабля Британского флота, что они — это император Абиссинии и его свита, и им был оказан соответствующий прием. Это было задумано как шутка, но Вирджиния Вульф вынесла из этого случая, как пишут ее биографы, "новое подтверждение грубости и глупости людей". Если история с капитаном из Кепеника продемонстрировала страх, который испытывали солдаты перед офицерами, то шутники на "Бесстрашном" посмеялись над британским флотом, являвшимся гордостью и символом имперского величия Британии.

5. Sue. 800

129

Истоки первой мировой войны

Милитаризм, вооруженные силы и стратеги

Более серьезным примером был "случай в За-берне" в 1913 г.⁷ Молодой офицер из гарнизона этого маленького городка в Эльзасе оскорбил жителей и подговорил своих людей побить их, а когда граждане Заберна выразили протест и оскорбили офицеров в ответ, командование округа арестовало двадцать семь человек и заключило их в тюрьму. Дело обсуждалось в рейхстаге, и большинство выразило вотум недоверия канцлеру за то, что он не дал хода делу. Но командование гарнизона было оправдано военным судом, и лишь некоторые офицеры были переведены на другое место службы. Военный министр, кронпринц и старшие офицеры выразили свое презрение к парламенту и политикам и дали ясно понять, что они никогда не позволят вмешиваться в дела армии. Германская армия была свободна от гражданского политического контроля. Кайзер являлся Верховным главнокомандующим и руководство армии подчинялось только ему. Его ставка не подчинялась ни гражданскому, ни военному руководству и начальник генерального штаба имел к нему прямой доступ. Военные решения принимались без участия гражданских властей и военноморского руководства. Коллективного руководства и ответственности не существовало. Единственной координационной властью был кайзер: Вильгельм Вто-

рой был своенравным, капризным и неуравновешенным человеком, неспособным придерживаться постоянного курса в политике и контролировать своих советников.

130

Между стратегическими планами германской армии и планами военно-морского ведомства не существовало никакой координации. Со времени подписания француско-российского союза стратегия армии основывалась на необходимости воевать на два фронта, и генеральный штаб рассчитывал на знаменитый план генерала Шлифена 1905г., по которому Францию предстояло разгромить в так называемой молниеносной войне, чтобы германская армия могла сосредоточиться против России. Но пока армией планировалась война против России и Франции, военно-морское руководство планировало войну против Британии. В 1897г. началось строительство германского современного флота, и адмирал Тирпиц, государственный секретарь военно-морского ведомства, исходил в своих планах из использования флота против Британии. Стратегические планы войны против России имели в виду внешнюю политику, которая обеспечила бы по крайней мере нейтралитет Британии. Стратегическое планирование войны против Британии требовало внешней политики, обеспечивавшей дружественное отношение России. Генерал фон Мольтке, последователь Шлифена, как начальник генштаба, сознавал опасность: "Если флот не может вести войну против Британии без какой-либо надежды на победу, такую войну необходимо избежать", — писал он в июле 1909 г.⁸ Но он ничего не мог поделать, потому что не существовало механизма координации в германской политике, армия и военный флот действовали, не принимая в расчет друг

131

Истоки первой мировой войны

друга. В итоге к 1914г. Германия оказалась в окружении врагов. Военно-морское соперничество между Британией и Германией толкнуло Британию стать на сторону Франции в Марокко и заключить союз с Россией, боровшейся против Австро-Венгрии за контроль в Юго-Восточной Европе.

Различие целей и потребностей германского флота и армии создало ряд проблем. Правительственный бюджет постоянно находился в напряжении, претензии соперничавших между собой армии и флота создавали дополнительные финансовые трудности. В течение первых лет XX -века флоту был предоставлен приоритет, но когда в 1913г. было решено увеличить численность армии только после того, как прошел закон о дополнительных ассигнованиях для флота, правительство было вынуждено впервые представить на рассмотрение налог на доход, таким образом, опровергая утверждение Тирпица о том, что построить флот удастся не поднимая налогов. Законопроект об увеличении расходов на армию был принят при поддержке социал-демократов, которые поддерживали налог на доходы, но были против возрастания военных расходов, консерваторы же защищавшие интересы армии, не желали платить за это из своего кармана. Стоимость вооружений и экономическое напряжение германского общества были так велики, что только война, при которой все правила ортодоксального финансирования приостанавливались, спасла германское государство от банкротства.

132

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

Строительство большого флота отразилось на всех сферах германской политики как внутри страны, так и за ее пределами. Некоторые германские лидеры полагали, что это станет средством примирения и объединения конфликтующих общественных сил в Германии. Велась усиленная пропагандистская кампания, поддерживаемая промышленниками и многими представителями среднего класса, которые видели во флоте меньше аристократичности и исключительности, чем в армии, и чью национальную гордость тешило то, что Германия станет мировой державой. Планы Тирпица не осуществились, хотя он надеялся так строить флот, чтобы его развитие не зависело от

голосований в парламенте. Германская угроза имперскому положению Британии и мировому балансу сил вынудила ее увеличить расходы на строительство собственного флота. Таким образом, гонка военно-морского вооружения постоянно усиливалась, и в парламентах обоих государств приходилось оправдывать дальнейший рост военных расходов. Тирпиц полагал, что строительство флота, делаая Германию достаточно сильной на море, удержит Британию от конфронтации. В строительстве флота Британия с 1889 г. исходила из принципа, что британский флот должен был быть сильнее, чем флоты следующих по мощности государств. "Теория риска" по Тирпицу предусматривала, что германский флот будет настолько силен, что, столкнувшись с ним, британский флот

133

Истоки первой мировой войны

понесет такой урон, что, даже победив, станет слишком слаб, чтобы противостоять флотам других государств. Таким образом, само существование германского флота должно было ограничивать свободу действий Британии. Британия отвечала на это увеличением расходов на нужды своего флота. В 1906г. она начала создавать новый тип боевых кораблей класса "Дредноут". Во внешней политике Британия избегала возможных враждебных столкновений с Францией и Россией, оставаясь свободной от союзов. Когда началась война, британское и германское адмиралтейства только один раз в мае 1916г. послали свои военные флоты на боевые действия у Ютландского полуострова. Результат был незначительный, так как ни одна сторона не решилась потерять свои корабли, продолжая сражение. Обе стороны претендовали на победу, но самые мощные военные корабли остаток войны провели на базах, а в войне на море участвовали в основном подводные лодки и эсминцы.

Осуществление германской морской программы привело не только к выравниванию британской внешней политики, но и к радикальному изменению стратегии Британии. Германский флот был первой серьезной угрозой британской гегемонии со времен наполеоновских войн. Флот был популярен в Британии — хотя невысокая зарплата обычного моряка оставалась практически без изменений в течение тридцати лет. Флот был сим-

134

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

волом имперской мощи Британии, он обеспечивал свободу на морях, а также свободу торговли, он играл гуманную роль, препятствуя работорговле. Бюджетные ассигнования на флот не встречали серьезного противодействия в парламенте, даже со стороны Ирландии.

Британская армия играла не такую эффектную роль. "Британская империя — преимущественно морская великая индийская и колониальная держава"⁹, — констатировал комитет в 1904г., который рекомендовал далеко идущие изменения в административном устройстве для защиты империи. Со времен Крымской войны армия в основном применялась для защиты колоний или для подавления восстаний и волнений там, для борьбы с зулусами на юге Африки, или с пуштунами на северо-западных границах Индии. Индийская армия, поддержанная британскими войсками, посланными в Индию, была единственной автономной силой. Индийский офис в Лондоне, или Вайсрой в Дели иногда проводили внешнюю политику на свой лад, особенно при соперничестве с Россией в Афганистане. К началу двадцатого века все это постепенно изменилось. Война против буров в Южной Африке показала слабость британской армии и привела к решению провести ее реформу. Союз с Францией во время кризиса в Марокко в 1905-1906 гг. принудил военное ведомство рассмотреть проблему посылки экспедиционных сил на Европейский континент.

135

Истоки первой мировой войны

Военное ведомство с 1906г. планировало переброску армии на континент, чтобы занять свое место на левом фланге французов. Флот и особенно адмирал Джон Фишер, влиятельный и сильный Первый морской лорд с 1904 по 1910г. не хотел брать на себя ответственность по прикрытию переброски армии через пролив и считал, что роль армии — помогать полной морской блокаде Германии путем захвата одного или нескольких Фризских островов и возможной высадки на балтийское побережье Германии. Вновь сформированный Комитет защиты империи под руководством премьер-министра в конце концов поддержал точку зрения армии. Верховенство гражданского правительства никогда не ставилось под сомнение, несмотря на недовольство генерального штаба: "...сама идея руководства армией гражданскими лицами, которые тем только и занимаются, как политической выгодой ... такая теория ошибочна и безнадежна на практике"¹⁰. Окончательное решение осталось за премьер-министром и кабинетом, и это создало возможность для координации. Увеличение флота и рост производства морского вооружения привели в Британии к тем же проблемам, что и в Германии. Либеральному правительству нужно было найти деньги одновременно для разрекламированной программы социальных реформ, которые они поддерживали, и на строительство дредноутов, за которые выступали пресса и общественность под

136

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

руководством консервативной оппозиции. Были предприняты попытки обуздать гонку морского вооружения и достичь некоторых соглашений с Германией, но этого сделать не удалось. Британия не захотела отказаться от своего преимущества: "Если германский флот когда-нибудь станет сильнее нашего, — писал Эдвард Грей королю Эдуарду VII в июле 1908г., — германская армия сможет победить нашу страну, но у Германии нет ни малейшей возможности к этому. Но насколько бы наш флот ни превосходил германский, никакая морская победа не приблизит нас к Берлину"¹¹. Грей отвергал взгляды Джона Фишера и адмиралтейства, которые считали, что британский флот обеспечит высадку британской армии на Балтийском побережье. Уинстон Черчилль, который стал главой адмиралтейства в 1911 г., твердо заявил: "Я должен четко отвергнуть предположение о том, что Великобритания может когда-либо позволить другой морской державе приблизиться к ней так близко, что при помощи морского давления позволит изменять или огра-

¹¹⁾

ничивать ее политическую жизнь". Германское правительство как раз на это надеялось и хотело политических уступок в обмен на морское разоружение. Когда Галдэйн прибыл в Берлин в феврале 1912г. для переговоров о морском соглашении, ему дали ясно понять, что Германию будет удовлетворять при всех обстоятельствах только нейтралитет Британии в европейской войне. Тирпиц выразил свое мнение коллегам так:

137

Истоки первой мировой войны

"Британия будет придерживаться своих обязательств и обещаний Фрагции... (наше) политическое требование (таково что) Британия не должна принимать участия в войне между Францией и Германией, независимо от того, кто начнет ее. Если мы не получим гарантий, тогда мы должны продолжать наше вооружение, чтобы быть настолько сильными, как Англия и Франция вместе, так как их союз фактически является агрессивным союзом". Даже когда эти идеи были высказаны более дипломатично Бетманом Тальвегом и немецким послом в Лондоне, они оказались совершенно неприемлемыми для британцев. И хотя предпринимались попытки препятствовать выполнению планов по строительству флота

(предложения о так называемых "каникулах флота"), серьезных сокращений гонки вооружений не наступило и соответственно не ослабели противоречия. Британцы считали, что флот для их страны был жизненно необходим. Тирпиц, как мы уже видели, с самого начала рассматривал германский флот как средство политического давления на Британию. Возражения Британии против германской морской программы казались германцам лицемерным отказом разрешить какой-либо стране получить привилегии, которыми сама Англия так долго пользуется. Британии германская политика казалась безусловной угрозой ее безопасности. Спекуляция Тирпица со строительством большого

138

Вооруженные силы и стратегии

флота как средства устрашения провалилась к 1914г., но она сильно изменяла международный климат и сделала войну возможной. Программа морского вооружения развилась до такой степени, что остановить ее было трудно. Тирпиц умышленно планировал строительство флота на длительный срок с тем, чтобы ограничить возможности противников его в рейхстаге. В то же время строительство флота на новом уровне требовало нового оборудования, увеличения верфей и доков, расширения Кильского канала. Должны были быть расширены заводы Крупна и другие заводы тяжелой металлургии. Все эти мероприятия проводились как в Германии, так и в Британии. К примеру, исполнительный директор артиллерийских заводов в Ковентри первым обратил внимание правительства на факт, что в 1906г. заводы Крупна были расширены "с целью быстрого производства очень больших морских пушек и установок"¹⁴. Без сомнения, он надеялся, что его фирма получит заказ от адмиралтейства на пушки и установки.

В 1907г. на Гаагской конференции обсуждался вопрос разоружения. Британское адмиралтейство писало:

"Производство военных кораблей тесно связано со всеми отраслями производства и торговли сегодня и поэтому привлекает к себе законное внимание и интересы, И крупным ударом по этим интересам является любое пред-

139

Истоки первой мировой войны

ложение ограничить рост морского вооружения. И движение за разоружение и оппозиция, выдвигающие такие предложения, встретятся с грозным препятствием. Да к тому же страна более чем любая другая имеет высший интерес в развитии кораблестроения, в торговле во имя жизни и процветания. Есть ли необходимость для Британии становиться на путь ограничения морского вооружения? Такое ограничение серьезно отразится на одной из главных отраслей национальной индустрии" . И снова, в начале 1914 г., когда поступило предложение о замораживании гонки военно-морской техники, министр иностранных дел Германии заявил британскому послу, -что Германия не поддерживает эту идею, "так как приостановление на год строительства флота выбросит на улицу множество людей" , а Тирпиц заявил в рейхстаге, что всякая отсрочка будет означать, что все "упущения должны быть исправлены в следующем году. Это расстроит наши финансы, остановит работу на судостроительных верфях, а также наши военные мероприятия, такие, как спуск кораблей. Мы будем вынуждены ... уволить большое число людей, и вся отрасль нашего кораблестроения будет расстроена" . Таким образом, гонка морских⁴ вооружений оказывала влияние не только на политическое и психологическое настроение в 1914г., она также запустила экономические и технические процессы, которые было трудно остановить. Не ранее как в 1893 г., перед началом

140

гонки морского вооружения, германский социалист Эдуард Бернштейн охарактеризовал ситуацию словами, которые стали крылатыми через сто лет: "... это продолжающееся вооружение, вынуждающее других гнаться за Германией, само по себе является разновидностью войны. Я не знаю, употреблялось ли это выражение раньше, но одно могу сказать— это холодная война. Выстрелов нет, а кровь льется"¹⁸. В структуре германского общества армии была отведена особая роль. Существовало особое отношение к военным отличиям. Кайзер и Тирпиц начали гонку военно-морского вооружения, которая оказала огромное влияние на экономику и общество. В германской политической системе не было координации между различными ветвями власти, не было четкого направления в общеполитическом и стратегическом планировании. Британия относилась к строительству германского флота, как к прямой угрозе своему морскому превосходству и своей мировой империи, и поэтому ее стратегия и внешняя политика претерпели значительные изменения, несмотря на то, что неясные члены парламента никогда не оставляли надежды на сближение с Германией. Британия пошла на более тесные отношения с Францией и немного сблизилась с Россией,

Французское военное планирование исходило из последствий поражения 1870 г. Главной целью всегда было возвращение утраченных областей Эльзаса и Лотарингии. Было понимание того, что в начале вой-

141

Истоки первой мировой войны

ны французской армии придется отражать нападение Германии. Объединение и расширение Французской колониальной империи в Африке и на Дальнем Востоке с 1880-х годов дало возможность армии восстановиться после поражения 1870г., офицерам получить повышения и награды. Активизация действий французской армии в начале XX в. означала, что она готовилась к возможной войне с Британией и Германией. После кризиса в 1898 г. стало ясно, что Франция не намерена противостоять Британии в Африке, и к тому же изменилась внешняя политика Франции после заключения англо-французского соглашения в 1904 г., которое позволило Франции надеяться на приобретение колоний при поддержке Британии. Поскольку колониальные претензии Франции касались Марокко, Германия оказалась главным противником, и отношение к марокканскому вопросу было основой для англо-французского соглашения, а также присоединение к англо-германскому морскому противостоянию. Больше не существовало противоречия между империалистическими целями Франции и надеждами на реванш, и после 1904г. французские военные планы сосредоточились на Германии.'

Не все было гладко в отношениях французского общества к армии и между правительством и верховным командованием. Поражение 1870 г. породило две традиции французского национализма— одна восходит к военным победам древних времен, а другая происходит от уважения к революционной Фран-

142

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

ции 1793г. и победам Наполеона. Они связаны между собой, поэтому армия и особенно офицерский корпус пользовались особым уважением во французском обществе. После дела Дрейфуса армия разделилась на тех, кто считал ее выше критики, и на тех, кого отношения в армии шокировали из-за неуважения к личности. Все это стало больше причиной политических разногласий, чем консенсуса.. За делом Дрейфуса началась кампания, в которой часть членов правительства старалась доказать, что офицерам, известным своей приверженностью к католицизму, должно быть отказано в повышении.. Это означало, что левое крыло и радикальные настроения в армии теперь резко критиковались, а умеренные, антивоенные

настроения стали важной частью революционной риторики.

Эти политические размежевания повлияли на отношения между правительством и командованием. А поскольку военный министр был генералом, ему было легче работать с профессиональными политиками и военными коллегами. Некоторые политики старались преодолеть взаимные подозрения между армией и гражданскими министрами, возникшие после дела Дрейфуса, делались попытки очистить армию от ан-тиреспубликански настроенных элементов. В 1907г. Клемансо, премьер-министр, несмотря на то, что он возглавлял кампанию по защите Дрейфуса, утвердил назначение полковника Фердинанда Фоша начальником Высшей военной академии. Назначение обдумывалось несколько лет, поскольку Фош был католи-

143

Истоки первой мировой войны

ком, а его брат иезуитом. В 1911 г. пост начальника генштаба, который отвечал за общее планирование, был объединен с постом "Генералиссимуса", имевшего право отдавать команду о начале войны. На этот пост был назначен маршал Жофре. Жофре сочетал в себе безупречные республиканские рекомендации и связи с республиканскими политиками, уверенность в своей национальной миссии. "Вы не думаете о войне?"— спросили его в 1912г., и он ответил: "Да, я думаю о ней все время. У нас будет война, я буду ее вести, и я выиграю ее"¹⁹.

Возрождение национального самосознания - позволило правительству в 1913г. увеличить срок военной службы до трех лет, несмотря на противодействие социалистов и радикалов. Марокканский кризис 1911 г. и увеличение численности армии Германией в 1913 г., а также необходимость продемонстрировать России, что Франция поддерживает ее как союзник, дали повод правительству усовершенствовать вооруженные силы и законодательно увеличить срок службы до трех лет. Надежды Франции на победу над Германией стали все больше зависеть от союза с Россией. Как Германия планировала разбить моментально Францию, чтобы сконцентрировать все силы против России, так и Франция надеялась, что действия России на Востоке дадут возможность победить на Западе. Французы постоянно убеждали Россию в необходимости быстрой мобилизации и наступательной стратегии, чтобы быть готовой противостоять германскому оружию на Востоке так быст-

144

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

ро, как только возможно, и таким образом ослабить натиск на Западе. Население во Франции увеличивалось гораздо медленнее, чем в Германии, и французские стратеги всегда учитывали это. Таким образом, союз с Россией был важен и как возможность использования российского резерва живой силы. Слабое положение Франции в демографическом отношении компенсировалось тем, что она каждый год призывала на службу более высокий процент людей, чем Германия, но если бы Германия провела всеобщую мобилизацию, то Франция оказалась бы неизбежно слабее.

Но тем не менее существовали некоторые трудности в создании военного союза между Францией и Россией. Россия до 1910/. отрицательно относилась к перспективе войны с Германией, понимая, как трудно будет вести войну на два фронта против Германии и против Австро-Венгрии. Кроме того, поражение на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. ослабило Россию, основательно разрушило российский флот, вскрыло серьезные промахи в стратегии, организации и вооружении армии.

Реформирование российской армии не было за-

лл

вершено. Военный министр Сухомлинов пытался изменить структуру и стратегию армии, но этому мешала коррупция, в которой погрязли многие высшие чины и их окружение. Более всего эти неувязки привели к несогласованности между стратегией,

направленной против Германии, и уровнем вооружения. Подготовка к войне не была закончена. Россия тер-

145

Истоки первой мировой войны

пела поражения в начале войны от войск Восточной Пруссии потому, что армия последней была довольно мобильной, и в Германии существовала очень эффективная железнодорожная система. Поэтому в 1915 г. крепости были быстро захвачены германской армией. Армия России, несмотря на попытки создать генеральный штаб, не имела главного управления. По всем вопросам окончательное решение оставалось за царем, а Николай II был человек нерешительный, колеблющийся, не способный контролировать все вопросы военного планирования, которые от него зависели. Реконструкции российского флота после поражения от Японии царь лично уделял большое внимание, но ее стратегическая цель была не очень понятна. Французы надеялись, что Россия будет больше внимания уделять наземным вооружениям, вместо того, чтобы тратить деньги на дредноуты (был передан заказ британским фирмам), но в 1913г. российское правительство приступило к программе дальнейшего расширения флота. Когда весной 1914 г. Россия обратилась к Англии с предложением провести переговоры по флоту, британское адмиралтейство посчитало, что в таких переговорах нет необходимости. Грей писал по этому поводу: "По- моему мнению, в войне против Германии российский флот не сможет выйти из Балтики, а британский не станет заходить туда". Внешняя политика русских и стратегическое планирование в годы перед 1914г. и во время июльского кризиса опирались не на офицерский корпус и не на военных руководителей, а на

146

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

систему самодержавия, при которой последние решения принимались самодержцем. Необходимо рассмотреть также отношение России с балканскими славянами и ее исторические претензии к Константинополю. У России были противоречия с Австро-Венгрией, которую полностью поддерживала Германия, и поэтому России необходимо было поддерживать претензии Франции к Германии, что вело к войне. Хотя война на два фронта, против Германии в Восточной Пруссии и Прусской Польше и против Австрии в Галиции, казалась неизбежной, российское правительство должно было быть также готово к возможной кампании на Балканах, поскольку положение Румынии и Болгарии было неопределенным. Скорость восстановления России после поражения на Дальнем Востоке и революции 1905г., масштабы ее перевооружения (хотя оно и проходило недостаточно эффективно) производили впечатление на другие державы, подбадривая Францию и пугая Германию. Армия Австро-Венгрии была унифицированной силой многонационального государства, чье существование как великой державы зависело от достаточной внутренней стабильности, чтобы империя серьезно воспринималась другими правительствами как нерушимый элемент в международной системе. Офицерство было искренне предано императору Францу Иосифу. Офицерский корпус набирался из разных слоев общества. Как и в России, только небольшая часть его состояла из аристократов. Офицеры занимали привилегированное положение. Как правило, не-

147

Истоки первой мировой войны

сколько поколений одной семьи служили в армии. Офицеры разговаривали на нескольких языках империи (их было десять), следуя примеру эрцгерцога . Франца Фердинанда, инспектора — генерала армии, который, несмотря на репутацию плохого лингвиста, владел семью языками. Но армия Австро-Венгрии страдала от недостатка, общего для монархии, — от громоздкой и сложной административной системы. По соглашению 1867г. и двойной конституции, которая давала венгерскому правительству равные права с австрийским, за разные отрасли военной системы отвечали три разных министра. Главная часть армии управлялась объединенным австро-венгерским военным министерством,

власть одного из трех министров (остальные были: внешних сношений и финансов) распространялась на обе части монархии; но двумя резервными армиями командовали австрийский и венгерский министры обороны соответственно. Каждый год между австрийским и венгерским правительствами происходили трения из-за числа призывников от каждой части монархии. По этой причине, а также из-за постоянной нехватки денег, что усугублялось при каждом международном кризисе, когда начинались "военные приготовления (так было в боснийском кризисе 1908 г. и балканском кризисе 1912-1913 гг.), удавалось призвать сравнительно небольшое число людей. Один из историков утверждает, что полевые армии в 1914г. содержали меньше пехотных батальонов, чем в войне против Пруссии 1866 г., несмотря на то, что численность на-

148

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

селения возросла на 20 миллионов человек²². Примерно за десять лет до войны возник спор между немцами и венграми о сохранении немецкого языка как командного в армии (инструкцию для рекрутов писали на языке той национальности, которая составляла более 20 процентов в полку, но командным языком остался немецкий, несмотря на возражения венгров).

В австро-венгерской армии были и другие проблемы. Ее программа вооружения ограничивалась по финансовым соображениям, и хотя в государстве имела развитая военная промышленность (завод Шкода был соперником германской фирмы Крупп), вооружение армии оказывалось не всегда на высоте, а запасы военной амуниции были недостаточны даже для очень короткой войны. Было ясно, что главным противником будет Россия, но командующий ставкой, генерал Конрад фон Хетцен-дорф, планировал кампанию по сокрушению сербов, обсуждалась также возможность нанесения предупредительного удара по Италии. К 1914г. австро-венгерская армия находилась, как и вся монархия, в парадоксальной ситуации. Она играла важную роль, как символ единства, в ней было много способных и преданных офицеров, но ее эффективности препятствовала громоздкая бюрократическая административная система. События 1914г. показали, что ее генеральный штаб никогда не мог ясно определить стратегические приоритеты. Он был убежден, что нельзя воевать одновременно с Россией, Сербией и

149

Истоки первой мировой войны

Италией, но к весне 1915г. именно это им и пришлось делать.

В Италии, как и во Франции, отношение к армии и ее положение были неоднозначным. С одной стороны, она являлась символом единства Италии и утверждения роли Италии в Европе, с другой — левые смотрели на нее, как на силу для подавления забастовок и народных волнений (как на Сицилии в 1894 г. и в Милане в 1898г.). Реформы 1870-х годов, когда итальянская армия, как и другие армии в Европе, учитывала уроки франко-прусской войны, армию рассматривали как "школу нации", и из предосторожности каждое подразделение формировалось из призывников двух разных областей. Противники войны полагали, что набор из одного района в службы безопасности сделает подразделения менее надежными.

К началу двадцатого столетия авторитет армии был ниже, чем двадцать лет назад. Ее роль в подавлении волнений возросла, и теперь развернулась мощная антивоенная кампания левых сил. Армия потерпела неудачу в 1896г. при завоевании Эфиопии, и это явилось сильным ударом по ее престижу. Карьера офицера стала казаться не очень привлекательной. Многие образованные молодые люди, воспользовавшись правом выбора, служили только один год, как призывники, не получали офицерского чина, к которому готовились. Поступали сигналы о низкой обра-

~

,23

звательной и культурной подготовке офицеров. Хотя на должность министра обычно назначался ге-

150

Милитаризм, вооруженные еит

нерал, не многие офицеры интересовались политикой, и в Италии не существовало привилегированной касты, которая играла бы важную роль в политике. Невзирая на критику со стороны левых сил, армия воспринималась как таковая, и вмешательство в ее дела гражданского правительства всегда получало отпор со стороны монарха, не допуская вторжения в сферу своего влияния.

Тем не менее в 1907 г. были проведены некоторые изменения и реформы. В декабре 1907 г, впервые на пост военного министра было назначено гражданское лицо. Премьер-министр Джолитти надеялся, что это поможет утвердить в парламенте возросший военный бюджет (хотя фактически только следующий военный министр, генерал» смог провести его). В течение этих лет Италия участвовала в гонке военного и морского вооружения в основном против своего противника Австро-Венгрии, но также, несмотря на улучшение отношений с Францией, и против Франции. Попытки реформировать и увеличить численность армии и флота не удалось из-за кампании в Ливии, которая обошлась слишком дорого. А с другой стороны война с Турцией подняла престиж армии, у которой теперь стало много горластых сторонников в националистических партиях, особенно Итальянская националистическая ассоциация, организованная в 1910г. Более важно было то, что победа в войне с Ливией помогла армии справиться с критикой в свой адрес: от социалистической партии, которая являлась главным противником войны, отошла крыло, под-

151

Истоки первой мировой войны

держивавшее войну. Католическая церковь, у которой в Триполи были финансовые интересы, а в Итальянской империи миссионерские интересы, теперь благословила вооруженные силы и приняла решение назначать армейских капелланов.

У флота была популярность выше, чем у армии. Как и в Германии, флот был более либеральным, более современным, чем армия, а также являлся признаком того, что Италия стала великой державой, и хотя через 10 лет она отошла на пятое место, вскоре она начала осуществлять программу строительства dreadnoughtов. Победа над Турцией дала итальянскому флоту в восточном Средиземноморье военные базы и усилила опасения британского адмиралтейства, что, объединившись, австрийский и итальянский флоты могут угрожать Британии. Итальянцы стали искать возможности по внедрению новых технологических усовершенствований: они основали авиационную школу в 1910 г. Три года спустя Габриэли Данунцио написал одну из первых повестей, в которой герой был авиатором. В ливийской кампании итальянцы первыми применили аэропланы в военных действиях. Слабость итальянских вооруженных сил происходила не из-за недостатка воображения и технического мастерства, а из-за бюрократической организации армии и флота и системы их снабжения. Начальник генерального штаба армии — генерал Поллио, с 1908 до июля 1914 г., а затем генерал Ка-дорна — не имели прямого политического влияния. Они понимали, что дело правительства вершить по-

152

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

литику, а их — исполнять ее. К примеру, когда Поллио принимал участие в переговорах об объединении планов с союзниками Италии — Германией и Австро-Венгрией, он не знал точных сроков договора о Тройственном союзе. Джолитти и правительство приняли решение послать экспедицию в Ливию без предварительного детального обсуждения с генеральным штабом, а Поллио получил от Джолитти короткое уведомление о посылке экспедиционных сил. Подчиненность военных политическим решениям также ограничивала военное взаимодействие с союзниками. Хотя в 1888 г. итальянское правительство обещало Германии, что оно пошлет пять

армейских подразделений и три кавалерийские дивизии сражаться на Германском западном фронте в случае войны с Францией, в 1912 г. Поллио должен был заявить Мольтке, что из-за потерь в Ливии Италия не сможет послать подразделения на Рейн. В течение этого года Поллио, который был в хороших отношениях с германским и австрийским генеральными штабами, обещал просить разрешения послать подразделения в Германию в случае войны, но для этого не было сделано никаких приготовлений. Не удивительно, что было столько же неопределенности в военных намерениях Италии во время июльского кризиса 1914 г., сколько и в ее внешней политике. Из-за внезапной смерти Поллио 28 июня 1914 г. был нарушен централизованный контроль. Не из-за угрозы европейской войны, а из-за угрозы итальянских железнодорожников забастовать был предпринят воен-

153

Истоки первой мировой войны

ный шаг — призыв дополнительного числа резервистов 13 июля.

Решение правительства объявить о нейтралитете Италии привело в удивление военных. 31 июля преемник Поллио Кадорна писал королю о необходимости послать войска в Германию. Подтверждением отсутствия взаимодействия между гражданскими и военными властями явилось то, что Саландра, премьер-министр, узнал о том, что Кадорна послал королю меморандум, только через шесть лет после войны. Политика Италии в конце войны, в противоположность политике Германии, была обусловлена не предыдущими военными планами, а также не слабостью армии после ливийской кампании, а политическими решениями правительства и короля, исходивших из интересов Италии. В другой стране, непосредственно вовлеченной в развязывание войны, роль и значение военных были очень велики. В Сербии группа военных в 1903г. убила короля и на его место поставила монарха из враждебной династии, так что первый король своим восшествием на престол обязан армии. Армия испытывала острое недовольство решением правительства принять аннексию Австрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., но в результате побед в двух Балканских войнах она приобрела значительный престиж и влияние, Она требовала права на управление вновь приобретенными территориями в Македонии и негодовала по поводу назначения туда гражданских властей. В декабре 1913 г. произошло прямое столкновение между

154

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

представителем правительства и батальонным командиром на приеме в российском посольстве в македонском городе Битола, когда полковник, провозглашая тост за здоровье царя, потребовал превосходства над гражданскими властями. Тогда правительство издало указ о превосходстве гражданских властей во всех государственных делах. В июле 1914г. начальник генштаба предложил королю сместить премьер-министра Пасича, и Пасич остался тогда в своем кресле благодаря поддержке российского правительства и кронпринца Александра. Король ушел из политики, а Александр стал принцем-регентом, в это время Пасич объявил о несогласии парламента с результатами выборов 1 августа. Таким образом, из-за напряженности между армией и гражданским правительством Сербия оказалась в глубочайшем политическом кризисе в момент убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

Глубокое национальное чувство в Сербии во время боснийского кризиса привело к образованию в Белграде националистической организации Народна Одбрана, которая скоро образовала в других городах свои отделения. Эта организация вдохновила молодых людей идти добровольно на военную службу, чтобы развернуть культурную деятельность для подъема сербского национального духа. Тайное общество "Союз или Смерть" (противники называли его "черная рука"^{TS}), членами которого были офицеры и гражданские лица из всех классов, основано офицером, позже ставшим главой сербской военной ин-

Истоки первой мировой войны

теллигенции, полковником Драгутином Димитровы-} чем, более известным под кличкой "Пчела". Пчела был одним из царевичей 1903 г. Он был человеком, который ни перед чем не остановится, включая убийство, для достижения своих национальных и революционных целей. В уставе организации было записано: "... предпочитает революционные действия культурным"²⁴, и это отличало ее от Народа Одбрана. Незаконная деятельность Пчелы и его группы усилила вражду между армией и правительством; незадолго перед убийством Франца Фердинанда Пасич отдал приказ о расследовании случаев контрабанды оружия через границу с Боснией. Существовала целая сеть конспирации и заговоров, которые и до сих пор не разгаданы, которые вызывали острейшую и длительную вражду между южными славянскими движениями. Хотя в июле 1914 г. перед лицом австрийского нападения наступил момент объединения, одной из причин, которая заставила правительство Пасича отвергнуть часть австрийского ультиматума, было понимание того, что участие австрийских властей в любом расследовании в Сербии по делу об убийстве эрцгерцога могло вызвать рост влияния Пчелы и его организации на всю политическую и административную жизнь страны. Вражда между Пасичем и Пчелой никогда не утихла. Через три года Пчела был арестован и приговорен к смерти по обвинению в заговоре об убийстве принца-регента. Его деятельность и мотивы скрыты в прошлом, так

156

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

что его роль является предметом спекуляций и слухов до сегодняшнего дня. Конечно, он имел связи с группой Молодая Босния, которая несла ответственность за убийство эрцгерцога. Проводник, который вел заговорщиков через сербскую границу в Боснию, был одним из агентов Пчелы, хотя этот человек сообщил о том, - что он делал, в местное представительство Народна Одбрана, которое в свою очередь сообщило о случившемся правительству. С другой стороны, Пчела уже знал, что он был под наблюдением по приказу премьер-министра, и есть некоторые свидетельства того, что он пытался остановить убийство после того, как конспираторы отбыли в Сараево. А дальнейшее взаимодействие террористических групп и связи между ними очень трудно выяснить. Важнее деталей конспирации и различных секретных организаций для понимания природы сербского общества и его политики является карьера Пчелы. В маленькой бедной стране армия стала символом национальных страстей, но существовало много противоречий во мнениях о том, как эти страсти могли быть лучше использованы. В то же время интересы армии не совпадали с интересами тех политиков, которые посвятили свою деятельность созданию парламентской и демократической системы турецкого правления, внесшего элемент нестабильности во внутреннюю и внешнюю политику. Даже если Пчела и его организация были вовлечены в планирование и осуществление убийства эрцгерцога, это не имело

157

Истоки первой мировой войны

какой-то реальной идеи. Этого было достаточно, чтобы сместить того, кого они считали врагом и угнетателем сербского народа, а война с Австро-Венгрией должна была начаться рано или поздно. Пчела верил, как написала его газета в 1912 г.;

*"Война между Сербией и Австро-Венгрией неизбежна. Если Сербия желает жить по чести, она может сделать это только через войну. Эта война наших традиций и нашей культуры. Эта война происходит из долга нашего народа, который не позволит себе раствориться. Эта война должна принести настоящую свободу сербам, южным славянам, балканским народам. Весь наш народ должен подняться, чтобы отразить нападение этих чужеземцев с севера"*⁵. Летом 1914г. сербская армия еще не оправилась от потерь в Балканских войнах, и это был совсем не подходящий

момент для Сербии, чтобы начинать войну. Свидетельства говорят о том, что ни сербское правительство, ни командование армией не хотели этого. Тем не менее конспирация и заговоры, в которых участвовало так много офицеров и политиков, позволили Австрии обвинить сербов в участии в убийстве Франца Фердинанда и явились оправданием для правительства Австро-Венгрии в развязывании войны против сербов, которую обе стороны по разным причинам считали неотвратимой. Положение сербов в 1914 г. — яркий пример того, как фанатичный национализм инспирировал акции, не основанные ни на каком практическом расчете, дей-

158

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

ствия, последствия которых непредсказуемы и не-преднамерены.

В разных странах социальное и политическое положение армии и флота, роль военных лидеров в политике неодинаковы. Тем не менее в каждой стране - на политику оказывали влияние офицерский корпус, уважение к его моральным качествам, современные планы армии и флота. Каждое правительство реагировало на военную и морскую подготовку своих соседей: любой шаг в наращивании вооружений не оставался незамеченным и вызывал увеличение расходов на вооружения в других странах, независимо от их политической системы. Сама гонка вооружений создала ощущение неотвратимости войны; и хотя правительства заверяли, что их подготовка к оборонительной войне была показателем их стремления к миру и их желания отпугнуть агрессию, но запугивания на самом деле столько же провоцируют, сколько и устрашают. Некоторые правительства были более других готовы начать войну и потому предпринимали действия, которые способствовали началу войны. Решающий шаг был сделан Германией, так как желание изменить баланс сил в свою пользу было превалирующим, даже с риском вступить для этого в войну; а европейские великие державы были так связаны друг с другом, что программы вооружения и военная пропаганда в одной стране обязательно подстегивали гонку вооружений и военную пропаганду в другой. Наращивание флота Германией заставляло Британию улучшать свой флот. Морской союз в Германии воз-

159

Истоки первой мировой войны

ник в противовес морскому союзу в Британии (имперский морской союз). Рост военных расходов России заставил Германию увеличить армию, а это в свою очередь повлекло за собой то, что Франция издала закон о трехгодичной службе. Призывы к национальному возрождению и крупные приготовления к грядущей войне стали общим направлением в политической риторике — что в Союзе патриотов, Союзе национальной обороны или в Народна Одбрана, хотя во многих случаях их перевешивали старые либеральные лозунги о мире, о сокращении расходов на - вооружение, реформе, или утверждения социалистов о том, что у рабочего класса нет Родины, и что война классов должна прийти на смену войне между государствами. Некоторые из факторов, повлиявших на обстановку, в которой были приняты решения 1914 г., будут рассмотрены в последующих главах, но была одна область, в которой стратегические решения преобладали над другими и ограничивали выбор гражданских политиков. Сам июльский кризис был главн юч причиной и следствием. Военные планы были обусловлены многими причинами: стратегической доктриной, технологическим потенциалом, структурой"командования. Все это изменялось время от времени по мере изменения дипломатической ситуации, и стала совершенно ясно просматриваться их тщательная проработка генеральными штабами, когда война началась и развернулись военные действия. Но чего нельзя было предвидеть, и что сделало войну совсем не такой, какой ее

160

Милитаризм, вооруженные-силы и стран Iегия

представляли подстрекатели, — это последствия^ военных действий. Более того, колебания политиков, потеря выдержки и грубые технические ошибки, как правило, приводили к последствиям, обратным тем, на которые рассчитывали их виновники. В общем, скорость, с которой развивались события в последнюю неделю июля 1914 г., говорит о том, что вероятность изменить военные планы была очень мала тогда, когда были отданы приказы. Положение Австро-Венгрии — первой державы, начавшей военные действия, — ясно показывает трудность примирения идеального мира штабного офицера с действительностью сотен тысяч солдат.

Для Конрада, который был в большой степени ответствен за стратегическое планирование Австро-Венгрии, как видим, было трудно решиться на войну на два фронта. Сам он имел горячее желание использовать первую возможность и нанести сокрушительный удар, по Сербии. Он временами надеялся, что российская поддержка Сербии может обернуться ви-димостью: "Мы не уверены, — сказал он 31 июля, — может, Россия только угрожает, поэтому мы не должны отказываться от наших действий против Сербии";". Для германцев главным пунктом их сою-за с Австро-Венгрией было то, что Австрия должна обеспечить немедленное наступление против России, в то времц как Германия сосредоточивает силы против Франции. Положение усложнялось еще и тем, что хотя-Италия ,была официально союзником Австро-Венгрии — нельзя было быть уверенным в ее пози-

Истоки первой мировой войны

ции в этой войне, и Конрад иногда рассматривал предупредительную войну против нее тоже. В любом случае было разумным не оставлять границу с Италией без надзора. К тому же Румыния должна была рассматриваться как потенциальный противник, и венгерские власти были обеспокоены возможными волнениями среди румын, проживающих на территории Трансильвании. Румыния как противник Австро-Венгрии создавала преимущество для России. Дивизии, стоявшие на границе с Румынией, можно было направить против Австрии.

К весне 1914г. Россия улучшила свой железнодорожный транспорт настолько, что ее мобилизация могла продлиться меньше тридцати дней, на которые рассчитывал Конрад. Он надеялся успеть мобилизовать австро-венгерские силы против Сербии за пятнадцать дней, и за это время справиться с Сербией, пока Россия сможет начать кампанию в Галиции. В войне, которая началась как карательная экспедиция против Сербии, в любом случае было трудно отложить операцию против нее из соображений престижа. Конрад и правительство Австро-Венгрии, как показал Норман Стоун²⁷, были жертвами своей одержимости относительно Сербии и военной слабости монархии в данной области. Конрад делал попытку справиться с ситуацией. В марте 1914г. он постарался изменить план кампании против России; эвакуировав часть территории Австрии, подготовиться здесь к оборонительным действиям. Но поскольку такая стратегия была противна интересам Германии, транспортная

162

Милитаризм, вооруженные силы и стpаpезm

дивизия военного министерства доложила Конраду, что требуемое изменение железнодорожного расписания заняло бы много времени.

25 июля, когда австрийский ультиматум был отвергнут, за три дня до того, как было сделано заявление о войне против Сербии, началась мобилизация армии. Несмотря на угрозу со стороны России, было принято решение направить большую часть австро-венгерской армии против Сербии. А когда стало ясно, что Россия не блефует и пбд давлением Германии придется ускорить военные действия Австрии в Галиции, Конрад понял, что снять большую часть армии с юга и перебросить ее на север в короткий срок невозможно. Железнодорожные расписания и количество подвижного состава не позволяли осуществить это. Начальник перевозок военного министерства убедил Конрада, что произойдет совершенная пу-

таница . Конрад был вынужден начать военные действия против Сербии и России сразу в неблагоприятных обстоятельствах. Ошибка заключалась не только в планах Конрада или в рискованности его намерений, вся административная система монархии неспособна была быстро и гибко провести мобилизацию. Правительство Австро-Венгрии намеревалось сокрушить Сербию любой ценой. Оно понимало, что за это придется воевать с Россией, и решило все равно осуществить военные планы против Сербии. В результате Австрия не смогла преодолеть сопротивление Сербии до 1915 г., когда Болгария вступила в войну на стороне Германии и Австрии и значительные гер-

6*

163

Истоки первой мировой войны

майские войска были посланы на сербский фронт. Австрия потерпела ряд поражений от России, что привело к усилению влияния Германии на Австро-Венгрию. Поступок, который должен был продемонстрировать силу Австро-Венгрии и укрепить ее положение великой державы, — на деле привел к потере этого положения и к ее неминуемому падению.

Россия постепенно и довольно неохотно пришла к мысли, внушаемой ей Францией, что она должна начать войну с агрессором. Ее подготовка была не завершена: часть денег, выделенных еще в 1913 г., были использована на то, чтобы добавить артиллерии в разрушенные крепости в Польше. Но Россия добилась значительного успеха в стратегическом железнодорожном строительстве, и в мае 1912 г. был видоизменен План 19— план войны против Германии и Австро-Венгрии. Первоначальный план, созданный в 1910 г., предусматривал наступление на Германию в Восточной Пруссии основными силами российской армии, в то время как остальные силы будут вести оборонительные действия против Австро-Венгрии. В 1912г. было решено, что если Германия нападет на Францию, то большая часть российских войск атакует Австро-Венгрию. Поскольку Германия будет очень занята на Западе, можно будет успешно действовать в Восточной Пруссии меньшими силами. Осенью 1912г. царь, министры и командование решали, каким образом провести частичную мобилизацию для войны только против Австрии, чтобы не провоцировать Германию. Идея была отвергнута в основном

164

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

из-за аргументов Коковцева, премьер-министра, который заявил: "Наши противники расценят как саму войну все наши подготовительные действия, как бы мы их ни назвали — мобилизация останется мобилизацией" ²⁹.

Из-за размеров российской армии и протяженности территории, мобилизация в России была весьма важна для успеха первоначальных планов. Решение России о мобилизации в июле 1914г., которое было использовано Германией как повод для объявления войны, позволило укрепиться мнению, что "мобилизация означает войну". 24 июля 1914г. после обращения сербов к царю за поддержкой, глава штаба и министр иностранных дел снова обсуждали вопрос о частичной мобилизации в военных выступлениях против Австро-Венгрии. Русские действовали очень осторожно. 25 июля они решили отозвать офицеров из ртпусков и вернуть войска с маневров в свои округа. И рано утром следующего дня был объявлен "подготовительный период к войне". На самом деле это означало, что первые шаги ко всеобщей мобилизации могли быть предприняты без употребления фатальной фразы. Решение также "давало русским несколько дней преимущества, поскольку объявление "состояния военной опасности" в Германии не было сделано до 31 июля. ; Существуют различные точки зрения на то, мог-и ли, или должны ли были русские проводить частичную мобилизацию, обсуждение которой проходи-лр, 24 июля, По мнению некоторых историков, это

165

Истоки первой мировой войны

является еще одним подтверждением того, что мобилизационные планы и графики

железнодорожного движения определяли развитие кризиса. Но как говорил Л.С.Тернер³⁰, в 1914 г. никто серьезно не думал, что это сразу заставит Австрию провести всеобщую мобилизацию. На самом деле объявление "военного положения" и меры, уже принятые, давали России дополнительное время для мобилизации и оставляли возможность для дальнейших переговоров. Австрийцы всегда боялись, что Россия проведет мобилизацию, пока австро-венгерская армия будет связана на сербском-фронте. Но именно такую ситуацию создал Конрад своим опрометчивым решением о немедленном нападении на Сербию.

Период между 25 июля и окончательным решением объявить мобилизацию был отмечен колебаниями и размежеваниями в руководстве России. Решение о всеобщей мобилизации против Австро-Венгрии еще не было представлено царю, еще не объявлено Германии, а начальник штаба Янушкевич уже сообщил по телефону своим подчиненным, что 30 июля — первый день всеобщей мобилизации. И при этом Сазонов уверял германского посла, что никакая мобилизация не осуществляется, поскольку никаких формальных приказов не выходило, хотя подготовка к ней уже началась. Насколько сам Сазонов понимал то, что подразумевается под "меры военной подготовки уже предпринимаются"? "Уверяю, мобилизация не означает войну с вами, не так ли?" — спросил он германского посла 26 июля, когда первый

166

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

рапорт 6 российских военных мерах поступил в германское посольство. Германский посол был не настолько наивен, по крайней мере, по его собственному пониманию, он ответил: "Возможно, теоретически это и так. Но... поскольку кнопка нажата и механизм мобилизации запущен, его не остановить"³¹. И вот то, что произошло в ответ. К обеду 29 июля Сазонов был не на шутку взволнован реакцией Германии на приготовления России и собрался проработать прокламацию о всеобщей мобилизации. Когда приказы уже были готовы для передачи в военные округа, царь переменял свое решение, получив телеграмму от кайзера. "Я не буду отвечать за чудовищное кровопролитие"³², — воскликнул он и опять решил предпринять частичную мобилизацию. Всеобщая мобилизация в России была отложена на двадцать четыре часа. К вечеру 30 июля пошли приказы, и это дало возможность германцам начать собственную мобилизацию под предлогом того, что русские сделали первый шаг.

События разворачивались так быстро, что дипломаты не успевали за ними. Снова и снова, в течение последних дней мира политики и дипломаты принимали решения по ситуации, которая уже изменилась, не будучи "ими осознанной". В этой связи интересно поразмышлять, насколько французское правительство было в курсе военных приготовлений в России. Теоретически, условия франко-русского союза налагали на Россию обязательство консультироваться с Францией перед объявлением

167

Истоки первой мировой войны

мобилизации, если причиной ее было выступление против Австро-Венгрии. Палеолог, посол Франции в Санкт-Петербурге, определенно был осведомлен о том, что собирались предпринять, и приветствовал это. Президент Пуанкаре и премьер-министр Вивьяни притворялись, что не замечают мобилизации в России насколько было возможно, вероятно, из-за того, чтобы оградить себя от обвинений в том, что они могли бы больше сделать для того, чтобы остановить Россию от шага, который безусловно вел к войне. В любом случае, военное планирование Франции основывалось на предположении, что русские готовились выступить против германской армии через шестнадцать дней после начала мобилизации. Это было обязательство, которое русские давали неохотно. В 1910г. они надеялись улучшить отношения с Германией. И царь, и кайзер имели множество дружественных встреч в Потсдаме, хорошо освещенных в печати. В начале 1911 г. французы огорчились, обнаружив, что их союзники, не сообщая им, убрали два подразделения с

польской границы. Тем не менее в августе этого года французская военная миссия встретила со стороны России больше желания взять на себя обязательства, теперь же она с неохотой согласилась начать кампанию. Президент Пуанкаре посетил в 1912г. Санкт-Петербург, а Великий князь Николай, дядя царя и инспектор-генерал кавалерии (который стал главнокомандующим в начале войны), посетил французские военные маневры,

Дданы со-

168

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

Труднейшими были подготовлены и оформлены, когда Жоффр посетил Россию летом 1913 г. Он был удовлетворен успешным строительством стратегических железнодорожных путей в России, и в сентябре 1913г. было подписано военное соглашение, по которому Франция и Россия в случае войны с Германией обязывались предпринять наступательные операции. Франция— на одиннадцатый день, а Россия — после пятнадцати дней. Эти планы основывались на предположении, что "Германия направит большую часть своих сил против Франции и оставит немного подразделений против России"³³. В то же время французское правительство предоставило России значительный заем на строительство железных дорог и на вооружение.

Со времени марокканского кризиса 1911 г. фран-^Хцузы не только укрепляли связи с Россией, но и перерабатывали свои стратегические планы, а также проводили замены в высшем командовании. Когда Жоффр стал начальником штаба и главнокомандующим, он разработал новый план кампании, План XVII. Он основывался не только на наступлении России на востоке, но и учитывал присутствие ограниченных сил Британии на левом фланге линии французской обороны. Действительно, переговоры между двумя генеральными штабами привели к более тесному сотрудничеству, чем осторожные политические контакты между двумя министерствами иностранных дел, так как были более часты и детальны, чем боснийские переговоры с Россией; Но планы Жоффра осно-

169

Истоки первой мировой войны

вывались на ошибочных сведениях о намерениях Германии: он полагал, что основные силы Германии будут сконцентрированы на границе с Лотарингией, а движение германцев через Бельгию будет ограничено территорией на юге от рек Самбр и Маас. Он считал, что Германия не станет использовать свои резервные дивизии сразу с регулярными войсками. Французы надеялись на одновременное наступление на главные силы Германии, что обеспечило бы быстрое достижение результата. Главная доктрина, которой придерживались французские военные лидеры, — победа будет результатом морального и материального превосходства, и что желание будет способствовать успеху атаки. Они исходили из положения Фоша, что "если поражение наступает по моральным причинам, победа может быть достигнута также по моральным причинам"⁴, а его последователь полковник Гран-дмассон, один из самых молодых офицеров, сказал об этом еще точнее: "Французская армия, возвращаясь к своим традициям, не знает другого закона, а только наступать... Все атаки должны вестись до конца... атаковать врага, чтобы сломить его... Такого результата можно достичь только ценой кровавой жертвы"³⁵.

Грандмассон был прав относительно цены, но ошибался относительно результата. Такие доктрины нашли выражение в формулировках Плана XVII; "При любых обстоятельствах решение атаковать германские войска, наступая всеми силами, принимает Главнокомандующий"³⁶. Когда в 1914 г. было принято решение о движении в Лотарингию, Жоффр пред-

170

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

полагал наступать через Бельгию. Еще в 1912г. он выдвинул эту идею на обсуждение в верховном военном совете. Пуанкаре и большинство членов правительства понимали, что любое нарушение нейтралитета Бельгии Францией и любое движение в Бельгию, до того как германские войска пересекут границу, положат конец всяким надеждам на то, что

Британия выступит на стороне Франции. И Жоффри согласился с этим. Тут наконец был ясно утвержден приоритет гражданского правительства над военным руководством. Когда в июле 1914 г. наступил кризис, такое положение сохранялось, и окончательные решения всегда отдавались правительством, а не верховным командованием. Правда, Жоффри, согласовав с военным министром, предпринял некоторые подготовительные меры до возвращения президента и премьер-министра из России. Как только Пуанкаре и Вивиани вернулись 29 июля, Жоффри начал убеждать их в необходимости занять позиции на германской границе. 30 июля кабинет согласился, но настоял на том, чтобы войска находились на расстоянии 10 км от границы, так как они должны создавать впечатление для Британии и Италии, что в их намерение входит только оборона.

31 июля Жоффри был очень обеспокоен и озабочен, узнав о мерах военной подготовки, принятых германцами, и о числе призывников. В этот день он сообщил кабинету, что "любое промедление с мобилизацией во Франции будет означать, что начало войны пройдет с потерей французской территории и

171

Истоки первой мировой войны

что. главнокомандующий должен взять на себя ответ-

д7

схвенность и отдать приказ". Кабинет распорядился о дальнейших передвижениях войск, но приказа о мобилизации не отдал, так как правительство до сих пор старалось избежать любых шагов, которые могли быть неправильно поняты Британией. Хотя каждое правительство уверяло других, что их мобилизация является реакцией на приготовления других, военные машины были запущены в действие независимо друг от друга. В конце концов Жоффри убедил правительство разрешить ему объявить мобилизацию 1 августа. Хотя позже французское правительство уверяло, что решение было принято в ответ на объявление Германией "военного положения", известие об этом еще не было получено в Париже, а французское решение о мобилизации уже было принято.

, "Мобилизация— это не война",— гласило официальное заявление Франции³⁸. И это правда, что большинство мобилизаций, объявленных в последние дни июля и начавшиеся в августе, не обязательно означали, что военные действия начнутся тут же. Во многих случаях была пауза в две недели или более между приказом о мобилизации и готовностью сражаться. Единственным государством, которое намеревалось начать военные действия сразу, после объявления мобилизации, была Германия. 17 мая; стратегия основывалась на, плане войны на два фронта, подготовленном генералом Шлифена, ном. Он разрабатывал несколько вариантов . этого плана с 1892 г., и остановился на гибельнокрещении

172

Милитаризм, вооруженные силы и

начать войну с наступления на Западе раньше, чем на Востоке. План был закончен в 1905 г., как раз перед отставкой Шлифена, во время величайшего ослабления России³⁹. Чтобы одержать победу над Францией, германская армия должна была двигаться через Бельгию и Нидерланды, к границам Франции, где фортификации были наиболее слабые, окружить французскую армию и Париж. В итоге французская армия была бы отсечена от Парижа, отброшена на крепости на их западной границе и уничтожена. (Французский генеральный штаб учитывал возможность того, что Германия могла двигаться через Бельгию так легко. В 1905 г. его планы атаковать в Лотарингии обозначали, что французы будут делать то, чего ожидал от них Шлифен, а он намеревался напасть на Нанси и отбросить их, ослабив их северный фронт.) По подсчетам Шлифена, первоначальная победа могла быть достигнута примерно за месяц. План был рассчитан на способность германских войск двигаться быстро и

разбить французов, не дав им перегруппироваться (для встречи германцев из Бельгии), еще до того, как русские начнут наступление на Востоке.

Шлифен не учитывал возможных политических осложнений, "нейтралитет Люксембурга, Бельгии и Нидерландов должен быть нарушен"⁴⁰, — писал он. Возможно, Дания согласится пропустить германские войска; возможно, Бельгия окажет сопротивление, но в любом случае Германия не должна отклоняться от достижения своих стратегических целей из полити-

173

Истоки первой мировой войны

ческих и дипломатических соображений. Самое большее, на что она должна была обращать внимание, это возможность (которую предвидел Шлифен) высадки британских экспедиционных сил. Ему было необходимо место для маневра, чтобы осуществить атаку на широком фронте; а это можно было выполнить, пойдя через Бельгию. Ему было необходимо пересечь датскую территорию и воспользоваться датской железной дорогой, чтобы захватить ключевой бельгийский железнодорожный узел в Льеже и окружающие форты.

- Преемник Шлифена, генерал Мольтке, был убежден, что по политическим соображениям нарушать нейтралитет Дании нельзя, и решил не пересекать ее территорию для захвата Льежа. Вместо этого кампанию было решено начать неожиданной атакой Льежа и окружающих фортов. Эта операция была успешно проведена в ночь с 4 на 5 августа 1914 г. Наступление на Бельгию было проведено почти мгновенно после объявления мобилизации. Взятие Льежа держалось в глубоком секрете, и похоже, что даже кайзер не знал об этом.

Хотя нарушение нейтралитета Бельгии позволило Британии объяснить либеральному крылу, почему они объявляют войну Германии, решение было, как мы видим, принято по более важной политической причине. Вовлечение Бельгии было предвидено в британских планах уже с первых переговоров с французами, которые начались в 1905 г. Проводились даже переговоры с Бельгией, но они не были про-

174

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

должны из-за того, что разразился кризис в Марокко и бельгийские власти стали настаивать на своем

нейтралитете, отвергая любые предложения о взаимодействии с Францией и Британией. Контакты между британским и французским военными штабами продолжались, но британское правительство заняло довольно двусмысленную позицию по отношению к сотрудничеству между военными деятелями. С одной стороны, это работа военных — планировать, с другой стороны, это работа политических лидеров, когда планы необходимо осуществлять. Как сказал- Грей Асквиту в 1911 г., относительно проходивших ранее переговоров ставок: "Тогда собрались военные эксперты. Я никогда не знал, о чем они договорились — положение было таково, что правительства были совершенно свободны, но что военные знали, что делать, если бы им было дано слово"⁴¹. Существовало мнение, что военные соглашения не обязательно осуществлять, и это позволило Асквиту заявить в палате общин после кризиса в Агадире: "Не существует секретных соглашений, которые бы не были раскрыты". Некоторые из его ближайших советников были другого мнения: "Я напомнил ему (Асквиту), — писал лорд Эшер в своем дневнике за шесть недель до этого, — сам факт выработки детального плана военным ведомством с генеральным штабом Франции — обязывал нас воевать невзирая на то, нравится это кабинету или нет"^{4j}. Таков же был взгляд и Генри Вильсона,

175

Итот-нетой мировоы войны

который пошел дальше в вопросе планирования посылки экспедиционных сил во Францию. В июле 1911 г. он определил зону концентрации британских сил, слева от французской армии, и заключил предварительные соглашения об обслуживании их в порту и о линиях снабжения. И все же в последние дни кризиса именно гражданские деятели сказали последнее слово: хотя кабинет решил участвовать в войне, решение о посылке британского экспедиционного корпуса до сих пор не было принято. Генерал Вильсон кипел от ярости. Он записал в своем дневнике: "Промедление и колебание Грея отдать приказы — грешно"⁴⁴. Только 4 августа был отдан приказ о мобилизации и о посылке экспедиционного корпуса в Европу через два дня после декларации о войне. И даже тогда продолжались дебаты о том, что планы, подготовленные Вильсоном и Фошем, должны быть пересмотрены. В конце концов 12 августа первоначальные планы были приняты к действию, но существование их не обязывало правительство соотносить с ними свою политику и время исполнения решений.

Действия британского правительства скорее задерживали исполнение планов армии по объединению с французами, чем ускоряли его. В отношении флота все было по-другому. Было решено (с целью экономии денег) летом 1914 г. отменить полномасштабные маневры флота, а вместо их провести мобилизацию. В результате к 17 июля весь

176

флот.: был мобилизован и собран на большой смотр в Спитид, и только 23 июля начал рассеиваться. Когда стало известно об ультиматуме Австрии 26 июля, Первый морской лорд, адмирал Луис Беттенберг — сразу отдал приказ остановить рассредоточение. Это было поддержано на следующий день его начальником Уинстоном Черчиллем, Первым лордом адмиралтейства, хотя только 29 июля кабинет распорядился начать подготовку на флоте. Таким образом, флот мог завершить подготовку и сбор на военной базе в Скапа Флоу на Оркни ко времени, когда война была фактически объявлена. Некоторые историки считают⁴⁵, что Британия фактически начала процесс мобилизации, и это привело к эскалации кризиса и в конечном счете к войне. Но, пожалуй, это было подарком судьбы для Британии, но Беттенберг действовал не так, как другие ответственные лица действовали бы в подобной ситуации. Позже Черчилль сказал, что он надеялся, что такой шаг мог напомнить Германии и Австро-Венгрии, что нужно действовать благоразумнее, и Грей вспомнил это в разговоре с послом Австрии, как подтверждение серьезности, с которой правительство рассматривало ситуацию. И решение было принято руководством флота без обсуждения с правительством. Необходимо обратить внимание и на приказ кайзера от 25 июля о возврате Германского флота из летнего похода в Норвегию — шаг, о котором сожалело министерство иностранных

177

Истоки первой мировой войны

дел Германии из-за того, что он мог насторожить Британию. Хотя этот шаг подтолкнул британский флот к состоянию высокой боевой готовности, это не имело никакого значения для их действий в начале войны, и, конечно, не повлияло на политические решения Британии в последние дни кризиса.

Великие державы все были заняты наращиванием и совершенствованием вооружений и флота, и конкретно в случае с Англией и Германией действие одной стороны провоцировало ответ другой стороны. Оружие порождает оружие, начав вооружаться, нелегко остановиться, а это влечет за собой глубокие социальные и экономические последствия. Германия ввела налог на доходы в 1913 г. для покрытия расходов на флот и увеличение армии. Во Франции введение налога на доходы было основной причиной политических разногласий перед войной. В Британии либеральное

правительство рисковало вызвать крупный политический и конституционный кризис, увеличивая в 1909 г. поступления в бюджет путем повышения платы за похоронные услуги и платы за землю, стараясь финансировать сразу расходы на флот и программу повышения благосостояния, что привело к острому противодействию консервативной оппозиции.

Влияние стратегического планирования зависело от роли армии в обществе и от положения, занимаемого генеральным штабом в процессе

178

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

принятия решений. В разных государствах степень этого влияния была неодинаковой. Все генеральные штабы, военные министерства и адмиралтейства существовали для того, чтобы планировать действия в международных кризисах, но не всегда последнее слово было за ними и не во всех случаях их планы содержали безотлагательные наступательные действия. В Австро-Венгрии и Конрад и большинство его гражданских коллег были уверены в важности наступления на Сербию, а в Германии планы Шлиффена, а затем Мольтке предполагали немедленное вторжение в Бельгию.

Все правительства предвидели возможность войны, поэтому они держали генеральные штабы и тратили громадные деньги на вооружение. Австрийцы были уверены к 1914 г., что они должны захватить Сербию, чего бы это ни стоило. Германцы понимали, что время не на их стороне, и война, о которой их лидеры говорили, неизбежна, поэтому начинать ее лучше раньше, чем позже.

Конрад говорил о необходимости превентивной войны несколько лет назад (и за это был временно выведен из кабинета в 1911-1912 гг.), и кампания против Сербии готовилась с 1908 г., несмотря на опасность соединения ее с кампанией против России. Успехи сербов в Балканских войнах придали Конраду уверенность в необходимости действовать. Он был готов использовать лю-

179

Исходкипервой мировой войны

бой шанс для нападения на Сербию, и убийство Франца Фердинанда предоставило его. Некоторые историки считают, что Германия решила начать войну еще в декабре 1912 г.⁴⁶ Об этом действительно говорилось на встрече между кайзером, военным и морским руководством, на которой не было ни имперского канцлера, ни военного министра. Мольтке стремился начать войну как можно быстрее, хотя Тирпиц требовал по крайней мере года полтора. Сведения об этой встрече убедительно доказывают, что германские руководители ожидали войну в ближайшее время и были совершенно готовы рисковать при удобном случае.

Отношение других заинтересованных держав было более сложным. Они готовились к войне, и во многих случаях ожидали ее. Британцы надеялись, что она не наступит, и по возможности пытались предотвратить ее. Французы, и в особенности Пуанкаре, верили, что война на стороне России позволит вернуть потерянные провинции, но они не были готовы начать ее. Армия планировала свою стратегию, основываясь на решительном наступлении. Но они не собирались приводить в исполнение свои планы, пока Германия первая не начнет. Стратегическая инициатива оставалась за Германией.

Положение России было более сложным. Восстановление после поражения от Японии шло удивительно быстро. Британия и Германия пола-

180

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

гали, что Россия будет способна вести большую войну к 1916-1917 гг. Некоторые российские лидеры говорили, будто они были готовы вступить в войну из-за германской военной миссии, посланной в Константинополь, еще в 1913 г. К 1914 г. российские министры были уверены, что Россия, обладая большой армией и флотом, сможет успешно противостоять Германии и Австро-Венгрии. Германцы, со своей стороны, понимали, что

им лучше начать войну с Россией как можно раньше, пока Россия не станет ещё сильнее. В любом случае русские были склонны начать войну в 1914 г. Они верили, что должны ответить на призыв сербов о помощи. Они считали, что могли рисковать, вступая в войну, хотя все еще надеялись, что твердая дипломатическая позиция и в конце концов мобилизация предотвратят нападение Австро-Венгрии на Сербию.

Степень риска, на который каждое правительство было готово пойти, начиная европейскую войну, была разной. Но германские и австрийские планы содержали главную опасность всеобщей войны. То, что более важно, чем ответственность за развязывание войны, — это состояние умов, присущее руководителям всех, воюющих стран, сознание неотвратимости войны и ее абсолютной необходимости в сложившихся обстоятельствах. Не многие люди в правительствах ожидали длинную и разрушительную мировую войну. Ни одно из участвовавших правительств, не составило не-

Щ

Истоки первой мировой войны

обходимых экономических планов войны. В течение нескольких недель после начала войны военные запасы были израсходованы. В Германии банкир и промышленник Вальтер Ротенау предупреждал правительство в сентябре 1914 г., что война будет длительной, и предлагал Бетману Гольвегу назначить его контролировать складирование стратегических сырьевых материалов. Лорд Китченер, самый знаменитый солдат Англии, назначенный 4 августа 1914 г. военным министром, пугал своих коллег, говоря, что Британия должна быть готова послать миллионную армию на поле боя и содержать ее в течение нескольких лет. Позже Грей комментировал это заявление: "Никогда не обсуждалось, как и по каким Причинам он сделал свой прогноз о длительной войне"⁴⁷. Правительству понадобилось немало времени, чтобы отреагировать на заявление Китченера: вопрос о наборе в армию не был внесен на рассмотрение парламента до 1916 г. Все правительства были подвержены так называемой "иллюзии короткой войны"⁴⁸. Последствия этих просчетов привели к первой мировой войне, более значительному периоду в европейской истории, чем думали все принимавшие в ней участие — одни легкомысленно, как германский кронпринц, который призывал народ Германии идти на веселую войну, другие — с сожалением, как Эдвард Грей, который всю Европу видел погружавшейся во тьму.

182

Милитаризм, вооруженные силы и стратегия

Примечания

¹ H.H. Herwing and B.F. Trask, 'Naval operations plans between Germany and the USA 1898-1913' in P.M. Kennedy (ed.) *The War-Plans of the Great Powers 1880-1914* (London 1979). See also Ivo Nikolai Lambi, *The Navy and German Power Politics 1862-1914* (Boston 1984), pp. 129-131.

² See R. Pogge von Strandmann, 'Staatsstreichpläne, Alldoitsche und Bethmann-Hoillweg' in H. Pogge von Strandmann and Imanuel Geiss (eds) *Die Erforderlichkeit des Unmöglichen: Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges* (Frankfurt-am-Main 1965). For anti-socialist measures in the army see Martin Kitchen, *The German Officer Corps 1890-1914* (Oxford 1968). Ch. VII.

³ See Jean-Jacques Becker, *Le Cornet B: Les portvoirs publics et l'antimilitarisme avant la guerre de 1914* (Paris 1943).

⁴ Quoted in Michael Balfour, *The Kaiser and his Times* (London 1964), p. 158.

⁵ *The Times*, 18 Oct. 1906.

⁶ Quentin Bell, *Virginia Woolf*, Vol. I (London 1972), p. 158.

⁷ For a detailed account of the Zabern affair and its implications, see David Schoenbaum, *Zabern 1913: Consensus Politics in Imperial Germany* (London 1982).

⁸ A. von Tirpitz, *Politische Dokumente*, Vol. I *Der Aufbau der Deutschen Weltmacht* (Stuttgart and Berlin 1924), p. 160. See also Gerhard Ritter, *Staatskunst und Kriegshandwerk*, Vol. II (Munich 1965), p. 197.

⁹ Quoted in Franklyn Arthur Johnson, *Defence by Committee* (London 1960), p. 68.

¹⁰ Henry Wilson's diary, 31 Dec. 1901; quoted in C.E. Callwell, *Field-Marshal Sir Henry Wilson*, Vol. I (London 1927), p. 47.

¹¹ G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origins of the War 1898-1914*, Vol.

VI (London 1930) Appendix III, p. 779. (Hereinafter referred to as BD.)

¹²Hansard, 5th series, Vol. I, cols 1749-1791. See E.L. Woodward, *Great Britain and German Navy* (Oxford 1935), p. 408.

183

-Источники первой мировой войны

¹³ Tirpitz, op. cit, Vol. I, p. 282. See also Arthur J.Marder, *From the Dreadnought to Scapa Flow*, Vol. I; *The Road to War 1904 -14* (London 1961), p. 156.

¹⁴ Quoted in Marder, op. cit. Vol. I, p. 156. ¹⁵Marder, op. cit, Vol. I, p. 158.

¹⁶ BD X(2) No. 500, p. 736. See also Marder, op. cit, Vol. I, p.315.

¹⁷SDX(2)No.501,p.737.

¹⁸ E. Bernstein, 'Die Internationale Bedeutung des Wahlkampfes in Deutschland', quoted in R.A.Fletcher, *Revisionism and Empire* (London 1984), p. 151.

¹⁹ Quoted in Jean-Jacques Becker, 1914: *Comments les Francois sont entres dans la guerre* (Paris 1977), p. 43, n. 174. For accounts of civil-military relations in France see David Ralston, *The Army of the Republic* (Cambridge,-Mass. 1967) and especially Douglas Porch, *The March to the Marne: The French Army 1871-1914* (Cambridge 1981).

²⁰ See especially Norman Stone, *The Eastern Front 1914-1917* (London 1975). Ch. I.

²¹ Viscount Grey of Fallodon, *Twenty-five Years 1892-1916*, Vol. I (London 1925), pp. 284-285. See also Marder, op. cit, Vol. I, pp: 309-311.

²² Stone, *Eastern Front*, p. 71.

²³ See John Whittam, *The Politics of the Italian Army 1961-1918* (London 1977), pp. 151 ff.

²⁴ Vladimir Dedijer, *The Road to Sarajevo* (London 1967), p. 378.

²⁵ Dedijer, op. ch., p. 415.

²⁶ Quoted in Norman Stone, 'Die Mobilmachung der fisterreichischungarischen Armeee 1914', *MHita'rgeschichtliche Mjt-teilungen*, 2, 1974.

²⁷ Stone, *Eastern Front*, Ch. 4. See also Stone, 'Moltke and Conrad: relations between the Austro-Hungarian and German General Staffs 1909-1914', *The Historical Journal*, ix. No. 2., 'reprinted in Kennedy, op. cit, pp. 222-251. For the details see especially Stone, 'Mobilmachung'.

²⁸ Stone, 'MobHmachungN P'79.

²⁹ L.C.F. Turner, 'The Russian mobilization of 1914' in Kennedy, op. cit, p. 194.

Мияитарюм, вооруженные с&яы, it стрвт&гия

nedy, op. city p. 255.

³⁰ Turner, 'Russian mobilization'. See also L.C.F. Turner, *Origins of the First World War* (London 1975).

³¹ Friedrich Graf Pourtales, *Meine letzte Unterhandlungen in Sankt Petersburg* (Berlin 1927), p. 27, quoted in L.Albertini, *The Origins of the War of 1914* (London 1953). Vol. II, p. 4811

³² Quoted in Turner, 'Russian mobilization' in Kennedy, op. cit., p. 266.

³³ *Documents diplomatiques fran?ais, 3 serie*, Vol. VIII (Paris 1935). No. 79. See also Turner, 'Russian mobilization', p. 257.

³⁴ Quoted in Sir Basil Liddell Hart, 'French military ideas before the First World War' in Martin Gilbert (ed.) *A Century of Conflict 1850-1950: Essays for A. J.P. Taylor* (London 1966), p. 138.

³⁵ Liddell Hart, op. cit., p. 140.

³⁶ Quoted in S.R. Williamson, 'Joffre, reshapes French strategy 1911-1913' in Kennedy, op. cit., p. 147.

"j.J.C. Joffre, *The Memoirs of Marshall Joffre*, 2 vols (London 1932). Vol. I, p.125. See also Albertini op. cit, Vol HI, p. 105.

³⁸ Raymond Poincare, *Au Service de la France: neufannees de souvenirs*, 10 vols (Paris 1926-1933), Vol. IV, p.484.

³⁹ The various versions of the Schlieffen plan were first published in foil in 1956 and are printed in Gerhard Ritter, *The Schlieffen Plan* (Eng. tr. London 1958).

^wMtter, *Schlieffen Plan*, p. 136.

⁴¹ Grey of Fallodon, op. cit., Vol. I, p. 94. See also Samuel R. Williamson Jr, *The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War 1904-1914* (Cambridge, Mass. 1969), p. 139.

⁴² Hansard, 5th series, Vol. XXXII, col. 107.

⁴³ M.V. Brett (ed.) *The Journals and Letters of Viscount Esher*, 2 vols (London 1934), Vol. II, pp. 61-62. Williamson, *Grand Strategy*, p. 197.

⁴⁴Callwell, pp. cit, Vol. 1, pp. 154, 156.

• ⁴¹ Most recently by Erwin Holzle, *Die Selbstentwuchtung Eit-rapay* (Gottingen 1975).

⁴⁵See John R6hl, 'Admiral von Miiller and the approach of war 1911-1914', *HiuoricaJ Journal*, xii (1964); 1914: *Delusion or Design* (London 1973); 'An der Schwelle zum Weltkrieg: eine Dokumentation uber der "Kriegsrai"-vom 8 Dezember 1912', 185

Истоки первой мировой войны

Militargeschichtliche Mitteilungen, I 1977; ^Die Generalprobe. Zur Geschichte und Bedeutung des "Kriegsrates" vom 8 Dezember 1912' in Dirk Stegmarm, Bemd-Jurgen Wendt and Pefer-Ghristian Witt (eds) *Industrielle Gesettschaft und politisches System* (Bonn 1978). See also Fritz Fischer, *Krieg der Illusionen* (Dosseldorf 1969), pp. 232 ff, but cf. Bernd F. Schulte, *Zu der Krisenkonferenz vom 8 Dezember 1912 in Berlin', *Historisches Jahrbuch*, 102 Jahrgang Er-sterHalbband(1982) 183-197.

⁴⁷ Grey of Faflodon, op. cit., Vol. II, p. 69. See also Barbara W.Tuchman, *TheGuns of A ugust* (New York 1962), pp. 195-197.

⁴⁸ Lancelot L. Farrar Jr, *The Short War Illusion* (Santa Barbara 1973).

Глава пятая

Приоритет внутренней политики

В предыдущих главах мы рассматривали решения, которые привели к войне, в свете дипломатических и стратегических факторов, повлиявших на эти решения.

Существует убеждение, что каждое правительство руководствовалось целями внешней политики — политики удерживания равновесия в международной системе, захвата территории или распространения влияния, защиты отечества от нападения или от окружения кольцом враждебных ему государств. Но существует другое измерение для оценки всех решений внешней политики, — это внутренняя политика и внутреннее социальное и экономическое давление.

189

Истоки первой мировой войны

В 1914 г. все великие европейские державы переживали политический и социальный кризис, но в некоторых случаях проблемы, с которыми они сталкивались, разрешались, или по крайней мере откладывались, из-за начала войны. Из этого совсем не следует, что ради решения этих проблем была развязана война. Многие осознавали, что объявление войны создавало больше социальных проблем, чем можно было решить. Перед войной и во время ее начала правительства Европы должны были обращать внимание на общественное мнение при объяснении внешней политики, но это не значит, что они использовали внешнюю политику для манипуляции общественным мнением или для достижения внутривнутриполитических целей. В некоторых случаях, в частности в Германии, как мы увидим, внешнюю политику иногда использовали как средство для подъема национальных чувств, для того чтобы отвлечь внимание от размежеваний и напряжений в германском обществе. Тем не менее существовала очень сложная связь между внутренней политикой и внешней; и иногда трудно понять, могла ли политика, ведущая страну к войне, способствовать национальной солидарности или провоцировать революцию. Внешняя политика по крайней мере одной страны, Австро-Венгрии, была полностью результатом внутренних проблем. Само существование Австро-Венгрии полностью зависело от международных отношений. Со времен Меттерниха главным для австрийского правительства и Габсбургского двора было

190

Приоритет внутренней политики

убеждать другие страны в том, что сохранение империи являлось международной необходимостью и ее исчезновение будет губельно для стабильности международной системы. К 1914 г. международный консенсус начал разрушаться. Некоторые национальные провинции (субъекты) Австро-Венгрии стали искать поддержки извне и вступать в контакт с иностранными правительствами.

В самом начале двадцатого века рост влияния независимых национальных государств, соседних с Австро-Венгрией, дал новый толчок национальным движениям внутри монархии. Южные славяне - сербы, хорваты, словенцы — обращались к Сербии за поддержкой, забыв свои религиозные и культурные различия из-за обид, наносимых Габсбургским государством. Суть этих настроений выявилась в 1916 г. на судебном

разбирательстве о дезертирстве хорватского сержанта: "Хорваты всегда были лояльны к императору, но он их не любил и предал их мадьярам, так что они были вынуждены повернуться к сербам, которые по крайней мере разговаривают на их языке", Румынское и итальянское правительства были вынуждены решать, что для них важнее, спасти своих соотечественников в Трансильвании и Южном Тироле или выполнять союзнические обязательства по отношению к Германии и Австро-Венгрии. Среди национальных проблем, с которыми пришлось столкнуться Габсбургскому государству, был вопрос южных славян, который получил наиболее серьезный международный отклик. Отношения

Истоки первой мировой войны

между чехами и немцами в Богемии и Моравии были более трудными, но еще не получили международного значения, и переговоры о некотором компромиссе на местном уровне безуспешно тянулись весь 1914 г. Хотя некоторые словацкие и чешские национальные лидеры обращались к России и даже имели тайные связи с российским правительством, большинство не искало поддержки извне, и Россия еще не была готова оказать им открытую поддержку.

Вопрос о положении южных славян был трудным. Хотя существовали планы, в которых участвовал и сам Франц Фердинанд, официального предоставления некоторой формы автономии хорватам, любое изменение такого рода встречалось в штыки мадьярами, так что к 1914 г. было сделано очень мало для того, чтобы смягчить недовольство хорватов, и соответственно они усилили свои контакты с другими южными славянами. В 1905 г. несколько хорватских и сербских политиков в монархии составили общую программу, но это мало что давало. Аннексия Боснии в 1908 г. усилила недовольство сербов внутри и за пределами Австро-Венгрии, так что с ростом национального самосознания внутри Сербии и движения за объединение южных славян Сербия стала казаться австрийскому правительству угрозой существованию Габсбургского государства. А так как конфликт между Австрией и Сербией мог вовлечь Россию, озабоченную своей традиционной ролью защитника балканских славян, то провал Австро-Венгрии в решении ее внутренних национальных

192

Приоритет внутренней политики

проблем начинал беспокоить и другие государства. Австро-венгерское правительство полагало, что осуществление некоторого контроля над Сербией было необходимо для государства. После использования экономического давления в 1906-1910 гг. оно применило более прямые меры, и решение начать войну в 1914 г. было результатом ошибочного представления, что твердые меры против Сербии могли решить проблему славянских народов империи и что внутренние проблемы империи могли быть сняты только активной и агрессивной внешней политикой. При всех сложностях в австро-венгерском государстве, отношение между его внутренними проблемами и внешней политикой сравнительно ясно, хотя можно удивляться тому, как ложные концепции и иллюзии привели Конрада, Бертольда и их коллег к мысли о том, что нападение на Сербию ликвидирует трудности Габсбургской монархии. В Британии и Франции положение было более сложным.

Либеральное правительство было у власти в Англии, и многие сторонники его придерживались традиции Ричарда Кобдена, Джона Брайта и до некоторой степени самого Гладстона, полагая, что равновесие сил — опасная концепция, что расходы на вооружение расточительны и вредны, и что политика Британии должна работать на свободную торговлю и не зависеть от затруднений, испытываемых другими государствами. Несмотря на то, что начали появляться другие взгляды — эта либеральная точка зрения преобладала до 1914 г. В правительстве проходили

7.3ек. 800

193

Истоки первой мировой войны

острейшие дебаты о том, что важнее — расходы на социальное благосостояние или на строительство флота. В кризисные дни июля 1914 г. до последней минуты не было ясно, согласится ли правительство с решением вступить в войну на стороне Франции и России. Британское правительство в предыдущие годы столкнулось с тяжелым внутривластным кризисом. Палата лордов отказалась принять бюджет. Участились дебаты на промышленных предприятиях, возросла воинственность профсоюзов. Радикальное крыло движения женщин за избирательные права прибавило проблем управлению юстиции. Рассмотрение закона об официальном предоставлении автономии Ирландии привело в тупик решение проблемы о будущем Ольстера. К 1914 г. конституционный кризис в палате лордов был преодолен, но другие проблемы остались нерешенными. С началом войны некоторые из них были отложены на время, а когда окончилась война, их суть изменилась.

Очень трудно в годы перед войной найти какие-либо связи между внутренними проблемами Британии и внешнеполитическими решениями. Разделение в правительстве по вопросам внешней политики не всегда переходило в расхождение по другим вопросам. Эдвард Грей, к примеру, относился к радикалам в правительстве, так как был сторонником линии на выполнение обязательств перед Францией и противостояние с Германией, но поддерживал движение женщин-суфражисток. Отечественные издания вы-

194

Приоритет внутренней политики

нуждены были переключить внимание с международных отношений, так что ведение внешней политики осуществлялось министерством иностранных дел и профессиональными дипломатами, и большая часть критики в адрес их политики исходила от небольшой группы радикалов, которых А. Дж. П. Тэйлор

называл "нарушителями спокойствия". Внутри правительства оппозиция настаивала на продолжении наращивания флота, главной проблемой правительства было сокращение вооружений и налаживание отношений с Германией.

Во время марокканского кризиса 1911 г. либеральная партия испытывала озабоченность тем, что ее руководство принимало обязательства, о которых общественность ничего не знала. В либеральной партии были недовольны политикой Грея. Лорд Сандерсон, подсекретарь министерства иностранных дел в отставке, заметил в январе 1912 г.:

"Большой частью это явилось результатом восторженной филантропии, которая назойливо вмешивается в чужие дела. Но частично все-таки происходит от недостатка информации".

Ллойд Джордж позднее сокрушался о том, что Грей не информировал кабинет о ситуации в Европе, но известно, что временами Ллойд Джордж не обращал внимания на иностранные дела, когда шло их обсуждение, по крайней мере до кризиса в Агадире. И Грей иногда предпочитал обсуждать политические вопросы в узком кругу. В результате однажды в ноябре 1911 г. он оказался в ситуации, когда ему пришлось уверять парламент в том, что он не пытал-

7*

195

Истоки первой мировой войны

ся ввергнуть Англию в войну без ведома своих коллег и своей партии: "Ни одно правительство Британии не могло бы вступить в войну, не имея поддержки общественности, а такие обязательства, как эти, которые приводят парламент к решению подобного вопроса, содержатся в договорах и соглашениях, заключенных раньше. Сами же мы не приняли ни единого секретного параграфа со дня прихода в кабинет"⁴.

Перед началом войны самая тяжелая внутренняя проблема, с которой столкнулось британское правитель-ство, был Ольстер, и эта проблема имела прямое отношение к британской оборонительной политике. Сопrotивление политике правительства о предоставлении автономии Ирландии росло при активной поддержке консервативной оппозиции в парламенте, так как наверняка вело к гражданской войне между

протестантскими ольстерскими юнионистами, которые были против правительства романо-католического большинства в Дублине, и сторонниками автономии. Генерал Генри Вильсон заметил 31 декабря 1913 г.: "Ольстер быстро становится единственным руководящим и немедленным фактором национальной жизни" ⁵. "Мы находимся на неизмеримом, невообразимом расстоянии от настоящего конца света, который остановит противостояние между Ольстером и националистами,— писал Аск-вит 24 июля. — К счастью, кажется, мы только на-блюда?ели. Хотя от такого зрелища кровь стынет в жилах, не так ли?" ⁶. А два года спустя он писал: "За

196

Приоритет внутренней политики

последние сорок лет сейчас самая опасная обстановка. Она может случайно отбросить на второй план зловещую гражданскую войну в Ольстере" ⁷. Это совсем не говорит о том, что действия правительства в июле 1914 г. были направлены на то, чтобы использовать международный кризис и отвлечь внимание от конфликта в Ирландии.

Кризис в Ольстере напоминал правительству Британии, насколько уязвимо станет положение Ирландии в случае войны и какое напряжение среди субъектов Соединенного Королевства вызовет проблема автономии Ирландии. Офицеры гарнизона в Гуреге, военной базе под Дублином, в начале 1914г. ясно выразили свою позицию, угрожая, что они скорее откажутся от своих обязанностей, чем позволят силой решить проблему протестантского большинства в Северной Ирландии. Правительство понимало, поскольку дело касалось Южной Ирландии, что присвоения пятилетней давности больше не признаются. К середине 1914г. ситуация стала еще острее. В 1909г. главное командование в Ирландии сообщало: "Теперь настало время, когда ирландским солдатам можно доверить оборону Ирландии" ⁸. Но в 1914г. 24000 ирландских резерви-стов были направлены на службу за границу, а в это время подразделения из Англии прибывали в Ирландию. В результате существенную часть экспедиционных войск составляли ирландцы, и их поведение опровергало все страхи, которые могли возникнуть по этому поводу ⁹.

197

Истоки первой мировой войны

Тем не менее в июле 1914 г, существовала угроза революции в Ирландии. 26 июля, когда вся тяжесть международного положения стала ясна, 25 000 германских стрелков высадились у Дублина. Оружие было куплено в Гамбурге у ирландского националиста Эрскина Чайлдерса. Со стороны Ольстера также занимались покупкой оружия в Гамбурге не ранее как в январе 1914 г., а в апреле был доставлен груз из 30 000 винтовок. Политики юнионизма, включая членов парламента, опускались до употребления таких выражений: "Если из союза уберут ольстерцев... я определенно проголосую за императора. Германии или за кого-либо еще, при ком будет справедливое и устойчивое правительство.

...Германия и германский император лучше для нас, чем власть Джона Рэдмон-да, Патрика Форда и Молли Мак Вайерза... Если не проходит протестант Георг, то пусть пройдет протестант Вильгельм" ¹⁰. Немецкое правительство, с интересом следя за событиями в Ирландии, отказалось от предложений, полученных из других частей света, а именно от американских ирландцев, которые призывали немцев вторгнуться в Ирландию, чтобы поддержать зарождающуюся гражданскую войну. А покупка оружия в Германии обеими сторонами конфликта, кажется, была совершенно частным предприятием .

Наисильнейшее давление на либеральное правительство оказывали те, кто требовал мира, а не войны. Грей никогда не имел ни малейшего сомнения, что если дело дойдет до конфликта между Францией и Германией, Британия должна будет под-

198

Приоритет внутренней политики

держивать Францию. Его доводы были основаны не на внутривнутриполитическом давлении, а на общепринятом мнении о внешней политике Британии и о ее положении мировой

державы. Таким образом, политика британского правительства была такова, что вынуждала министров прибегать к хитрости и неискренности. Либеральный государственный деятель при либеральной демократии (а перед нами недавние примеры Франклина Рузвельта в 1939-1941 гг. и Линдо-на Джонсона во времена Вьетнамской войны), который был сам уверен в том, что обстоятельства заставили начать войну, часто должен был скрывать от своих избирателей то, что он делал. Те, кто голосовал за либеральное правительство, не знали, какие обязательства во внешней политике были возложены на него и какая мера ответственности лежала на Грее, который должен был постоянно противостоять нажиму со стороны левого крыла своей партии. Тем не менее большинство членов британского правительства настаивало на том, что обязательства перед Францией не подразумевают вступление Британии в войну на ее стороне. Многие члены правительства были уверены в том, что те, кто поддерживает вступление Британии в войну, изменит свое мнение, узнав всю правду. В 1914 г. нарушение Германией бельгийского нейтралитета дало основание британскому правительству призвать своих либеральных единомышленников поддержать участие в войне. Тактика британского правительства вынуждала Грея говорить о несогласии Британии поддержать Францию и Россию,

199

Истоки первой мировой войны

пока он не стал абсолютно уверен* что вся партия поддерживает его в этом вопросе. По этой же причине его отношение к государственным переговорам и военно-морским соглашениям с Францией и военно-морские переговоры с Россией носили весьма двусмысленный характер. Он обязан был считаться с политическими отношениями и традициями в своей партии, а тактика правительства во время кризиса частично определялась необходимостью примирять то, что Грей, Асквит, Голдейн и некоторые другие полагали неизбежным во внешней политике с тем, что создавало ей-препятствия. Решение правительства вступить в войну обосновывалось на понимании международного положения Британии и вере, что участие очень важно для поддержания этого положения. Решение должно было быть представлено членам либеральной партии как внутри правительства, так и вне его в таком виде, чтобы переломить их инстинктивное неприятие политики вступления в войну на континенте. Во время июльского кризиса 1914 г. приверженцы изоляционизма делали все, чтобы воспрепятствовать вступлению в войну. Во Франции отношения между политикой внутренней и внешней были также довольно сложными. Время между 1911 г. и началом войны было периодом значительных политических трений не только из-за конфликтов в промышленности, которые в 1910 г. достигли апогея и вылились в стачку железнодорожников, но и потому, что французские поли-

200

тики должны были решить три главных вопроса. Это избирательная реформа и введение налога на доходы и трехгодичной военной службы. Из-за этого в период между 1912г. и началом войны во Франции сменилось семь правительств и шесть премьер-министров. И только на выборах в мае и июне 1914г. появились признаки, что произошел определенный сдвиг влево — победила социалистическая партия.

Со времени кризиса в Агадире в 1911 г. наблюдалось оживление патриотических настроений, направленных против Германии, всплыла в памяти потеря Эльзаса и Лотарингии. Многих французов заботило поведение соседей за Рейном, и они стали более чувствительны, чем несколько лет назад, к потере своих провинций. Германское представительство в Париже постоянно сталкивалось с тем, что, когда в Парижском театре шли представления на патриотическую тему, высказывания против германцев встречались бурными аплодисментами¹². \ Возбуждение французской общественности по поводу вынужденной высадки германских стрелков близ Луйзвилля в апреле 1913г. вылилось в нападения на германских бизнесменов в Нанси. В то же время шумная оппози-

Идея введению закона о трехгодичной службе и многократные утверждения левых о том, что они будут бороться против угрозы милитаризма, создавали другое общественное течение во Франции: Любое правительство Франции, «если» оно хотело удержаться, должно было основывать свою внешнюю

211

Истоки первой мировой войны

Приоритет внутренней политики

политику на равновесии этих двух противоположных течений.

Возрождение национального патриотизма нашло отражение в избрании Раймонда Пуанкаре президентом республики в январе 1913 г. Хотя Пуанкаре переместился с должности премьер-министра, которую он занимал в последний год, в результате обычных политических интриг и парламентских маневров, для французского общества его избрание означало жесткую линию по отношению к Германии и утверждение положения Франции в Европе. Пуанкаре был выходцем из Лотарингии. Этот факт многое объяснял в его внешней политике до, во время и после войны. Он всегда испытывал презрение к министерству иностранных дел и к некоторым послам и намеревался воздействовать на внешнюю политику лично, реорганизовать министерство иностранных дел. Как премьер-министр, он намеревался усилить армию и укрепить франко-русский союз. Поддерживая немедленные военные действия России в случае войны с Германией, в то же время он хотел избежать участия Франции в войне на Балканах. В случае войны для французского общества главным был вопрос, представляет ли она угрозу для Франции. По этой причине французское правительство становилось для русских ненадежным союзником в кризисе на Балканах, или во время прибытия германской военной миссии в Константинополь. Точно так же и русские казались французам ненадежными союзниками во время кризиса в Агадире. Пуанкаре был уверен, что

202

Россия является главным союзником для Франции, и если Германия начнет войну, то Франция при поддержке России вернет потерянные провинции. Ему было необходимо поэтому вновь убедить русских в том, что хотя Франция и не испытывала восторга от претензий России на Балканах, она тем не менее серьезно относилась к своим обязательствам союзника. По этой причине был предоставлен новый заем России в 1913 г. для строительства стратегической железной дороги. Этим можно объяснить готовность французского правительства увеличить срок службы в армии. И это, возможно, объясняет желание Пуанкаре после годовичного пребывания в должности премьер-министра, стать президентом республики, отказавшись от реальной политической власти ради чисто формальных обязанностей. Он был убежден, что сможет добиться национального единства и был готов использовать свои президентские права для того, чтобы достичь этой цели. Внутренняя политика должна была быть подчинена внешней политике. В марте 1913 г. правительство объявило, что оно представит на рассмотрение палаты закон об увеличении военной службы до 3 лет. Много было сделано для широкого распространения страха в обществе перед массовым вторжением, а военное руководство было обеспокоено еще больше. Оно боялось, что германцы большим количеством войск, быстро проведя мобилизацию, смогут внезапно атаковать французскую армию до того, как та будет организована и

203

Истоки первой мировой войны

готова к всеобщей обороне, предусмотренной Планом XVII. Так что для Франции было важно иметь более подготовленных солдат, служивших накануне войны. Принятие закона придавало уверенности русским в лояльности французов, их намерениях и боевой ГОТОВНОСТИ.

Острейшие дебаты отражали разделение общественного мнения Франции так же, как и во время дела Дрейфуса. В июле 1914 г, германский посол в Париже

сообщал:

*"Борьба за и против трёхгодичной службы фактически стала равнозначной обеспечению сильной государственной системы, необходимой как внутри государства, так и вне его, или как в социалистическом государстве будущего с изжитой концепцией патриотизма, также как во времена, когда решение за или против Дрейфуса стало равноценно объявлению союза с реакцией или с республиканским прогрессом, Франция тогда стояла у важной решительной черты своего внутреннего развития, которое отражалось на ее внешней политике"*¹³.

Хотя левые ополчились против закона о трехгодичной службе, ситуация была более сложной, чем казалось сначала. Некоторые были готовы поддержать закон как кратковременную меру. Само военное руководство было бы удовлетворено менее резким увеличением числа служащих в армии, беспокоясь, что не хватит барачных помещений для размещения призывников. Многие социалисты, включая их лидера Жореса, выступили за национальную оборону, но хотели час-

Приоритет внутренней политики

точной реорганизации системы в целом. Сторонники увеличения численности армии также делились на тех, кто считал, что достаточно более короткого срока службы при более тщательном отборе призывников, и тех, которые были вообще против любых мер классового различия при призыве. Более того, проблема стоимости продленной службы была тесно связана с необходимостью увеличения государственного годового дохода при помощи налога на доход. Таким образом, многих граждан, особенно из числа различных радикальных групп, устраивал результат, но они были не согласны со средствами достижения его¹⁴.

Выбирая премьер-министра в июне 1914 г., Пуанкаре хотел найти такого, который, несмотря на перевес социалистов в новом парламенте, всем сердцем отстаивал бы закон о трехгодичном сроке службы. Тем не менее первый кандидат, выдвинутый Пуанкаре на пост премьер-министра, был отклонен парламентом сразу после трех дней службы.

Президент был вынужден утвердить Рене Вивиани, бывшего социалиста, чья приверженность закону о трехгодичном сроке службы была несколько сомнительна, и чье унылое настроение, непостоянство и неопытность в иностранных делах Пуанкаре остро критиковал в течение последних недель. Типичным примером является запись в дневнике Пуанкаре от 27 июля 1914 г.: "Я потратил часть дня, объясняя Вивиани, что слабость по отношению к Германии всегда приводит к затруднениям и что единственный путь избежать опасности — проявление твердости и стойкости. Но он нервничает и беспокоится и не перестает

205

Истоки первой мировой войны

говорить дерзкие фразы и слова, которые открывают глубокое безразличие к вопросам внешней политики"¹⁵. До самого начала войны судьба закона о трехгодичном сроке службы была не ясна, поскольку правительство Вивиани объявило, что оно предусматривало возможность сокращения периода службы.

Несмотря на то, что за предыдущие десять лет сверхантивоенные настроения стали уменьшаться, значительное число людей подписало петицию против закона о трехгодичном сроке службы, что дало властям основание для беспокойства. Да еще профсоюзы и социалистическая партия, хотя может быть только теоретически, решительно настроены на всеобщую забастовку против войны. Легко переоценить значение громких фраз как сторонников, так и противников войны во Франции за три года до ее начала. Возможно, проницательный наблюдатель политической жизни во Франции барон фон Шоен, германский посол, был прав, когда писал в 1914 г.: "Воинственное желание реванша... теперь старомодно. Теперь оно существует только до некоторой степени в теории. Рана 1871 г. до сих пор горит в сердцах всей Франции, но никто не намерен ^рисковать своей жизнью или жизнью своих сыновей из-за Эльзаса и Лотарингии, пока

не случатся обстоятельства, которые могли бы открыть исключительно благоприятные и удобные перспективы для рискованного предприятия"¹⁶. Целью политики Пуанкаре было убедить, что если случится война, Франция окажется в ситуации, которая как раз создаст "исключительно благоприятные и удобные перспективы", на которые

206

Приоритет внутренней политики

указывал германский посол. В представлении Пуанкаре и тех министров, которые консультировали его после вступления в должность, такие перспективы могут открыться только в результате укрепления союза с Россией и налаживания связей с Британией. Но особенно он был озабочен созданием настроения национального единства. В любом случае внутренняя и внешняя политика были чрезвычайно переплетены, и для историков очень трудно определить главенство одной над другой. Оппозиция закону о трехгодичной службе и победа левых на выборах в 1914 г. показали, как трудно было любому правительству Франции вести свою политику в условиях всеобщего движения за мир. Пуанкаре писал: "Франция безусловно миролюбива, она не ищет и не хочет войны, но если Германия нападет на Россию, немедленно начнет думать о ней"¹⁷.

Ограничения во внешней политике Пуанкаре и его миролюбивые маневры были уступкой противникам войны, но события июля и августа 1914 г. показали, что его политика была все-таки успешной и расхождения во мнениях французов были не так глубоки, как он боялся. Убийство Жореса 31 июля националистом-фанатиком дало возможность Пуанкаре и Вивиани сделать сентиментальный жест по отношению к социалистам, и когда правительство решило не арестовывать воинственных агитаторов от левых, чьи имена были в списках для задержания во время объявленной мобилизации, уже было ясно, что усиление антимиитаризма было преувеличено и мобилизация пройдет без препятствий со стороны социалистов и синдикалистов. Тем не менее это разделение

207

Истоки первой мировой войны

внутри вынуждало Пуанкаре прибегнуть к пассивному ожиданию, так что инициатива была оставлена России и Германии для создания ситуации, в которой Франция могла решить, что наступил благоприятный момент. Французское правительство не провоцировало и не работало на войну, но политика Пуанкаре была в том, чтобы убедить, когда придет ожидаемая война, что наступили обстоятельства, которые предоставят французам великий шанс к победе.

. Ситуация внутри России и российские отношения в большой степени зависели от разрушительных событий 1904-1905 гг. — поражения от Японии на Дальнем Востоке и революции в стране. Хотя царское самодержавие в основном еще более укрепилось после революции и требования либералов о введении парламентской системы удовлетворены были только частично, Государственная дума представляла собой орган для выражения мнения, к которому царь и его приближенные должны были прислушиваться. Право участия в выборах было ограниченным, а верхняя палата — Государственный совет мог аннулировать многое из того, что принималось думой, но парламент осуществлял некоторый контроль над бюджетом и мог выражать мнения по многим вопросам. Вне парламента общественное мнение было более сильным и имело более широкую опору, чем раньше, хотя до сих пор оставались ограничения на свободу слова, что в Западной Европе казалось невозможным. С другой стороны, царь и консерваторы боялись новой революционной вспышки, и любые требования увеличить власть парламента вызывали глубочайшее по-

208

Приоритет внутренней политики

дозрение. Тем не менее, несмотря на волнения рабочих промышленных предприятий (в 1914 г. во время визита в Санкт-Петербург президента Франции там разразилась

всеобщая стачка), российская экономика к началу войны с 1905 г. значительно окрепла. Казалось, что наступила некоторая стабильность в политической и социальной жизни, особенно в результате земельной реформы, проведенной Столыпиным, председателем совета министров с 1906 по 1911 г., хотя его убийство в 1911 г. напомнило о том, как ненадежна эта стабильность.

Структура правительственной системы России оставалась такой, что было трудно оценить относительную силу различных влияний, формировавших внешнюю политику России. Царь был "самодержцем всея Руси" (хотя либералы возражали против употребления этого титула). Николай II был и упрям и непроницателен, иногда легко отказывался от последнего совета, полученного им, иногда цеплялся за решения, уклоняясь от аргументов и конфронтации. Совет министров не нес коллективной ответственности, и министры лично не были ответственны перед думой, а только перед царем. Столыпин, будучи председателем совета министров, имел возможность проводить свою политику и до некоторой степени старался воздействовать на думу. Его преемник, Коковцов, был компетентный министр финансов, но его все больше критиковали коллеги, и он утратил доверие царя, или, точнее, царицы, потому что осмелился критиковать Распутина, развратного сектанта, оказывавшего влияние на царскую семью. Коковцова заменили на бывшего председателя совета министров

209

Истоки первой мировой войны

И. Л. Горемыкина, которого описывали так: "Он устраивал обоим, и царя и царицу, тем, что исполнял при них роль дворецкого, получая инструкции для остальных слуг"¹⁹. Он называл себя "старой шубой. На много месяцев меня, пересыпанного камфарой, убрали. И достали теперь по чистой случайности, когда отпадет необходимость, меня снова уберут, пока снова не понадобится", Хотя он успешно осуществлял отношения с думой, он не определял главных направлений в российской политике.

Незначительный эпизод в марте 1914 г. хорошо характеризует российское правительство. Немецкая газета напечатала статью о российском перевооружении и обвинила Россию в агрессивных намерениях. Два ответа были напечатаны в российских газетах. Один — военного министра Сухомлинова, другой — министра иностранных дел Сазонова: Первый сказал, что "Россия желает мира, но готовится к войне" и что российская армия сразу даст отпор, если будет необходимо. Второй уверял, что российско-германская дружба будет крепнуть несмотря на войну в прессе. И как прокомментировал британский посол: "Это не удивительно, что военный министр и министр иностранных дел пользуются различными методами, отвечая на атаку германской прессы. Но очень любопытно, что они оба были приняты царем 10-го числа этого месяца, и у них такие противоречивые ответы через два дня в печати". Царь также получал совершенно противоположные советы от членов семьи и домашних (включая Распутина), а также от различных неофициальных лиц. Более того, хотя и неохотно, но он должен был

210

Приоритет внутренней политики

принимать во внимание мнение думы, где звучали критические высказывания о компетентности послов, военного и морского командования даже в присутствии членов императорской семьи. Но существовал и ряд других организаций — Совет представителей торговли и промышленности, финансов и сельского хозяйства, Совет объединенного дворянства и другие, которые тоже надеялись оказать влияние. А в это время энергичная пресса отражала взгляды различных партий, представленных в думе. Четвертая дума была избрана осенью 1912 г. и оказывала поддержку существующей власти. Партия октябристов готовилась принять ограничения к существующей

конституции и работать по ней, а кадеты (конституционные демократы) собирались провести конституционную реформу, которая даст думе реальную власть над советом министров. Но даже самые умеренные предложения по реформе были неприемлемы для различных консервативных групп, составляющих большинство в четвертой думе. Некоторые из них неоднократно предлагали царю ограничивать в дальнейшем права парламента. Это предложение царь хотел принять, особенно после того, как в думе заговорили о влиянии, которое оказывает Распутин на двор. Но в конце концов он внял предостережению большинства министров не действовать против конституции. Таким образом, в 1914 г. Россия все еще оставалась самодержавной. Царь признавал себя единственным, кто отвечает перед Богом и своим народом².

Каждый российский политик был убежден в существовании тесной связи между стабильностью

211

Истоки первой мировой войны

внутри государства, или внутренней реформой, и внешней политикой, но существовало значительное различие в понимании того, в чем состоит эта связь. Было много и таких в правом крыле, кто относился с подозрением к укреплению отношений с Францией и Британией, потому что они видели в этом опасность проникновения либеральных идей в Россию. Они предпочитали в интересах монархического единства союз с Германией против того, что они называли западноевропейским либерализмом²³. Многие из них также полагали, помня войну с Японией, что война может привести к революции.

Столыпин был убежден, что она "превратится, - как это ни нежелательно, в европейскую войну"²⁴, в то время как Коковцов говорил британскому послу в 1914г., что "сообщения о положении внутри страны очень тревожные, но опасаться нечего, так как мир может быть обеспечен"²⁵. С другой стороны, многие консерваторы-националисты были убеждены в том, что если Россия устоит, она должна вновь утвердить свои позиции как великая держава и компенсировать потери от поражения в Японской войне. Такое восстановление престижа России будет заключаться в укреплении системы во внутри- и внешнеполитическом отношении, что означало возврат к традиционному российскому влиянию, установлению контроля России над Константинополем и проливами.

Либералы, наоборот, надеялись укрепить связи с Францией и Британией, что позволило бы быстрее провести внутреннюю реформу. Они были готовы рассмотреть уступки Польше, чтобы получить поддержку либералов во Франции и Британии, где

мне-

212

Приоритет внутренней политики

ние левых оставалось критическим по отношению к союзу с Россией. И либералы и консерваторы верили, что Россия имела прямой интерес на Балканах, хотя причины усматривали разные. Эти разные отношения получили названия "панславизм" и "неославизм". Для панславян, в традиции их предшественников 1870-х и 1880-х годов, целью российской политики было распространение влияния России на проливы и осуществление роли защитника славян-христиан, чтобы славяне могли освободиться от турецкого правления и зависели целиком от России. Новое поколение либералов, напротив, видело российские отношения с другими славянами^ более гибкими и рассматривало Россию как лидера в свободном союзе независимых славянских народов. Для них поддержка стремления славян к свободе была тесно связана с идеей проведения реформ дома. Как заметил один российский журналист французскому послу: "Партия панславистов — реакционеры, а партия неославистов — сторонники конституции"²⁶. Сам царь иногда был подвержен подобным идеям перестройки Центральной Европы. Он сказал обеспокоенному британскому послу в апреле 1913 г., что он надеется на распад Австрийской империи и что это только вопрос времени: . "Он говорил о том дне, когда мы сможем увидеть Венгерское царство и Богемное царство, тогда как южные славяне

могут быть присоединены к Сербии, а Румыния из Трансильвании превратится в Румынию, а германские провинции объединятся в Германскую империю. Тот факт, что Германия тогда не сможет рас-

213

Истоки первой мировой войны

считывать на поддержку Австрии в войне на Балканах, как сказал его Величество, послужит миру"²⁷.

К 1914 г. в России существовало мнение, что она должна распространять свое влияние на юго-восток Европы. Высказывались различные суждения относительно того, когда Россия будет готова к войне, что выгоднее для нее — объединиться с Германией или с Францией и Британией. Но в правящих кругах, как ни велик был их страх перед последствиями войны, все же росла уверенность в том, что внутреннее развитие России зависело от успешной экспансионистской внешней политики. Министр иностранных дел стремился распространить влияние России на Балканах и создать союз между двумя враждебными славянскими государствами — Болгарией и Сербией. Этот союз привел к развязыванию первой Балканской войны. Победа Лиги Балканских государств получила поддержку России — дума сделала восторженный жест, поздравив болгар с победой. Распад Балканского союза и война между Болгарией и ее бывшим союзником заставила российское правительство задуматься о восстановлении своего влияния на Балканах на новой основе. Министр иностранных дел пытался уговорить Францию предоставить Болгарии заем, но опередила Германия. Миссия Лимана фон Зандерса нанесла серьезный удар по престижу России. Россия не оказала поддержки Сербии на переговорах по окончании Второй балканской войны. Это заставило многих, включая царя, понять, что доверие правительству как в стране, так и за рубежом зависело от того, окажет ли Россия Сербии безоговорочную под-

214

Приоритет внутренней политики

держку в это время. Царь считал, что если он сделает какие-либо уступки, "Россия никогда не простит государю"²⁸. В остальном "если вы видите, что я так спокоен, это потому что у меня твердая и решительная вера в то, что судьба России, моя судьба и судьба моей семьи в воле Божьей, которая дала мне эту власть. Чтобы ни случилось, я вверяюсь воле его, сознавая, что не могу думать ни о чем другом, кроме как о служении стране, которую он

и²⁹

верил мне .

Так или иначе к февралю 1914 г., когда Коковцов сменил Горемыкин на посту председателя совета министров, в правительственных кругах царило всеобщее мнение, что война неизбежна. На конференции 21 февраля 1914 г. обсуждались детальные планы высадки российских войск в Константинополе в случае распада Османской империи, хотя надежды на то, что это случится скоро» не было. Сазонов, министр иностранных дел, подчеркивал: "Мы не могли предполагать, что наши операции по захвату проливов вызовут европейскую войну". Военные заявляли, что невозможно провести нападение на заливы одновременно с военными действиями на Восточном фронте. Тем не менее "успешное завершение борьбы на наших западных границах решит проблему проливов в нашу пользу"³⁰. Хотя правительство надеялось, что будет возможность овладеть Константинополем до начала европейской войны, и решилось на такую операцию, российский министр иностранных дел и военные лидеры понимали теперь, что войны не избежать и что она поможет получить давно желаемый контроль над проливами, хотя они предпочли бы,

215

Истоки первой мировой войны.

чтобы это произошло через два-три года, когда закончатся приготовления.

Предпосылкой этой конференции стало растущее опасение, что ситуация на Балканах все еще не стабильна и развитие внутренних событий в Турции приведет в конце концов к крушению Османского государства. Тем не менее все больше росла уверенность в неизбежности конфликта между славянами и тевтонцами. В течение нескольких месяцев российская пресса печатала антигерманские статьи. К примеру, в начале 1914 г. "Новое время" — ведущая ежедневная газета правых писала: "Главным делом нашей -внешней политики отныне является сжимающееся тевтонское кольцо ^вокруг нас; угрожающее России и всему славянскому- миру стремительными последствиями..,"³¹.

Атмосфера, в которой принимались решения о российской внешней политике, была такой, когда не обращают внимания на все "за" и "против". Неопределенные надежды и страхи были более важны, чем тщательная оценка стратегического положения России. Трудно определить, какой политике, внутренней или внешней, отдавалось предпочтение, или сказать, чье мнение более влияло на нерешительного и фанатичного царя в его решении начать войну. Даже труднее, чем в отношении других великих держав, можно выделить как Уй^либо один фактор, определивший причину вступления России в войну.

. • ; -

Решение Италии остаться нейтральной в 1914г. частично было результатом ШИОжения внутри етра-вы, и в любом случае правительство и особенно ми-

Приоритет внутренней политики

нистр иностранных дел использовали общественное мнение как удобный предлог для оправдания политики Италии в глазах ее разочарованных союзников. Настоящее политическое сражение за мир или войну разыгралось в первые два месяца после начала войны в Европе.

1914 год был отмечен началом конца классического либерализма в Италии. Выдающейся фигурой этого периода стал Джованни Джолитти. Это время, которое многие историки критически оценивали как эру коррупции, парламентских спекуляций и трансформаций в самом худшем смысле. Другие рассматривали этот период, как время, когда создавались ус-ловиддля выживания Италии в двадцатом веке, роела современная экономика и рабочий класс входил в итальянское общество. Джолитти отказался в марте 1914 г. от поста премьер-министра* несмотря на парламентское большинство, в результате расхождений между его сторонниками. Ожидалось, что он вскоре вернется, и по его настоянию ди Санджилиано неохотно остался на посту министра иностранных дел. Даже выйдя из кабинета министров, Джолитти оставался наиболее важной фигурой в парламенте Италии 1914 г.

Внешняя политика при Джолитти подчеркивала положение Италии как великой державы, хотя в то асе время он избегал действий, которые могли нанести вред экономике и военной мощи страны. Война в Ливии подняла престиж правительства и утихомирила растущее националистическое движение^ которое нападало на либеральную систему, как неспособную утвердить величие Италии в мире. С другой стороны,

Истоки первой мировой войны

война была дорогим занятием и политика отказа, которую вел Джолитти, была необходима для пополнения бюджета. Это вызывало критику как со стороны противников войны, так и со стороны тех, кто поддерживал военный курс и кто верил, что Джолитти вводил нацию в заблуждение относительно понимания цены кампании и потому действовал медленно, стараясь восполнить потери армии.

Новое правительство Оаландра вскоре получило отвод из-за нерешенных социальных и экономических проблем страны. В июне 1914 г. в Анконе прошла демонстрация против призыва в армию, произошли стычки с полицией, по стране прокатились революционные волнения, приведшие к всеобщей стачке. Июльский кризис потряс правительство. Оно было озабочено тем, чтобы избежать политики, которая могла спровоцировать новые волнения, их могла, вызвать также война на стороне Австро-Венгрии. Участие Италии в Тройственном союзе подтверждало ее положение великой державы, но отношение народа

к союзу было осложнено тем, что много итальянцев находились под австрийским правлением в Трен-тино и Триесте. Победа в Ливии была успехом Италии как колониальной державы и открывала новые и более широкие горизонты для итальянских интересов и имперских амбиций. Тот факт, что центром июльского кризиса 1914 г. стали Балканы, сразу резко обострил проблемы между Италией и Габсбургской монархией. Июльский кризис развивался так быстро, что общественное мнение не успело оказать прямого влияния, особенно из-за того, что парламент был на

218

Приоритет внутренней политики

каникулах, и решения принимались ди Санджилиано и Саландра тайно. Как потом написал министр иностранных дел,— осторожность, сдержанность, секретность— вот принципы, которыми он руководствовался³². Решение оставаться нейтральной на первых порах горячо приветствовалось всеми, кроме, разве, послов в Берлине и Вене, которые чувствовали персональную ответственность за союз Италии и нейтралитет рассматривали как бесчестное предательство. Те католики, которые испытывали вражду к французскому либеральному антиклерикализму и страх перед влиянием славян и ортодоксальной церк*ви, симпатизировали Австрии. Тем не менее они испытывали облегчение от того, что Италия не сразу вступила в войну, но беспокоились, как многие правые, что Германия и Австрия, победив, заставят Италию платить за то, что она оставила своих союзников. На какой-то миг они могли согласиться, что европейская война — это возмездие свыше, до которого им было мало дела. Папа Пий X, сторонник Австрии в ее претензиях к Сербии, умер 20 августа. Его преемник, папа Бенедикт XV, избранный 3 сентября, проповедовал строгий нейтралитет и надеялся стать посредником и поддерживать мир.. Католики и социалисты фактически оказались на странно одинаковых позициях, являясь международными силами, стремившимися к лучшему миру. Крайне левые испытывали замешательство после провала всеобщей стачки в июне, но многие ораторы из их числа, а именно Бенито Муссолини, издатель газеты "Аванти" — пугал тем, что революция заставит правительство выступить на сто-

219

Истоки первой мировой войны

роне Германии и Австрии. Большинство итальянских социалистов видели в нейтралитете логическое последствие их собственной политики и полагали, что они одни среди социалистических партий великих держав остались верны интернациональным принципам.

За короткое время всеобщая поддержка политики нейтралитета создала настроение национального единства, так же, как в странах-участницах объявление войны приводило к примирению в обществе. Но такое единодушие длилось недолго. Аргументы в защиту вступления в войну были длинные, сложные и болезненные, но страны-участницы пытались воздей- • ствовать на правительство Италии, суля ему территориальные выгоды. Решение вступить в войну на стороне Франции, Британии и России в мае 1915 г. было принято правительством Саландры. Большинство парламента понимало, как велик риск, а последствия сомнительны. Это было решение, основанное на принципах реальной политики, и эта политика поддерживалась растущим новейшим мнением в парламенте, которое смело попытки Джиолитти вернуться к нейтралитету. Победа сторонников войны, союз несовместимых либералов, революционеров, националистов, футуристов и экс-социалистов закончила, к лучшему или к худшему, эру Джиолитти и его либерализма. Более того, то, как было принято решение об участии в войне, когда король отверг отставку Саландры, хотя большинство в парламенте отказало ему в поддержке, продемонстрировало, что соединение жесткой политики и демонстраций на улицах смогли столкнуть

220

Приоритет внутренней политики

Италию в войну, в которую она не была сначала вовлечена.

Внутренняя политика и социальные воздействия, определявшие внешнюю политику и соответственно решение об участии в войне, — вот главные объекты для историков при рассмотрении ситуации в Германии. Исследователи изучили отношение между внешней и внутренней политикой Германии за сорок лет до войны³. Конечно, внутривластная ситуация и конституционное устройство Германии имели черты, присущие только ей. Как и в России, ситуация осложнялась личностью императора, полагавшего себя конечной властью, но на него воздействовали и его собственные капризы и некоторые советники. Кроме того, он был уверен, что именно он выражает стремления большинства граждан. Конституционное положение в Германии было сложным. Германская империя была не унитарным государством. Каждая из земель имела некоторую власть, но находилась под контролем имперских властей. Финансовый вклад земель в центральную казну был важным для функционирования империи.

Имперский парламент, рейхстаг, формировался в результате всеобщих выборов, но его власть была ограничена. Частично потому, что многие функции правительства выполнялись в землях. Так что правительство Пруссии, самой большой и могущественной из них, во многих отношениях было таким же независимым и важным, как центральное правительство, а в нескольких землях, в той же Пруссии, местный рейхстаг (ландтаг) избирался при очень ограниченных правах, что гарантировало большинство консер-

221

Истоки первой мировой войны

ваторов в парламенте. Имперское правительство, особенно канцлер и госсекретарь, не подчинялись рейхстагу, так что парламента в том смысле, каким он был в Британии и Франции, в Германии не было. Тем не менее голосование в рейхстаге было важным для утверждения законодательства, и еще важнее — для принятия бюджета. Выборы в рейхстаг некоторым образом помогали определять политические настроения в Германии. Начиная с Бисмарка и до 1914 г., для получения поста канцлера империи было необходимо иметь большинство сторонников в рейхстаге. -Во многих случаях такое большинство было необходимо иметь для проявления инициативы во внешней политике. Для выборов 1887 г. Бисмарк, безусловно, использовал кризис на Балканах и разговоры о реванше во Франции и таким образом обеспечил большинство для проведения возросшего военного бюджета в парламенте. В 1907 г. на выборах в рейхстаг победил Бюлов, используя "лозунги, замешанные на национализме и антисоциализме.

Сторонники точки зрения, что внутренняя политика Германии определяла ведение внешней политики, будут утверждать, что это было больше, чем использование противоречий внешней политики для сиюминутных целей (например, выиграть конкретные выборы), и что внешняя политика являлась средством манипуляции общественным мнением для создания чувства солидарности германского народа и преодоления социального и политического размежевания, которое угрожало существованию Германской империи. Создание колониальной империи, большого флота, активная внешняя политика служили осно-

222

вой для объединения вокруг кайзера и правительства преданных людей и средством противостояния угрозе растущего социалистического движения.

Данный вопрос необходимо рассматривать с двух сторон. Первая — и главная — какие мотивы привели германское правительство в 1890-х годах к решению проводить политику завоевания мирового господства, строительства флота, который мог бы при необходимости атаковать британский флот (это решение, как мы видели, изменило всю основу британо-германских отношений и создало атмосферу, при которой стала возможной война 1914г.). Вторая — какое давление испытывало германское правительство перед войной, и особенно после выборов в рейхстаг в 1912 г., показавших, что один из трех избирателей голосовал за социалистов и что социал-демократическая партия была

самой большой партией в новом рейхстаге.

Решение канцлера и его советников строить большой флот и превратить Германию в мировую державу создает ясное разделение в германской внешней политике. Германский империализм кажется причиной таких решений более, чем ряд событий за последние несколько десятилетий (как в случае с Британией и Францией). Правда и то, что в 1880-х годах Бисмарк ограничил колониальную активность, чтобы добиться поддержки в обществе, и это вызвало предположение ³⁴, что Бисмарк хотел таким образом ослабить влияние призыва социалистов к объединению политики экспансии за рубежом с борьбой за социальное благосостояние дома. Тем не менее империалистическое движение в Германии 1880-х го-

223

Истоки первой мировой войны

дов, хотя и привело к образованию влиятельной группы, не зашло слишком далеко и не длилось очень долго, и его политические последствия были не очень значительны. Но решение проводить политику завоевания мира и принятие первого морского закона в 1897 г. повлияли как на внутреннюю, так и на внешнюю политику.

Пытаясь найти причины принятия политики борьбы за мировое господство, мы не должны недооценивать влияние личности и вооруженных сил, в частности и императора Вильгельма II. Некоторые историки обсуждали персональные решения кайзера и оценивали степень его власти, которая все-таки зависела от взаимодействия других сил внутри германской конституционной системы, но очевидно, что круг его ближайших советников и приближенных был не велик (так что критик упрекал его за управление Германией через камарилью) и, особенно в ранние годы его правления, его предрассудки и капризы играли большую роль. Наверяд ли германский флот строился бы с таким энтузиазмом без содействия кайзера. У него была потребность показать себя равным своим королевским родственникам в Британии, а свою страну — равной Британии, которую он любил и ненавидел. Без мощной поддержки Вильгельма II адмирал Тир-пиц, которого назначил морским статс-секретарем в 1897г., никогда не смог бы осуществить свою программу и получить поддержку общественности, необходимую для создания большого флота.

Увеличение флота и рост экспансии в конце 1-890-х годов широкие круги германской обществен-

224

Приоритет внутренней политики

ности поддерживали, и политики и промышленники быстро увидели преимущества, которые они могли получить из этого. С уходом Бисмарка в 1890 г. необходимо было искать новый национальный курс в поддержку новых национальных целей. Прежде всего это была политика достижения мирового господства, хотя существовал и, ряд других идей, которые практически имели ту же цель. Беспокойство, вызванное в мире курсом германской внешней политики, сопровождалось растущим страхом перед проблемами урбанизации и индустриализации. Политики говорили о необходимости объединения, которое создаст надежную организацию для поддержки государства и кайзера, и особенно для противостояния растущему социалистическому движению. Как писал в 1897 г. Иоханнес Микаэль, депутат, премьер-министр Пруссии: "Великая задача сегодняшнего дня— без предубеждений собрать всех для поддержки государства и таким образом приготовиться к неизбежной борьбе против социал-демократического движения" ³⁶.

Хотя Тирпиц был в основном занят созданием флота, он также сознавал, какую роль может сыграть флот в сплочении германского общественного мнения: "В новой великой национальной задаче и связанных с ней экономических целях сильное противоядие против грамотной и неграмотной социал-демократии" ³⁷. Тирпиц

стремился сохранить морскую программу несмотря на раскол в рейхстаге, и большинство его планов состояло в том, чтобы убедить, что строительство и передвижение кораблей должно происходить без утверждения парламента.

225

8. Э.К.

300

Истоки первой мировой войны

Как сказал Фолькер Бергхан: "Он строил флот против парламента и Англии"³⁸, — и надеялся, что строительство флота будет способствовать укреплению самодержавной системы и изменению расклада сил в мире в пользу Германии.

Существовали значительные трудности в использовании флота как средства для нового объединения консервативных сил. Положение ухудшалось по мере роста затрат. Консерваторы-аграрии резко отклоняли любые финансовые меры (как налог на наследство и налог на доходы), которые затрагивали их собственные карманы, так что до 1913 г. налог на доходы не был внесен на рассмотрение, несмотря на поддержку социалистов. Хотя, как и Бисмарку, Бюлову временно в 1903 г. удалось создать консервативный блок, основанный на объединении экономических интересов аграриев и промышленников, твердой поддержки он не имел. С провалом этого блока в 1909г. Бюлов ушел в отставку.

Активная пропаганда морской программы помогла Тирпицу создать влиятельную группу под названием "Союз поддержки флота", с чьим мнением считалось правительство. Она помогла среднему классу стать на позиции, которых до сих пор придерживались аристократы¹. Рост флота и честолюбивые программы Тирпица были знаком того, что Германия поменяла свой социальный и экономический путь, но очень спорно то, что это послужило объединению нации. Флот выявил разногласия и противостоящие силы в германском обществе и в промышленных структурах, поскольку толкнул германское правительство к внешней политике, которая

226

Приоритет внутренней посяпки

довела конфликт с Британией до войны. Идея мирового господства и поддержка строительства флота овладевала все более широкими кругами. Но эту политику никогда не поддерживал рабочий класс. Рабочие были на стороне социал-демократической партии, и их не смогли привлечь в народное единство, как ни старались некоторые его сторонники. Однако пропаганда строительства флота не оставила рабочих равнодушными. Те из политиков социал-демократов, которые по приглашению посетили военный корабль, не скрывали своего восхищения и хотя бы один из

40 НИХ ПОМНИЛ ЭТО ВСЮ ЖИЗНЬ .

Строительство германского флота не только выявило некоторые противоречия в политике Германии и в обществе, но также создало националистическое общественное мнение и развило агрессивную империалистическую пропаганду, которая помогла считать войну приемлемой и даже желательной. Существование такого мнения было принято во внимание германским правительством между 1911 и 1914гг. Это была не одна проблема, с которой столкнулся Бетман Гольвег, ставший канцлером в 1909г. Цго преемник Бюлов продолжал внешнюю политику, которая привела к изоляции Германию и к опасности оказаться. окруженной враждебными .государствами. Это в свою очередь заставило увеличить армию и флот и соответственно усугубило финансовые трудности Германии. Отставка Бюлова была прямым результатом того, что он пытался решить проблему, введя налог на наследство, и ситуация стала еще хуже. Появились признаки того, что левое крыло либералов и некоторые демократы искали возможность

Истоки первой мировой войны

сделать рейхстаг более сильным, начав агитацию за реформу избирательного права по выборам в прусский ландтаг. Любое правительство собиралось найти путь сотрудничества либо с этими новыми потенциальными группами левых, либо с еще более резкими правыми националистами. Хотя Бюлову удалось сформировать консервативный блок, победить на выборах в рейхстаг в 1907г., контролировать рост социал-демократии, на следующих выборах, в 1912г., он потерял поддержку, и усиление социалистов привело к новым требованиям правых начать кампанию против них. Правые настаивали на запрещении всеобщих выборов и установлении авторитарного режима. Эти идеи поддерживали кронпринц и даже кайзер в минуты бешенства. Бетман Гольвег старался проводить "политику диагонали" между противоположными силами. Он не хотел больше отделять социал-демократов от германского государства, учитывая ухудшение международного положения, и в то же время надеялся создать некоторое национальное единство при помощи правительства "надпартийного". Фактически у него было очень мало шансов, и, конечно, этот осторожный, благородный, угрюмый, консервативный бюрократ вряд ли был человеком, способным, прямо отменить власть армейского руководства и промышленников, которые считали любой либеральный жест слабостью внутри государства, и попытки пойти на компромисс— слабостью во внешней политике.

Это стало ясно после кризиса в Марокко в 1911 г., когда различные националистические влиятельные группы негодовали на Бетмана за то, что

Приоритет внутренней политики

Германия не получила равноправных компенсаций и согласилась на установление контроля Франции в Марокко. Он не оправдал надежды, которые они питали в связи с посылкой германского военного корабля в Агадир. Националисты надеялись, что эта инициатива, вызвав всеобщий международный кризис, станет первым шагом к рождению новой германской империи в Африке и продемонстрирует силу германской империи. Как писала одна из газет 3 июля 1911 г.: "Вся германская нация вздохнула с глубоким облегчением, когда прошел тяжелый сон, как будто лучи утреннего солнца рассеяли ночную тьму бесчисленных отставок"⁴. Люди, которые полагали, что все неприятности Германии могут быть преодолены только драматическими действиями национального самоутверждения, даже ценой войны, были разочарованы, когда в результате действий германской военной дипломатии они получили две маленькие части Французского Конго, презрительно описываемые министром колоний Германии: "Как колонии, полностью бесполезные территории"⁴, большей частью либо болота, либо джунгли, где население погибало от лихорадки. (Это было типично для настроений того времени. Французский журналист-националист жаловался. на Германию, описывая эту же территорию как "чудесные берега, населенные всеми животными Эдемского сада, обладающей всеми чудесными красотами, которыми художник мечтал бы украсить картины сотворения мира"⁴³.) Более того, платой за то, что германцы считали малой ценой, стало усиление антигерманских настроений во Франции и

228

Истоки первой мировой войны

открытое выражение поддержки Франции в речи Ллойд Джоржа.

Хотя в марте 1912г. во время визита Голдена в Берлин была предпринята попытка заключить соглашение с Британией, было ясно, что германское адмиралтейство изменит программу строительства флота только после безоговорочного обещания Британии придерживаться нейтралитета в европейской войне. Ко времени визита Голдена прошли

выборы в рейхстаг в январе 1912г., на которых победили социал-демократы. Бетман воздерживался от тактики Бюлова и шел на выборы с националистическими лозунгами, потому что не желал дразнить правых и подвергаться их критике. Он писал своему другу: *"Мы должны сделать все для защиты на море и на земле, что позволяют наши финансы, но не угрожающими криками, а как можно в более спокойной тишине. Тогда мы сможем все сделать с Британией, невзирая на увеличение флота, так, чтобы не дошло до войны. Вот для чего я работаю, но сопротивление с каждой стороны вряд ли может быть преодолено"*. Вскоре он столкнулся с требованиями увеличения флота, которым он не мог противостоять. Кайзер заявлял: "Мое терпение и терпение германского народа на исходе"⁴⁶ — и выражал величайшее презрение к любым аргументам по поводу того, что финансовые расчеты ограничивают увеличение флота. Националистические организации, объединенные в "Военный союз", предназначенный для укрепления армии и подготовки всех частей общества, особенно

230

Приоритет внутренней политики

молодежи, к войне, все более резко критиковали правительство. В 1913 г. возрос не только флот, но и численность армии.

С 1911 г. Бетмана не раз призывали уйти в отставку. В марте 1912 г. Бетман подал в отставку, потому что кайзер в одном из своих приступов паники телеграфировал послу в Лондоне, что если Британия собирается укреплять свой флот в Северном море путем вывода кораблей из Средиземного моря, это немедленно приведет к мобилизации в Германии. Ко времени подачи в отставку канцлер успокоился и постарался подвести итог своей деятельности:

"Не только наши отношения с Британией значительно испортятся, но также французский шовинизм, который уже опасен, возрастет до состояния невообразимого. Франция станет такой возбужденной и властной, что мы вынуждены будем напасть на нее. В этой войне Франция обязательно получит поддержку России, а также, без сомнения, и Британии... Я не могу взять на себя ответственность работать в такой ситуации. Если нам будет навязана война, мы будем воевать, и с Божьей помощью не потерпим поражения. Но для нас провоцировать войну, когда не задета наша честь или жизненные интересы, значит совершать грех против Германии, даже если мы можем надеяться на победу".

Это была позиция, которая отличалась от позиции его националистических критиков только средствами достижения цели, но не самой целью.

231

Истоки первой мировой войны

Трудность такой "политики диагонали" хорошо показал "случай в Заберни", когда большинство рейхстага, включая национал-либералов и католическую центристскую партию, левое крыло и социал-демократов, осудило руководство армии и критиковало канцлера и его ведение дел.

Бетман не был человеком, который идет против армии и предрассудков кайзера. Он в большей степени разделял их презрение к профессиональным политикам в рейхстаге. Он писал об обсуждении дела За-берна: "Это был сумасшедший дом". "Под вспышками гнева эти люди надеялись скрыть свою политическую наивность. Тщеславный Бассерман (от национальных либералов) рука об руку с Шейдеманом (СПГ) и Эрцберге (Центр), лишены всякого достоинства... Я стоял тогда под огненным дождем. Это даже не так уж плохо. Внезапное изменение внутри было намного сильнее, чем внешний огонь"⁴⁷. "Лучше пусть пошатнется моя репутация, чем позволить клеветать на армию", — сказал он по делу За-берна, а в отношении флота его мнение было еще более определенным: "Действительно великая держава, имеющая выход к морю, не может оставаться сухопутной державой, она должна иметь флот, и

очень сильный флот... не только для охраны торговли, но и для общих целей процветания" ⁴⁹. Бетман был ограничен в действиях своим происхождением, темпераментом и системой, в которой он существовал ⁵⁰. Его пессимистическая замкнутая и чувствительная натура была восприимчива к обвинениям в трусости ⁵¹. Фатализм все более вел его к пониманию, что ничего никогда нельзя поделаться.

232

Приоритет внутренней политики

Но если бы он был не таким фаталистом, он все равно мало что мог бы сделать, будучи окруженным сильными сверхнационалистически настроенными консерваторами. Его "политику диагонали" постоянно перекашивало вправо, и он был не в силах противостоять.

Между выборами 1912 г. и началом войны велась усиленная националистическая пропаганда, призывавшая готовиться к войне в надежде на то, что она поможет покончить с социал-демократией. Журналисты правого крыла не только готовили к войне тевтонцев против славян, они еще делали замечания, такие как "новая и свободная война мгновенно выкосит 110 социал-демократов", "война — это единственное

ff

лекарство от существующей болезни". Бетман не разделял этих взглядов. Он сказал, что консерваторы "ожидают войну для изменения внутренней политики в консервативном направлении". Сам же он полагал, "что мировая война с ее непредсказуемыми последствиями значительно усилит социал-демократию, поскольку она призывает к миру, и опрокинет многие троны" ⁵³. В ноябре 1913 г. Бетман сказал: "В грядущей войне, которая будет развязана без непреодолимых причин, на карту будет поставлена не только корона, но также будущее Германии. Конечно, наша политика должна вестись смело, но размахивать мечом при каждом дипломатическом осложнении, когда нет угрозы чести, безопасности и будущему Германии,— не только безрассудно, но и преступно" ⁵⁴.

Бетман был убежден, что Германии придется воевать с Россией и, возможно, Британия останется

233

Истоки первой мировой войны

нейтральной. Он ошибся во второй части своего политического прогноза, но очень был точен в первой. Со времени Маркса и Энгельса и до первой мировой войны социалисты всегда полагали, что война против ¹ России, самой реакционной державы в Европе, будет оправданна, как бы они ни критиковали милитаризм своей страны. И хотя некоторые из левого крыла социал-демократов, а именно Роза Люксембург и Карл Либкнехт, в последние годы перед войной развернули энергичную кампанию против милитаризма и войны, руководство партии было более сдержанным, уделяя внимание реформам в системе обороны более, чем нападая на нее. Канцлер поддерживал контакт с некоторыми членами парламента— социалистами правого крыла, и социалисты поддерживали правительство, проголосовав за налогообложение для финансирования увеличения армии в 1913 г. Во время июльского кризиса 1914г. Бетману удалось убедить армейское руководство не объявлять о своем намерении арестовать лидеров социалистов. Благодаря своим контактам с социал-демократической партией, он знал, что социалисты ничего не предпримут, чтобы противостоять подготовке к войне. То, что было названо "негативной интеграцией" ⁵⁵ германских социалистов,— произошло при единодушном голосовании ¹ парламентских партий за непредвиденные военные кредиты 4 августа 1914 г.

Идея приоритета внешней политики исходит из трудов великого германского историка XIX столетия Леопольда фон Ранке. Он считал, что внешняя политика государства

дает ему возможность достигнуть независимости, которая позволит ему развить свой

Приоритет внутренней политики

собственный национальный характер и институты, т.е. само его существование и природа зависят от успеха его внешней политики. Его идеи были сложнее, чем полагали более поздние историки, он видел: "Это естественно и очевидно, что политика внешняя и внутренняя переплетаются между собой"⁵⁶. В Германии многие влиятельные деятели к началу двадцатого столетия оживили некоторые идеи Ранке — о взаимодействии великих держав и о равновесии сил, и особенно о важности внешних отношений в определении внутреннего развития, о том, что внутренняя политика должна быть подчинена внешней политике. Подобные идеи высказывал и Бернард фон Бюлов, бывший канцлер, который в 1890г. писал: "Все должно быть подчинено нашему единству и нашему положению великой европейской державы, и даже наша внутренняя политика должна быть подчинена

этому". Более того, Ранке подчеркивал важность создания равновесия сил, чтобы препятствовать возвышению одной из держав над другими. Как написал в своем очерке в 1916 г. историк и публицист Отто Хинтце:

"Мы намеревались мало-помалу развивать мирное соревнование с Британией, пока в один день старая держава будет вынуждена признать нас как равного участника в мировой политике, Британия до сих пор далека от того, чтобы уступить в своей мощи какой-нибудь континентальной державе, а отказ Германии смириться с единоличным господством Британии на море, явился причиной того, что заставило островное

Истоки первой мировой войны

, - королевство начать войну с Германией. Наша цель в этой войне может быть только в том, чтобы вынудить Британию отказаться от претензий на абсолютное превосходство на море и таким образом создать равновесие в мировой системе государств"

Эти идеи почти целиком совпадают с теорией Тирпица о целях морской программы Германии.

Но мы должны учитывать, что говоря одно, люди иногда подразумевают другое, и что их утверждения просто отговорки для того, чтобы скрыть более глубокие причины. Мы должны признать, что даже в случае с Германией было бы ошибочно рассматривать внешнюю политику только с точки зрения теории приоритета внутренней политики, или согласиться с тем, что решение начать войну принимается только под воздействием изнутри. И в то же время достаточно очевидно, что германские политики, генералы и адмиралы очень хорошо понимали связь между внешней и внутренней политикой, но не только потому, что в определенные моменты они верили, что рискованные предприятия за рубежом помогают создавать атмосферу национальной солидарности в стране, но также и потому, что они боялись силы социалистического противостояния политике войны. Равновесие между пониманием важности внутренних проблем и мечтами о мировом господстве всегда было хрупким. И если в недавних исторических трудах более важным считаются внутренние противоречия германского общества, которые определяли внеш-

Приоритет внутренней политики

нюю политику Германии и решение начать войну, мы не должны забывать, что для многих руководителей Германии выгодное достижение мирового господства или невыгодное обеспечение положения Германии во враждебном мире было тем, что должно было быть сделано, невзирая на все выигрыши и потери во внутренней

политике. "Политика диагонали" была не только в балансировании между внешними «внутренними проблемами. Беглое рассмотрение в этой главе отношений между внутренней и внешней политикой в главных странах, участвовавших в войне, показывает, что не существует единой модели для всех и что почти в каждом случае на решение вступить в войну противоречивые надежды, страхи, унаследованные отношения и предыдущие планы влияли более, чем холодный расчет доходов и потерь. На короткий срок соображение о внутренней политике, очевидно, сыграло свою роль, но оно было двусмысленным и очень отличалось у разных стран. В Германии правительство находилось под давлением справа, в Британии и Франции — слева, и такие определения, как влияние войны на внутреннее положение, также были различными. Правда то, что война на первых этапах помогла снять много проблем: в Англии решение ирландского вопроса было отложено на неопределенное время. Во Франции проблема налога на доходы и финансовые реформы были отложены, годовой доход смогли поднять при помощи патриотических призывов вкладывать капитал в правительственный военный заем, а

237

Истоки первой мировой войны

выплата этого займа была отложена до конца войны, в то же время обсуждение продолжительности военной службы вообще прекратилось, так как каждый мужчина призывного возраста был мобилизован на неопределенное время. Даже в России разрушительные последствия войны сразу не были осознаны, а зародились надежды на то, что война выявит потенциальную преданность власти, которые, казалось, на первом этапе подтвердились. В Германии, более чем где-либо, война, казалось, заставила людей забыть свои разногласия и создала временное настроение единения, о котором никогда не забывали те, кто его создал.

Тем не менее трудно доказать, что эти результаты были такими же, какими их представляли себе европейские лидеры, когда принимали решение вступить в войну. Детальное изучение политических и стратегических решений, принятых во время июльского кризиса, показывает, что мотивы государственных мужей и генералов были не слишком рациональны и не очень хорошо продуманы, а лидеры всецело полагались на войну, как на выход из своих неразрешимых внутренних социальных и политических проблем.

Насколько решения июля 1914 г. — очевидные последствия структуры промышленного и капиталистического общества? Могли ли долговременные противоречия капиталистического мира рано или поздно привести к военному конфликту? И если да, каковы были связи между этими долговременными

238

Приоритет внутренней политики

противоречиями и практическими решениями июля 1914г., которые привели к войне именно в тот момент, а не раньше и не позже? Об этом в следующей главе.

Примечания

¹ С.А. Macartney, *The Habsburg Empire 1790-1918* (London 1968), p. 768, fh.1.

² A.J.P. Taylor, *The Troublemakers* (London 1957).

³ Quoted in Zara S. Steiner, *Britain and Origins of the First World War* (London 1977), p. 143.

⁴ Hansard 5th series. Vol. XXXII, cols 57-58. See also Keith Robbins, *Sir Edward Grey* (London 1971), pp. 252-253.

⁵ С.Е. Callwell, *Field-Marshal Sir Henry Wilson*. Vol. I (London 1927), p.139. For British military thinking about Ireland, see the valuable work of Ann Vorce, 'The role of Ireland in British defence planning 1908-1914' (unpublished MA thesis, University of London 1975).

⁶ Н.Н. Asquith, *Letters to Venetia Stanley* selected and edited by Michael and Eleanor Brock (London 1982), p. 123.

⁷ J.A.Spender and 'C.Asquith, *Life of Herbert Henry Asquith*, Lord Oxford and Asquith, Vol. II (London

1932), p. 83.

⁸ General Sir N. Lyttleton to R. Haldane, PRO London WO32/7081, quoted in Vorce op. cit., p. 4.

⁹ I am grateful to the later Mr E.M. Robertson for this information.

¹⁰ E. Halevy *A History of the English People in 1905-1918* (London 1934), p. 548, fn. 4.

" See Wolfgang Hunseler, *Das Deutsche Kaiserreich und die Irische Frage 1900-1914* (Frankfurt-am-Main 1978).

¹² G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origins of the War 1898-1914*, Vol. X (London 1936) Part II, No. 461, p. 675. (Hereinafter referred to as *BD*.)

' *Die grosse Politik der Europaischen Kab'mette*, Vol. XXXIX (Berlin 1926). No. 15674, p. 261 (Hereinafter referred to as *GP*.)

239

Истоки первой мировой войны

¹⁴ See the important work of Gerd Krumeich. *Armaments and Politics in France on the Eve of the First World War: The Introduction of Three-Year Conscription 1913-1914*. (Eng- trans., Leamington Spa 1984.)

^b France, Archives Nationales, Papiers Poincare. Vol. XXXVI. Notes Journalieres Mars-Aout 1914.

Fonds Nouvelles: Acquisitions francaises, No. 16027, p. 122, I am most grateful to Professor Arno J. Mayer for generously making available to me his transcript of these unpublished notes.

¹⁶ *GP* XXXIX. No. 15667, p. 250.

¹⁷ Quoted in L. Albertini, *The Origins of the War of 1914* (London 1953), Vol. I, p. 373. See also L.C.F. Turner, 'The edge of the precipice: a comparison between November 1912 and July 1914', *R.M.C. Historical*, 3 (Canberra 1974).

¹⁸ Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire 1801-1917* (Oxford 1967), p. 629; Geoffrey A. Hosking, *The Russian Constitutional Experiment; Government and Duma 1906-1914* (Cambridge 1973), pp. 10, 54.

¹⁹ Bernard Pares, *The Fall of the Russian Monarchy* (London 1939) p. 157.

Out of my Past: The Memoirs of Count Kokovtsov (Stanford 1935), p. 439.

²¹ *BD* X, Part II, No. 611, p. 493.

"Pares, op. cit., 157

"See Seton-Watson, op. cit., pp. 695-696.

Quoted in I.V. Bestuzhev, 'Russian foreign policy February-June 1914', *Journal of Contemporary History* \, No. 3 (1966) 105.

S£»IX(2), No. 611, p. 493.

- Georges Louis, *Les Garnets* Vol. I (Paris 1926), p. 87, quoted in Erwin Hb'lzle, *Die Selbstentmachtung Ewopas* (Go'ttingen 1975), p. 49.

²⁷ *BD* IX, J>art II, No. 849, p. 690. See also Holzle, op. cit., 54.

²⁸ Bestuzhev, op. cit., p. 104.

²⁹ *Memoires a "Alexandra Isvolsky* (Paris 1923), quoted in Albert ini, op. cit., Vol. II, p. 574.

Die Internationalen Beziehungen ini Zdlaller des Imperial-ismis: Dokimente aits den Archiven der Zarischen und der Proviso-rischen Regierung (German edn. ed O. Hoetsch, Berlin 1931) Vol. 1, No. 295, pp. 285-286.

240

Приоритет внутренней политики

³¹ Bestuzhev, op. cit., pp. 100-101.

³² -DDI 3rd Series. Vol. I. (Rome 1974). No. 230, p. 134.

^{JJ} For an excellent discussion of the arguments see Wolfgang J. Mommsen, 'Domestic factors in German foreign policy before 1914', *Central European History*', VI, No. 1 (March 1973). Also Michael R.

Gordon, 'Domestic conflict and the origins of the First

World War: the British and German cases', *Journal of Modern //w-fary* 4.6, 2 (June 1974).

^{j4} For example by Hans-Ulrich Wehler, esp. in *Bismarck und der Imperialisms* (Cologne 1969) and his article in English, 'Bismark's Imperialism 1862-1890', *Past and Present*, No. 48 (Aug. 1970). See also H. Pogge von Strandmann, 'Domestic origins of Germany's colonial expansion under Bismarck', *Past and Present*, No. 45 (Feb. 1969).

^{J3} For example Erich Eyck, *Das personliche Regiment Wil-helms II* (Ziirich 1948). For the Kaiser's methods of government see J.C.G. Rohl, *Germany Without Bismarck* (London 1967).

³⁶ J. von Miquel, *Reden*, Vol. IV (Halle 1914), pp. 279 ff. See Geoff Eley "Sammlungspolitik, Social imperialism and the Navy Law of 189.8". *Militargeschichtliche Mitteilungen*, 1 (1974). *

³⁷ Alfred von Tirpitz, *Erinnerungen* (Leipzig 1919), p. 52. For Tirpitz's policies, see esp. Volker R. Berghahn, *Der Tirpitz-Plan* (Diisseldorf 1971); also Berghahn, *Germany and the Approach of War in 1914* (London 1973).

³⁸ Berghahn, *Tirpitz-Plan*, p. 13 and passim.

³⁹ See Geoff Eley, *Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Changes after Bismarck* (New Haven and London 1980).

⁴⁰ Gustav Noske, *Erlebtes auf Aufstieg und Niedergang einer Demokratie* (Offenbach-am-Main 1947), p. 40.

⁴¹ Kreuzzeitung, 3 July 1911, quoted in F. Fischer, *Krieg der Illusionen* (Diisseldorf 1969), p. 121.

⁴² *GP XXXIX*, No. 10770, p. 406.

⁴³ Quoted in Jean-Claude Allain, *Joseph CaiUaix: Le Deft l-'ic-torit'ux 1863-1914* (Paris 1978), p. 415.

⁴⁴ Quoted in Fischer, op. cit., pp. 145-146.

⁴⁵ *GP XXX!*, no. 11386, p. 155.

⁴⁶ A. von Tirpitz, *Polilische Dokimente*, Vol. I, *Der Axfbau der bcuischen Weltmacht* (Stuttgart and Berlin 1924), pp.318 ff. See

241

Истоки первой мировой войны

also Fischer, op. cit., pp. 188-189.

⁴⁷ Quoted in Konrad HJarausch, *The Enigmatic Chancellor* (New Haven and London 1973), p. 102.

⁴⁸ Quoted in Berghahn, *Germany and the Approach of War*, p. 176.

⁴⁹ *BIII X* (2) No. 47, p. 37. See also Jarausch, op. cit., pp. 141-142.

⁵⁰ *BD VII*, No. 736, p. 788.

⁵¹ Fritz Stem, 'Bethmann Hollweg and the war', in Stem, *The-Fauure Ittiberalism* (New York 1972), p. 267.

⁵² Quoted in Berghahn, *Germany and the Approach of War*, p. 185.

⁵³ Quoted in Jarausch, op. cit, pp. 151-152.

⁵⁴ H. Pogge von Strandmann and Imanuel Geiss, *Die'Erforder-lichkeit des Unmoglichen* (Hamburger Studien zur neueren Geschichte Band 2: Frankfurt-am-Mam 1965), pp. 22-23.

⁵⁵ For a discussion of German socialist attitudes before 1914 see esp. Dieter Groh, *Negative Integration tind revolutionarer Attentis-mus* (Frankfurt-am-Main 1973).

⁵⁶ Leopold von Ranke, *Englische Geschichte*, quoted in Frie-drich Meinecke, *Zur Theorie und Philosophie der Geschichte* (Stuttgart 1959), pp. 258-259.

⁵⁷ Quoted in Peter Winzen, 'Prince Billow's Weltmachtpolitik', *Australian Journal of Politics and History*, XXII. 2 (Aug. 1976) 230.

⁵⁸ Quoted in Ludwig Dehio, *Germany and World Politics in the Twentieth Century* (Eng. tr. London 1959), p. 53,

Глава шестая

Международная экономика

"Войны присущи природе катаклизма; они просто прекратятся, когда будет отменена экономика капитализма". К 1914г. учение Маркса стало общепринятым: по правде, оно дает самое исчерпывающее объяснение началу первой мировой войны, хотя до сих пор остается открытым вопрос, почему война началась в этот определенный момент на вершине кризиса капитализма. Это учение было официально утверждено на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте в 1907 г., хотя в сложной резолюции, которая открывалась декларацией о неизбежных связях между

капитализмом и войной, перечислялся ряд противоречивых отношений к войне перед рево-
245

Истоки первой мировой войны

люцией, которая должна была сделать все войны невозможными¹.

Положение о неизбежности войны при капитализме вытекало из сравнительно простого убеждения, что промышленники— и особенно производители оружия— провоцировали войну с целью наживы, или толкали правительство на военные акции, чтобы разрушить экономику враждебных стран, а также, что экономика империализма делает неизбежными международные конфликты. Марксисты продолжали утверждать, что первая мировая война была неизбеж-ным следствием империалистической конкуренции, а она в свою очередь стала следствием кризиса капитализма. Некоторые теории о связи между капитализмом, империализмом и неизбежностью войны были развиты радикальными и социалистическими мыслителями перед 1914г.— англичанином Ж.А. Гобсо-ном (хотя он думал, что капитализм мог еще быть спасен), австрийцем Рудольфом Гильфердингом и Розой Люксембург. Наиболее значительным и полемическим трудом является книга Ленина "Империализм как высшая стадия капитализма" (опубликована в 1917 г.). Она написана с целью доказать, что начавшаяся война является войной империалистической. Она — прямое следствие конкуренции между государствами, чьи капиталистические хозяева с жадностью ищут новых сфер капиталовложений и толкают правительства к империалистической экспансии.

Большинство теорий о том, что причины первой
246

Международная экономика

мировой войны — экономические² основываются на положении, что империалистическая конкуренция

привела к войне, а эту конкуренцию вызвало экономическое давление. Наиболее радикальные теории империалистической экономики, такие, как теория Розы Люксембург, относят, почти все достижения капиталистического общества ко всепроникающим, империалистическим чертам. Любое заявление о том, что причины войны были в основном экономические, наверняка вызовет дискуссию об империализме.

Начнем с рассмотрения более легких путей достижения экономических интересов, явившихся причинами начала войны. Существует мнение, что определенные промышленники получали прибыли от войны, и они влияли на решения своих правительств. Трудно в сложных структурах экономической жизни в начале двадцатого века определить, где находились интересы промышленников и бизнесменов на самом деле, и еще труднее определить размер их влияния на промышленность. Очевидно, что владельцы сталелитейных заводов были рады увеличению производства морских орудий. Мы знаем, что в Германии крупные сталелитейные магнаты внесли огромный вклад в финансирование пропаганды в пользу строительства флота через Морскую лигу". Британская Морская лига не пошла таким путем, и она получила только небольшие денежные пожертвования от тех промышленников, которые были заинтересованы в строительстве кораблей для флота³.

Более того,
247

Истоки первой мировой войны

Международная экономика

•хотя производители стали могли приветствовать контракты правительства на строительство кораблей и для флота, это не означает, что они обязательно хотели

войны — особенно потому, что многие из них были в такой же степени заняты строительством торговых кораблей и в любом случае могли потерпеть убытки от прекращения международной торговли, поскольку значительная часть их продукции экспортировалась в другие страны. В 1907 г. Британия импортировала железа и стали из Германии стоимостью около \$L 5 м., а Германия импортировала стоимостью около \$L 3 м. из Англии⁴. Были случаи, когда британским судостроителям было выгоднее купить германскую сталь, нежели британскую, потому что германские производители, защищенные тарифом, могли повышать цены дома, и это позволяло им продавать сталь за границу по более низкой цене. Иногда спрос за границей на германскую сталь было трудно удовлетворить из-за больших заказов своего правительства. Велись длительные и сложные переговоры между германским адмиралтейством и Круппами, во время которых правительство пыталось уговорить снизить цену на сталь взамен на стабильные заказы на длительный период³. Часто "производители, особенно "в Англии, понимая, что размеры правительственных заказов могут колебаться под влиянием политики или стратегии, неохотно шли на потерю прибылей за границей из-за краткосрочных выгод дома. Стабильность их прибыли зависела от обширности и гибкости их рынка. Капиталистические предприни-

248
матели хотели выгоды и с той и с другой стороны: поддерживать свои рынки сбыта, получая от них большие прибыли (к примеру, строительство флота), и многие из них не заметили, что политическое существование внутреннего и, внешнего мира на долгое время несовместимо.

Конечно, крупная фирма Крупна по производству оружия в Германии, Шнейдер-Крэзо — во Франции, Шкода — в Австро-Венгрии, Армстронг и Вickers — в Англии — в народе считались "фабриками смерти",^ постоянно провоцируя войну с целью увеличения своих прибылей. Но они были только частью сложной системы, другие части которой привлекали меньше внимания. Поскольку техническая сложность вооружения и боевых кораблей возрастала, все больше и больше отраслей оказывались вовлеченными в производство оружия. К примеру, крупная германская электрическая фирма Сименса была основной в строительстве германского боевого флота. А фирмы Шкода и Крупп экспортировали много другой продукции помимо оружия. Шкода начинала бизнес станко-инструментальный, и хотя после 1904г. торговля оружием стала наиболее выгодным профилем фирмы, она, кроме того, посылала турбины на Ниагару и шлюзные ворота на Суэцкий канал⁶.

Однако оружейные фирмы были, как правило, очень тесно связаны с правительством, как потому, что были заинтересованы в оборонных контрактах дома— и даже в тех странах, в которых

249

Истоки первой мировой войны

правительственные предприятия играли главную роль в производстве снаряжения, требовался и частный сектор во времена резкого роста производства вооружения,— потому что снабжение оружием союзников и потенциальных союзников становилось политически значимым. Здесь опять ситуация была " сложная. Многие прибыльные рынки сбыта оружия находились в странах, которые сами напрямую не были вовлечены в расчеты главных стран — Испания, к примеру, которой оружие было необходимо в кампании в Испанском Марокко, или страны Латинской Америки, которым оружие было нужно в борьбе друг против друга, или Китай, который дал Шкоде большой заказ после революции 1911 г. В этих сферах оружейные фирмы часто нуждались в поддержке правительства против их конкурентов и доказывали, что национальный престиж требовал поддержки национальных оружейных фирм. Такое

влияние не обязательно затрагивает интересы правительства во внешней политике: "Требования Шнейдера дипломатической поддержки были, как всегда, направлены против английских и германских конкурентов"⁷. В 1913 г. Викерс получил заказы на военные суда для России стоимостью \$L 7 м., перехватив их у французских конкурентов⁸.

Правительства, тем не менее, часто старались содействовать торговле оружием или запрещать ее в зависимости от политики на этом этапе. Французское правительство поощряло производителей

250

Международная экономика

оружия к получению преимуществ на новых рынках (Румыния или Турция во время Балканской войны) в надежде на упрочение своего влияния в этих странах. На Балканах конкуренция между Круп-пом и Шнейдером вызвала конкуренцию между французским и германским правительствами. В некоторых случаях французы имели более крепкую позицию, чем германцы, их наличный капитал для иностранных займов был больше, так что они могли дать заем иностранному правительству при условии монопольной торговли оружием — тактика, которая не раз использовалась успешно в отношениях с Грецией, Болгарией и Турцией. Французская финансовая помощь оказалась сильнее, чем германские усилия использовать другие формы, такие, как фамильные связи между кайзером и королями Румынии и Греции.

Производители вооружения иногда служили внешней политике своих правительств. Они в свою очередь получали поддержку правительства даже в тех сферах, где оно не имело прямых интересов. Бизнесмены всех наций жаловались на то, что их дипломаты помогали им меньше, чем некоторые правительства делали для их конкурентов.

Французские, германские и британские экспортеры оружия писали о том же. Дипломаты старой школы, которые считали, что их деятельность не касалась торговли, выражали недовольство по поводу того, что им вменялось в обязанность уделять внимание бизнесменам и особенно торговцам оружия: "Французская держава

251

Истоку первой мировой войны

по каждому пункту в мире поставлена в распоряжение к ле Крёзо", — жаловался французский посол в Белграде в 1911 г.⁹

В общем, правительства нуждались в оружейных фирмах более, чем оружейные фирмы нуждались в правительствах. Производители оружия, получившие прибыли от правительственных заказов, имели большую заинтересованность в долгосрочной программе вооружений, как видно в случае со строительством флота. Хотя большая часть прибыли исходила от очень широкой сети торговых партнеров по всему свету, их основные конкуренты были готовы тратить деньги на кампании в прессе, направленные на дискредитацию продукции своих конкурентов. В некоторых случаях — семья Крупна, банкиры, контролировавшие Шкоду, Шнейдера, имели прямой подход и официальный и общественный к ответственным членам правительства и использовали эти подходы для получения правительственных контрактов, а также поддержки правительства в поисках рынков сбыта. На внешнюю политику это почти не влияло, да и то влияние, которое оказывали производители оружия, было не более того, которое оказывали любые другие бизнесмены. Для правительств производители оружия были существенным элементом в их ведении внешней политики, элементом поддержки этой политики флотом и армией и вбз-действием на их отношения с потенциальными союзниками и нейтральными государствами.

252

Международная экономика

Прямой экспорт оружия был только частью большой сети международных экономических

отношений, в которых наиболее важную роль играли крупные банки. Как следует из марксистской теории, в годы перед 1914г. наиболее важную роль в экономических отношениях играли крупные банки. Рост финансового капитала— капитала, свободного для вложения в те отрасли, где он дает наибольшую прибыль,— означал, что банки владели свободным капиталом, который они могли использовать для установления контроля над многими отраслями экономики внутри страны, так и в их неустанном поиске новых сфер вложения за границей. Влияние банков на внутреннем рынке отличалось от влияния их на другие государства. В марксистской теории убедительно доказана, особенно австрийским социалистом-экономистом Рудольфом Гильфердингом в его книге "Финансовый капитал", опубликованной в 1910г., роль банков на примере того, что происходило в Германии и Австрии. Важность международной роли банков не вызывает сомнения, также как нет сомнения и в решимости инвесторов найти новые доходные сферы вложения в Восточной Европе. Вот что говорил об этом Витте, российский министр финансов в 1902г., обсуждая отношения России с Францией, что, очень похоже на марксистскую теорию:

"В каждой стране, которая достигла высокого уровня развития промышленности и

253

Истоки первой мировой войны

торговли и в которой -политический горизонт спокойный и безоблачный, свободный капитал, как'известно... дает большой процент прибыли и прививает вкус к сбережению — вкус, который - в течение многих лет прививался французской нации— необходимость экспорта капитала становится неизбежной". Роль банков в экспорте капитала была очень важной, свой капитал они напрямую вкладывали в предприятия за рубежом— в угольные шахты России, золотые рудники в Южной Африке, железные дороги в Южной Америке или где-то еще, но они всегда действовали как агенты зарубежных правительств, и промышленное предпринимательство за границей требовало роста капиталовложений. Банки предоставляли деньги, а затем продавали гражданам на паях с прибылью для себя заемные облигации. Успех займа зависел в большей степени от репутации банка и от его способности привлечь во владение капиталом малых и больших владельцев. Банки сами часто проводят краткосрочные займы для иностранных правительств — операция, которая могла быть прибыльной, когда процент прибыли у разных стран был разный: к примеру, в 1906г. банковская прибыль в Берлине составляла 5 процентов, а в Париже— 3 процента, так что стоило французским банкам занимать у себя в стране и ссуживать в Германии¹². И наоборот, слишком большая уверенность в краткосрочных иностранных займах сделала

254

Международная экономика

уязвимыми правительства-дебиторы, так как займы было можно отозвать во времена политической и экономической нестабильности.

Эта деятельность банков была тесно связана с политикой государства. В некоторых странах, а именно во Франции и Германии, но не в Британии, правительство могло контролировать иностранные ценные бумаги или правительственные акции, могло назначать цену на обмен акций (примером тому является известное запрещение Бисмарком займа России в 1887 г.), хотя не могло ограничивать покупку акций частными лицами. Подобные запреты правительств, как правило, имели политический мотив и политические последствия. Как в случае с производителями оружия, банки нуждались в помощи и покровительстве правительства, так же как и правительства нуждались в банковской поддержке. В то же время интересы правительств и банков не всегда совпадали. Хотя банкиры сами по себе более или менее чувствительны к

патриотическим призывам, как и любые другие граждане, в бизнесе главное— деньги. К примеру, в 1912-1913 гг. французские банкиры по финансовым причинам отказались давать заем Румынии, хотя об этом просило французское правительство, которое надеялось таким образом вывести Румынию из союза с Германией. Но в этом же году парижский банк настоял, несмотря на предложение правительства, на предоставлении займа Болгарии. Правительства и банки постоянно меняли свое

Истоки Первой мировой войны

отношение; в июне 1914 г. французское правительство по просьбе России, своего союзника, было вынуждено принять решение, что можно оказать Болгарии некоторую временную финансовую помощь, но к этому времени парижские банкиры, сами испытавшие финансовый спад в стране, решили, что в стране больше нет денег на заем Болгарии и отказались поддержать политику правительства¹³.

Связи правительства с банками ясно просматриваются во французской внешней политике в основном в размере французских инвестиций в других европейских странах. Хотя Британия все еще оставалась страной с наибольшим совокупным капиталовложением за рубежом, менее 6 процентов от общей суммы были размещены в Европе, в то время как у Франции цифра европейских капиталовложений составляла около 62 процентов. Это не мешало французским бизнесменам, имевшим капиталовложения во французских колониях или Марокко, иметь актуальное финансовое значение, из-за большого объема французских капиталовложений в других странах Европы. Существовала тесная связь между внешней политикой правительства и инвестиционной политикой банков. Германия переживала временный недостаток капиталов после нескольких лет слишком бурного промышленного развития во второй половине девятнадцатого века, в то время как Франция (хотя националисты подчас и критиковали банкиров за то, что инвестиций за рубежом

256

Международная экономика

больше, чем у себя в стране) все-таки имела в наличии большие накопления. В Британии модель инвестиций была другой, большая часть капитала Британии находилась за рубежом Соединенного Королевства, и находилась в империи, на севере и юге Африки. Таким образом, политика Британии в Европе до некоторой степени велась независимо от финансовых соображений, которые были важны для Франции. Более чем другие международные союзы до 1914г. франко-российский союз был связан финансовыми узами, так же как политическими и стратегическими. Первые займы российскому правительству были предоставлены в 1888, 1889 и 1890 гг., а за ними последовали французские муниципальные займы, железнодорожный, на угледобычу и промышленные предприятия разного профиля— так что к 1914г. около четверти всех французских иностранных инвестиций были сделаны в России¹⁵. Финансовые связи этого уровня 'должны были иметь политические последствия, совершенно независимо от специфических усло-

вий, таких, как строительство стратегической железной дороги или обещание размещать заказы на французских фирмах. Банки, которые поощряли своих вкладчиков помещать деньги в российские долговые обязательства или шахты, или железные дороги, имели всё для создания представления о России как о сильной, политически стабильной и экономически устойчивой стране— одним словом,

Истоки первой мировой войны

достойном союзнике. Несмотря на осуждение со стороны левых во Франции российского самодержавия и угнетения, постоянные отказы Ротшильдов и других еврейских банкиров участвовать в российских займах из-за плохого отношения к евреям в России, уважение к

России осталось удивительно высоким вплоть до начала войны, и даже до 1917г. Простейшим примером неравных связей между французской дипломатией и российскими финансовыми нуждами и необходимостью: создания привлекательного образа России за границей, были переговоры в 1906 г., о которых российский премьер-министр Витте писал: "Великий заем, который спас Россию"¹⁶. В 1904 г. началась война между Японией и Россией, а в мае русские, предложив высокую ставку прибыли, добились займа у Франции, несмотря на неопределенность ситуации французское правительство настаивало на том, чтобы в займе не участвовала Германия. К 1905г. стало ясно, что Россия потерпела поражение, и это вместе с растущими беспорядками внутри страны поставило под сомнение следующий заем. К концу года революционное движение приняло значительный размах, и капиталы были поспешно отозваны из России. Русскому правительству, старавшемуся восстановить страну после поражения от Японии и революции, большой заем был необходим: перед иностранными инвесторами стоял выбор: либо вложить в Россию боль-

258

Международная экономика

ше денег в надежде сохранить свои предыдущие ставки, или потерять все, если в России снова начнется революция, анархия и банкротство. Дипломатические последствия также были непростыми.

Весной 1905 г. марокканский кризис создал серьезное напряжение и даже начали поговаривать о войне между Францией. и Германией. В переговорах на международной конференции в Марокко и на конференции в Альхесирасе и французское и германское правительства, пользуясь большой нуждой России в деньгах, пытались - получить дипломатическую поддержку со стороны России в Марокко. Германское правительство рассчитывало, пообещав России заем, что оно обеспечит себе поддержку России, которая использует свое влияние в Париже и заставит Францию пойти навстречу некоторым требованиям Германии о будущем статусе Марокко. Французы также дали ясно понять, что заем для России будет зависеть от полной поддержки Россией их позиции на конференции в Альхесирасе. Французские банкиры сомневались в финансовой стороне будущих долгосрочных обязательств перед Россией, а одобрение французского правительства было важным, в случае, если заем будет иметь хоть какой-либо шанс на успех. Таким образом, хотя Витте предпочел бы международный заем с германским и французским участием, он был вынужден выбрать заем только от Франции. Германское правительст-

9*

259

Истоки первой мировой войны

во запретило любые дальнейшие финансовые обсуждения с Россией, а Россия безоговорочно поддержала Францию в Альхесирасе. Когда российские представители приехали в Париж для заключительных переговоров, Пуанкаре заметил: "Он прибыл, чтобы требовать от Франции уплаты долга, который почти привел меня в стеснительное положение. Он жаловался на требования, выдвинутые французскими банкирами, которые, честно говоря, довольно скупы"¹⁷.

Заем, полученный в апреле 1906г., помог России восстановиться после разрушений предыдущих двух лет и стал подтверждением уверенности Франции в своем союзнике.

Так рассматривали его и союзники левого крыла. Максим Горький сожалел¹⁸ что "Франция больше не мать свободы, а только женщина на содержании у банки-

^{1с}ров". И когда британское правительство заключило соглашение с Россией, группа представителей передовой интеллигенции, включая Бернарда Шоу и Джона Голсуорси, написала в "Тайме":

"Соглашение упрочит кредит, выданный России, и позволит правительству успешно обратиться к Европе за другим займом, над которым представители народа не будут иметь контроля и который только будет служить укреплению положения

аристократии. Мы также боимся того, что, полагаясь на этот измененный кредит и более тесные отношения между правительствами, английский народ испытает

260

Международная экономика

искушение сделать еще большие вложения в акции российского правительства— вложения, способные повлиять на наше политическое отношение к России и на нашу власть, как можно уже наблюдать в случае с Францией"¹⁹.

Их опасения о судьбе инвестиций Британии в Россию были преувеличены (хотя в Россию к 1914г. было вложено больше британского капитала, чем в какую-либо другую европейскую страну), но они были правы, предчувствуя тесные связи между представлением общественности об отдельной нации и международным кредитом.

Инвестиции Франции в России были, как отмечал

20

Роже Жиро, вложениями в царский режим, а с экономической точки зрения, решение вложить деньги в Россию, несмотря на ее ненадежное положение в 1906 г., окупилось сполна. В течение следующих восьми лет развитие промышленности в России, казалось, подтвердило политику Франции, и с ускорением темпов российского перевооружения после 1909г. необходимость в дальнейших займах возросла. В то же время французские / финансисты увеличивали свои вложения в другие секторы российской экономики, такие, как угледобыча. Эти тесные экономические связи проходили не без трудностей.

Российские националисты сожалели об иностранном влиянии и о получении иностранцами доходов в России, и одним из пунктов повестки дня во время визита

Пуанкаре в

261

Истоки первой мировой войны

Санкт-Петербург в июле 1914г. было обсуждение вопроса о судебном разбирательстве по поводу управления французами угольным синдикатом, с целью пробить брешь в российских законах, поддерживавших монополию. Неизвестно, сколько бы длились такие националистические настроения в России, если бы не началась война в 1914г. На какое-то время связи стратегии с финансами стали теснее. Заем ноября 1913г. был предназначен для расширения сети российских железных дорог, включая новые линии, которые намечалось закончить к 1918г. Железные дороги были необходимы для ускорения сроков мобилизации на востоке России. Во время переговоров о следующем займе в начале 1914г. французские представители опять подняли вопрос о немедленном строительстве линий, в то время как русские старались не быть слишком связанными строительством специфических железнодорожных линий и подчеркивали экономическую важность увеличения сети железных дорог в общем. В начале 1914г. финансовые, стратегические и политические интересы совпали настолько, что союз Франции и России стал крепче, чем когда-либо. Взаимодействие политики и экономики укрепляет союз, и трудно сказать, какой из этих факторов играет более важную роль. Скорее всего один является опорой другого. Поскольку политическая схема союза была создана, как правительство, так и деловые люди все более чувствовали себя обязанными работать по

262

экономика

этой схеме, а экономическая необходимость не пускать германцев в долю российского займа и на российский рынок вооружений еще более укрепили тенденцию разделения сил на два враждебных блока. Финансисты никогда не создавали франко-российский союз, но они быстро увидели выгоду, которая появляется благодаря ему, как психологическую, так и практическую. Политики и генералы также не учитывали интересы финансистов, когда создавали союз, но они быстро поняли, что финансовые связи могли служить их дипломатическим и стратегическим целям.

Финансовая мощь Франции сделала ее желаемым экономическим партнером. Это привело в некоторых районах, а именно в Марокко и Багдаде, при осуществлении железнодорожного проекта к временному сотрудничеству между Германией и Францией. После марокканского кризиса 1905-1906г. германское правительство осознало, что на тот момент не так уж много можно было добиться' от прямого воздействия на положение французов там. В течение нескольких следующих лет, особенно в период разногласий между двумя государствами', оба правительства желали достичь некоторого соглашения по различным экономическим вопросам в Марокко, например, поддержав создание франко-германского консорциума по добыче там минеральных ископаемых. Эта попытка международной кооперации между Крупном , и Тиссеном и французским союзом марокканских

263

Истоки первой мировой войны

шахт не увенчалась успехом не из-за какого-либо изменения в политике, а из-за действий германской группы братьев Маннесман, которые старались заполучить единоличный контроль над шахтами в Марокко. Они получили поддержку известной в Германии националистической влиятельной группировки (Всегерманского союза), с чьей помощью представили себя работающими на благо Германии и доказали, что германское правительство заключает соглашение в пользу Франции, пренебрегая интересами Германии. Германское правительство поручило банкиру и промышленнику Вальтеру Ротенау осуществлять посредническую связь между двумя враждебными группировками, но Маннесма-ны отвергли его предложения²¹, и германское правительство решило отказаться от создания франко-германского консорциума.

Во время кризиса в Агадире летом 1911 г. произошел полнейший разрыв экономических отношений между двумя странами²². Французские национальные чувства крепили так же, как и германские. Снова возник страх перед возможностью войны, и из Германии был ртозван 'большой французский кратковременный капитал, что было одобрено французским правительством. В то же время французы стали испытывать тревогу от степени проникновения германской экономики за последние несколько лет. Германские промышленники были обеспокоены тем, что их источники железной руды могли иссякнуть, и поэтому Тиссен и другие начали

264

Международная экономика

распространять свое влияние во французской Лотарингии и получили контроль над железными рудниками в Нормандии. Французское правительство стало строже контролировать выдачу угольных концессий иностранцам, а также учредило новые правила о таможенных пошлинах на импорт из Германии. Хотя до начала войны оставалось еще много финансовых, промышленных и торговых связей (некоторые из них тайно создавались через Швейцарию и даже во время войны), они стали предметом пристального внимания правительства и общественности более чем когда-либо. Политика возобладала над экономикой, и выгодные экономические связи больше-были не нужны для создания мирных отношений между двумя странами. Французское правительство сознавало, что связь между политикой инвестиций и внешней политикой иногда создавала проблемы. Если, к примеру, французское правительство не разрешило провести итальянский заем на Парижской фондовой бирже, сделает ли это Италию более зависимой от Германии? Или если бы они разрешили итальянский заем провести во Франции, могло ли это быть использовано как средство воздействия на внешнюю политику Италии и ослабить союз Германии и Австро-Венгрии? В 1904-1906 гг., когда итальянское правительство нуждалось в

иностранным займе, как основе для конвертации ранее выпущенных правительственных акций, французский посол в Риме постоянно напоминал итальянскому минист-

265

Истоки первой мировой ваты

ру финансов и своему правительству о значимости именно этого шага: "Италия должна ответить на доверие, которое мы окажем, содействуя в главных финансовых операциях, доверием, выраженным в конечной и решительной поддержке Франции в политической сфере"²³. Двумя годами позже, когда германцы начали очень сомневаться в лояльности Италии как союзницы Германии, германский посол в Риме говорил: "Наша финансовая слабость по сравнению с финансовым могуществом Франции, без сомнения, одна из главных причин, объясняющих -франкофилию многих влиятельных кругов Италии"²⁴. Но Франции не всегда легко удавалось использовать финансовое влияние эффективно. Германцы напрямую контролировали два главных итальянских "банка— коммерческий банк Италии и кредитный банк Италии, которые сами контролировали крупные литейные заводы, судостроительные и электрические фирмы. Союзничество во внешней политике создало определенную модель отношений в других сферах. Когда в 1908г. Франция старалась провести итальянский заем в обмен на итальянские заказы на артиллерию французским фирмам, переговоры провалились, потому что итальянская армия не могла и не собиралась смешивать новые французские типы вооружения со старыми германскими. В борьбе между сторонниками войны и сторонниками нейтралитета в 1914—1915 гг., которая закончилась вступлением Италии в войну на

266

Международная экономика

стороне Франции и Британии, эти экономические соображения, кажется, не очень-то брались в расчет, а то, что подвинуло Италию к войне, — было эмоциональным шагом, сделать который ей помогли французские субсидии, благоразумно вложенные в итальянскую прессу.

Связь французской финансовой мощи и германской нехватки капитала и соответствующих дипломатических связей двух стран хорошо видна на примере Австро-Венгрии. Двадцать пять процентов германских капиталовложений в Европе находились в Австро-Венгрии, и зависимость Австрии от Германии возросла перед войной, когда были необходимы деньги на вооружение и на покрытие расходов во время Балканских войн. Многие австрийцы не были довольны своим государственным статусом более слабого партнера в союзе с Германией. Они также беспокоились, что Германия посягала на австро-венгерские рынки на Балканах, и были раздражены тем, что Германия наживалась на торговле во время войны Австрии с Сербией с 1905 по 1909 г., **заняв** место Австрии, которая являлась традиционным торговым партнером Сербии. Многие венгры со времени главного конституционного кризиса 1905 г. с радостью восприняли бы замену слишком большой зависимости от Берлина и Вены на французскую финансовую поддержку. Такая перспектива особенно волновала германцев, и несколько попыток венгерского правительства и местных властей пе-

267

Истоки первой мировой войны

реговорить с французскими банками о проведении займов получили отказ министра иностранных дел в Вене под нажимом Германии. В канун войны это чувство беспомощности и зависимости возросло: австрийские финансисты были обеспокоены, сможет ли Германия профинансировать ее как требовалось. "Австрия терпит неудачу,— сказал в 1912г. директор ведущего австрийского банка,— приобретя союзников, которые не могут помочь ей в финансовой сфере". Сам он был, как он сказал германскому послу:

"...горячим и твердым сторонником союза с Германией, но нельзя отрицать, что в то время Австрия страдала по край-

27

ней мере в финансовом отношении от союза". На практике у австрийцев не было выбора. Несмотря на обсуждения с французскими банками ряда возможных займов, французское правительство при поддержке России запретило на Парижском акционерном рынке размещать займы австрийского и венгерского правительства и других общественных организаций. Некоторые из них были предназначены для военного и морского вооружения. Германские финансисты были не особенно заинтересованы в размещении австрийских займов во время, когда в Германии капитал был в дефиците. Тем не менее министр иностранных дел Германии настоял, чтобы займы Австрии были размещены, даже при том, что пришлось отказать в займах Турции и Греции, которые, как полагали банкиры, были более при-

268

Международная экономика

быльными. Ягов, министр иностранных дел, подчеркнул политическое значение займа, поскольку отказ "послужит сильнейшим оружием в пропаганде против Тройственного союза, который недавно возник и, как надеются наши враги за рубежом, будет иметь неблагоприятные последст-

9я

вия". Даже в июле 1914г. некоторые австрийские банкиры не оставили надежду на сотрудничество с Францией. 20 июля представитель венских банков сообщил, что Вивиани склоняется к мысли о размещении австрийского займа осенью. Австрийский же министр иностранных дел оставался равнодушным к банкам, в то время как банкиры хотели получать предупреждения от министерства иностранных дел о возможных международных кризисах с тем, чтобы оценить свой капитал на фондовой бирже, прежде чем предпринимать инициативу во внешней политике. Информация, которую они получали, не всегда была точной: в марте 1914г. генеральный секретарь банка Австро-Венгрии мог воскликнуть: "Не имея желаний платить пророкам, я тем не менее должен заметить, что полуофициальные заявления поступают наперебой, но мы имеем сообщения также и от частных, хорошо информированных источников, которые позволяют нам сделать заключение, что по крайней мере в ближайшем будущем нам нечего бо-

10

яться, что мир будет нарушен". Были ли правительственные круги в Австрии также удивлены июльским кризисом, как и банкиры?

269

Истоки первой мировой войны

В деятельности обоих союзов — франко-российского и германо-австрийского, политика банковских инвестиций служила внешней политике правительств. В случае французской финансовой помощи России это в большей мере была операция прибыльная. Германские инвестиции в Австрии назывались определенными финансовыми жертвами. В других сферах, где министры иностранных дел надеялись использовать финансовую политику для поддержки своей внешней политики — в Турции, на Балканах, или Марокко, к примеру, — финансовые прибыли и потери создавать было трудно, и они зависели не только от заинтересованности в займе, но и от заказов на товары, которые часто являлись главным условием займа и которые (поскольку во многих случаях банки владели большой долей акций фабрик, производивших товары на экспорт), конечно, приносили прибыль банкам. Банки участвовали в бизнесе в основном для того, чтобы делать деньги для себя и своих клиентов, но в сложной системе международных финансов, которая развилась с ростом промышленного капитализма в Европе, отношения между банкирами и правительствами были, возможно, теснее, чем правительственные отношения с любыми другими заинтересованными группами. Иногда банкиры вынуждали

правительства принимать меры — в возвращении долгов из Египта, или заставляя Китай "открыть двери". Иногда правительства заставляли банки делать инвестиции

270

Международная экономика

из политических соображений в сферы, где финансовые выгоды не появлялись сразу.

Эти отношения становились легче благодаря тому, что во многих европейских странах банкиры были социально ближе к людям, осуществлявшим политическую власть, чем большинству других бизнесменов, хотя тот факт, что они могли навязать свои взгляды политикам, не означает, что они это делали. И все-таки они были частью того же социального круга: Ревьер, французский премьер-министр времен марокканского кризиса, сам был банкиром, а германское правительство использовало его финансовые знакомства в Германии, чтобы усилить свое давление на французское правительство в 1905г. Лорд Розбери, британский премьер-министр в 1894-1895 гг., был женат на Ротшильд. Оба— Кидерлен-Вехтер и Бетман Гольвег — выходцы из семей банкиров. Сэр Эрнст Кассель, финансист, гражданин Германии, проживавший в Лондоне, был известным членом круга друзей короля Эдуарда VII. Голь-штейн, наиболее влиятельная фигура германского министерства иностранных дел в десятилетие перед 1906г., был близким другом Пауля фон Шва-баха, главы банка Бляйхредер, основателем которого был Бисмарк, личный финансовый советник и один из немногих евреев, возведенных в прусское дворянство. Тиса, премьер-министр Венгрии в 1914г., был большим другом главы одного из банков в Будапеште. Даже в строго разделенной социальной системе

271

Истоки первой мировой войны

Австрии венские банкиры, хотя они были Ротшильды, причислялись к второсортному обществу. Вар-бургский банковский дом в Гамбурге имел тесные связи с министерством иностранных дел, его глава Макс Варбург был приглашен гостем кайзера на регату в Киль и был шокирован, когда на обеде в Гамбурге в июле 1914 г. он услышал, как кайзер говорил о возможности предупредительной войны против Франции¹⁰.

, Международные банки находились в парадоксальном положении, характерном, возможно, для всей капиталистической системы Европы. С одной стороны, через тесное взаимодействие с правительствами они были вынуждены из-за инвестиционной политики приводить к сплочению в союзы и к росту колониального соперничества. С другой— они получали прибыли от роста международной торговли и были заинтересованы в обеспечении ее непрерывности, несмотря на международную напряженность. У них были тесные личные и семейные связи с иностранными банками: Ротшильды были наиболее известной международной династией, Варбурги из Гамбурга, к примеру, находились в родстве по браку с двумя старшими партнерами нью-йоркского банковского дома, Куном, Лоэбом и одним из директоров российской фирмы Гинзбургом. Во время кризиса в июле 1914г. глава лондонских Ротшильдов использовал, хотя и безуспешно, все свое влияние, чтобы заставить "Тайме" перестать пропагандировать полити-

272

Международная экономика

ку Британии по поддержке Франции и России. Одним из наиболее значительных, факторов, работавших против вступления Британии в войну, было заявление Грея 31 июля о том, что "коммерческая и финансовая ситуация чрезвычайно серьезна" и что "существовала опасность совершенного краха, который приведет к нищете"

Международные связи . банкиров и бизнесменов иногда использовались для секретных дипломатических переговоров. Визиту в Берлин лорда Гол-дана в 1912г. для переговоров о морском разоружении предшествовали контакты между Альбертом Баллином, главой паровой линии Гамбург — Америка, и финансистом Эрнстом Касселем. Баллин снова посетил Лондон 24 июля 1914 г. и был приглашен Касселем на обед для встречи с Черчиллем и Голданом. Он поведал британским министрам о возможных условиях английского нейтралитета в случае войны. Многие люди верили, что существование такой сети личных и деловых контактов во всей Европе сделает войну нереальной, поскольку никто не выиграет от войны. "В настоящее время в Европе много миролюбивых сил, — сказал лидер бельгийских - социалистов Эмиль Вандервельде, когда его спросили об опасности войны в 1911г.,— начиная с еврейских капиталистов, которые оказывали финансовую поддержку многим правительствам..."¹. Английский публицист Норман Ангел доказывал в своей широко известной книге "Великая иллюзия" (1909), что война принесет

273

Истоки первой мировой войны

экономическое разрушение победителю и побежденному и что "капиталист не имеет страны, и он знает, будь он современным, оружие, завоевания и манипуляция с границами принесут поражение ему и многим таким, как он"³³.

Природа экономической жизни в начале двадцатого столетия была такова, что международная торговля и финансовые связи часто имели двусторонний политический эффект. Существовало все еще много бизнесменов, которые верили, что рост международной торговли неотвратимо приведет к невозможности войн, другие же, столкнувшись с падением доходов и сильной конкуренцией, становились националистами и заботились о том, чтобы правительство защищало их интересы, вводя тарифы или оказывая более сильную дипломатическую, а в некоторых случаях, по крайней мере в колониально-территориальных спорах, военную поддержку. К концу девятнадцатого столетия все ведущие европейские государства, исключая Великобританию, ввели защитные тарифы. Размеры и сущность тарифов были предметом острых споров во внутривнутриполитической жизни, стабильность консервативного блока, на который опиралось германское правительство в парламенте, зависела от процесса заключения сделок между аграриями и промышленниками. Политика протекционизма влияла и на международные отношения. Тарифы стали важным дипломатическим оружием. Возобновление приверженности Италии к Тройствен-

274

Международная экономика

Тройственному союзу в 1891 г. в основном зависело от одновременного подписания торгового договора, выгодного для Италии⁴.

Большое государство могло использовать дискриминационные тарифы, чтобы навязать свою волю маленькому государству, как делали австрийцы во время "войны свиней", пытаясь помешать установлению тесного экономического союза Сербии с Болгарией и заставить сербов продолжать покупать оружие у Шкоды, а не у Шнейдер-Крёзо. Это закончилось полным поражением Австрии. Ее попытки навязать свою волю, запрещая сербский экспорт, привели к тому, что Сербия нашла другие рынки сбыта, уменьшилась ее зависимость от Австрии и увеличилась враждебность сербов к Габсбургской монархии. Каждая страна жаловалась на специфические тарифы в других странах, но это приобретала международную политическую значимость тогда, когда отношения между государствами ухудшались по другим причинам. Франция не обращала особого внимания на новые тарифы в Германии, которые были введены в 1906 г. во время относительно хороших отношений двух стран, и начала серьезно жаловаться, когда эти отношения ухудшились. После кризиса в Агадире поступали жалобы от Германии на недружелюбное и бюрократическое отношение французских таможенных

офицеров по отношению к германским экспортерам. Таким образом, экономические разногласия

275

Истоки первой мировой войны

помогли аргументировать растущую враждебность между двумя нациями.

Переговоры о возобновлении германских коммерческих соглашений, подписанных в 1904[^]-1905гг., не только иллюстрировали некоторые серьезные экономические и политические проблемы, стоявшие перед Германией накануне войны, но и резко увеличили антагонизм между Германией и Россией. В начале 1914г. в Германии произошел спад производства и от этого возросло напряжение между производителями, которые хотели иметь широкий рынок сбыта и были готовы к снижению тарифных барьеров, надеясь на расширение торговли. Представители же сельскохозяйственного сектора, которых в Пруссии было большинство, настаивали на создании или увеличении существующих защитных тарифов.

Весной 1914г. официальная линия правительства была направлена на то, чтобы тарифная политика в достаточной мере отвечала интересам как германской промышленности, так и сельского хозяйства, а они должны были стараться возобновить коммерческие договоры на существующих условиях³³. Русские не были готовы это сделать. Промышленный прогресс в течение предыдущих нескольких лет увеличил их уверенность в своих экономических силах[^] возросло также недовольство российских националистов контролем иностранцев над российской экономикой. Они понимали, что коммерческий договор с Германией обсуждался во

276

Международная экономика

время войны с Японией, когда Россия была ослабле- на. В частности, Германия увеличила экспорт ржи в Россию и Скандинавию, благодаря скрытым субсидиям правительства, которые позволили снизить цену. Русские хотели уменьшить импорт германского зерна и увеличить собственный экспорт его. В 1914 г. была объявлена новая политика по отношению к импорту иностранного зерна. Даже до дипломатического кризиса в июле 1914 г. с обеих сторон границы велись разговоры о "продолжавшейся великой эконо-

^{н 36}

мической дуэли между русскими и германцами

В Англии также- в течение последних двадцати лет говорили об "экономической дуэли с Германией"³⁷. В обоих государствах шла речь о нечестной конкуренции. У британцев существовали особые причины для беспокойства, особенно из-за угрозы со стороны Германии. Британская доля в мировой торговле уменьшалась, Соединенные Штаты и Германия догоняли Британию по производству железа и стали, в то время как мощь британской более старой промышленности возрастала медленнее. (С экономической точки зрения Соединенные Штаты были такими же угрожающими конкурентами, как и Германия, тем не менее и разговора не было о растущем антагонизме между двумя странами.) В некоторых сферах англо-германские торговые отношения развивались, и, как отметила Зара Штайнер, между 1904 и 1914 гг. Британия стала лучшим покупателем У.Германии, а Германия стала для Британии вторым

по значимости рынком . Особенно страдала от гер-

277

Истоки первой маджово

майских тарифов, одобренных в 1902 г. и введенных в 1906г., британская промышленность— машиностроительная и текстильная. Германские промышленники также жаловались на конкуренцию со стороны Британии, например, производители шерсти беспокоились по поводу "прискорбного предпочтения некоторыми классами общества английской одежды". То, что вызвало в Англии протест в 1890-х годах, отражено в книге, опубликованной в 1896г. Е.Е. Вильямсом "Сделано в Германии", в

которой доказывалось, что: "По всем направлениям английское промышленное производство угрожающе падает и причина этого в большой степени германское производство". Это не столько объективная оценка упадка английской промышленности и коммерции, сколько страх перед проникновением германских коммерсантов на британский рынок, к примеру, на Средний Восток. Жалобы на высокую активность германских торговых кораблей поступали от английских бизнесменов. Французы были также чувствительны к конкуренции Германии, говоря, что четыре или пять представителей французских фирм в Москве конкурируют с 550 германскими⁴¹. В 1896г. М. Шваб опубликовал работу, в которой говорил о тех же проблемах, что и Вильяме. Конечно, стремительный прогресс германской промышленности оказал влияние на отношение к ней иностранных государств и особенно Британии, но были и другие причины, вызвавшие недоверие к Германии. Как об этом сказал в 1906 г. Эдвард Грей:

278

Международная экономика

"Экономический конкурент не очень оскорбляет наш народ. Люди обожают свою устойчивую промышленность и талант организации. Но они обижаются, когда им наносят вред. Они подозревают империю в агрессивных намерениях захватить мировое господство, и они видят, что Германия старается ускорить вооружение с целью преобладания в Европе. Вследствие этого появилось ужасное бремя расточительных расходов, которое легло на все другие державы". Начатая Британией кампания по прекращению свободной торговли и введение защитного тарифа дали понять Германии, что ей отказано в месте под солнцем и его надо отвоевывать. Как об этом написал один националист-консерватор, член рейхстага: "В своде коммерческих законов Англии я могу различить ясное намерение исключить Германию из английских колоний". Наверное, в каждой стране многие бизнесмены, получавшие прибыль от торговли друг с другом, боялись прямой конкуренции и тарифной политики. Некоторые предпочли бы улучшение отношений между Англией и Германией, другие от-экономической озабоченности переходили к политическим обидам. Как об этом написал П. Кеннеди: "Очень показательно, что ни прусские аграрии, ни бирмингемские производители машин не объединились в различные комитеты англогерманской дружбы, в то время как владельцы заводов из Ланкшира и гамбургские банкиры объединились"⁴⁴.

279

Истоки первой мировой войны

Как разобраться в этой сложной сети финансовых и торговых отношений, руководствуясь теорией, что главные причины войны были экономические? Политики, принимавшие решения в 1914г., мало учитывали экономические соображения, а когда они столкнулись, как столкнулось британское правительство с возможностью для лондонского Сити полного банкротства иностранного обменного рынка и невозможностью получения долгов из стран, которые были вовлечены в войну, — тогда они поняли всю ее разрушительную силу. Все, имевшие отношение к власти в Европе, глубоко осознали, что угроза экономического разрушения заставит покончить с войной за несколько месяцев или даже недель. Венгерский министр финансов полагал, что война не сможет продолжаться более трех недель и военное производство Австро-Венгрии едва выдержало бы даже этот срок— так что зависимость от Германии возросла соответственно. Планы России по расходам на содержание армии в 1914г. основывались на том, что текущие политические и экономические обстоятельства главных сторонников России исключали возможность длительной войны⁴⁵.
Перед 1914г. правительства были обеспокоены финансовыми проблемами в связи с

осуществлением огромных программ вооружения, но они совсем не брали в расчет те экономические меры, которые потребуются, когда война начнется. Большинство стран обладало золотым запасом, достаточным для покрытия расходов на мобилизацию, но другие подгото-

280

Международная экономика

тельные мероприятия для войны почти не были проведены. Германское правительство было обеспокоено, по крайней мере с 1906г., трудностями, связанными с обеспечением населения продовольствием, если импорт его из-за границы прекратится. Тем не менее министр внутренних дел заверил правительство, что снабжение отечественной рожью и картофелем будет достаточное, но ничего не было сделано, главным образом потому, что цена складирования зерна была очень высока из-за тарифа, который аграрии не позволили бы смягчить. В 1912 г. генеральный штаб и военный министр Пруссии ввели новую программу производства военного снаряжения, частично потому, что были поражены, с какой скоростью расходовались боеприпасы в русско-японской войне. Но опять были приняты недостаточные меры, и весь запас боевого снаряжения был израсходован почти через два месяца войны⁴⁷. Несистематические обсуждения вопроса о снабжении продовольствием и амуницией ясно показывают, что германцы плохо себе представляли, какой будет война и сколько она продлится⁴⁸.

И другие воюющие страны не приняли в расчет экономические последствия и нужды войны. Британия практически не предприняла никаких серьезных мер подготовки к войне, частично потому, что даже военное руководство • очень слабо представляло, во что выльется война и какие людские ресурсы потребуются, а частично из-за глубокого инстинктивного нежелания большинства либеральной партии поду-

281

Истоки первой мировой войны

мать о перспективе войны. Многие аспекты материального планирования войны просто игнорировались, особенно из-за экономии, вызванной необходимостью вкладывать средства, в строительство флота и а социальную сферу. Военное ведомство сократило расходы на снаряжение почти в три раза в периоды между 1905-1906 гг. и 1912-1913 гг.⁴⁹ Несколько раз обсуждалось, как осуществить импорт продовольствия во время войны и высказывались опасения, что золотые запасы Британии могут иссякнуть, а растущая торговля и банковская мощь Германии увеличит трудности настолько, что создаст угрозу золотому запасу Лондона перед или во время конфликта между двумя странами. Эти опасения прошли, и такие вопросы, как складирование продовольствия и амуниция, или экономические и социальные последствия объявления войны, уже больше не являлись основанием для действий, 4 августа 1914г. Ллойд Джордж объявил, что "политика правительства направлена на поощрение торговцев вести свои дела как обычно"⁵¹. Правда, это было сказано, когда правительству было уже невозможно принимать меры по организации тотальной войны. У русских винтовок было столько, что хватило лишь на мобилизацию. Все ранее сделанные запасы были распроданы. Уже в сентябре 1914г. армейское командование жаловалось на нехватку амуниции, обнаружив, что уровень расходов был в три раза выше ожидаемого, начался всеобщий кризис снабжения и распределения, который явил-

282

Международная экономика

ся одной из причин революции 1917г.⁵² Во Франции за два года до войны правительство склонялось к тому, чтобы увеличить численность армии, установив трехгодичный срок службы, и думало, как оплатить это, очень заботясь о том, чтобы снабдить обмундированием и амуницией дополнительных солдат. В армии также не

хватало нескольких типов оружия, а именно тяжелой артиллерии. 13 июля 1914г. Ч. Хумберт обратил внимание сената на трудности в материальном обеспечении, и после двух дней дебатов пришли к решению, что парламентская комиссия после летних каникул представит доклад о положении в армии⁵³. Государственные артиллерийские заводы не могли выполнить все заказы армии, а фирмы по обыкновению устанавливали высокие цены и даже Шнейдер-Крёзо не имел достаточно оборудования для массового производства⁵⁴. Производитель автомобилей Рено, один из самых предприимчивых и удачливых французских промышленников, дал яркую картину положения в начале войны: где-то 8-9 августа его вызвал военный министр. Рено нашел его очень расстроенным, он ходил взад-вперед по кабинету, повторяя: "Нам нужно иметь снаряды, нам нужно иметь снаряды"⁵⁵. Когда один из старших генералов спросил, может ли он производить снаряды, Рено ответил, что не знает, он никогда их не видел. Когда он организовал в Парижском округе и запустил производство снарядов, государственные арсеналы и фир-

Истоки первой мировой войны

мы Шнейдер-Крёзо и Сент-Щаман должны были уступить свою монополию производителям снарядов. Таким образом, реорганизация армии реально началась не раньше осени⁵⁵.

Правительства не учитывали экономических факторов в своих военных планах, частично потому, что были уверены, что война будет короткой, и частично потому, что не знали, чего ожидать после мобилизации, когда начались открытые стратегические действия. Непосредственные мотивы вступления в войну не были экономические, а скорее политические, эмоциональные или стратегические. Конкуренция в торговле, поскольку к ней было привлечено внимание националистическими публицистами, усиливала общественные настроения и международное недоверие и обеспечивала один фактор, сам по себе не достаточный, — установление врагов. Производители оружия делали деньги на контрактах со своим правительством, но также и торгуя с другими правительствами. Этот рынок они теряли в случае войны. Более того, они производили продукцию с максимальной нагрузкой, из-за реорганизации, предпринятой через несколько месяцев после начала войны. Конечно, они делали деньги на войне (одна из французских компаний-производителей стали, к примеру, увеличила свою прибыль вчетверо с 1913 по 1915г.⁵⁶), так же как и многие другие "мужчины с тяжелыми лицами, которые выглядели так, как будто, несмотря на войну, у них все было хорошо"⁵⁷. Они снабжали обувью или углем, фуражом или еще чем-

Международная экономика

либо важным военную экономику. Не существует свидетельств того, что они подталкивали правительства к войне, и тот факт, что они наживались на ней, вряд ли достаточен для подтверждения того, что они были ответственны за нее. Конечно, существовали промышленники и военные, которые надеялись, что раз война началась, то она расширит их рынки и обеспечит им стратегическое положение (маршал Гинденбург оправдывал свои надежды на большие аннексии территории России словами: "Мне они нужны для маневренности моего левого фланга в следующей войне"). В германских промышленных и финансовых кругах в течение нескольких лет шли разговоры, особенно среди банкиров и тех, кто был вовлечен в новые отрасли промышленности, о необходимости увеличить германскую экономическую сферу созданием новой Центральной Европы, обширной зоны со смягченными условиями торговли, которая снабдит Германию рынками и освободит ее от импорта продовольствия. Промышленники старых отраслей, например, производители железа и стали, старались, как мы видим, обеспечить себе источники сырья, приобретая контрольные пакеты акций шахт во Франции и в других странах. В сентябре 1914г., когда

было похоже, что Германия почти одержала полную победу над Францией, казалось, что одну из этих идей удастся осуществить на практике. Бетман Гольвег одобрил программу усиления аннексации на Востоке, которая после-

285

Истоку первой мировой войны

дует за опрокидыванием назад границ России и прекращением российского правления над нерусскими народами. Это должно было произойти по двум причинам: для реализации мечты о господстве Германии в Центральной Европе и осуществления германской тяжелой индустрией прямого контроля над шахтами Бельгии и Франции. И до-называлось, что исключительно для достижения этого Германия вступила в войну и что только это могло избавить экономику от трудностей и противоречий, так остро проявившихся весной 1914г. На самом ли деле они объявили войну с целью достижения этих экономических и геополитических преимуществ или из-за ряда более срочных причин, мы не узнаем никогда. Очевидно то, что когда война началась, многие воюющие страны начали думать о выгодах, которые принесет победа. Британия намеревалась ослабить германскую коммерческую и промышленную конкуренцию и покончить с угрозой германского флота. Французские железные и стальные магнаты из *Gomite des Forges* начали, как и их германские противники, подумывать о территориальных приобретениях, которые позволят им контролировать сырьевые источники. Россия рассчитывала, получив подход к Константинополю, установить постоянный контроль над проливами. Существует, наверное, разделение между военными целями, из-за которых она надеется заключить мир, поскольку война уже началась и победа близка⁹⁹.

286

Более того, начало войны временно облегчает ряд сиюминутных политических проблем правительств-участников. Высокие налоги можно взимать исключительно на патриотической основе, как в Англии, где налог на доход несколько раз поднимался и был поставлен на рассмотрение налог на сверхприбыль. Объявлялись специальные военные займы, и патриотический долг состоял в том, чтобы подписаться на них, чему помогала хорошо организованная пропагандистская кампания, не слишком заботясь о том, как собранные деньги будут выплачены (это составило главную проблему для французского и германского правительств по окончании войны). Здесь опять пришлось бы представить намного больше свидетельств того, что правительства умышленно вступали в войну с целью решить проблемы бюджета.

Трудно найти подтверждение того, что эта конкретная война в этот конкретный момент была прямым следствием экономической необходимости. Если мы допустим, что причины войны были экономические, тогда нам нужно рассмотреть направления развития европейского общества в течение десятилетий перед первой мировой войной. Жан Жорес, наиболее красноречивый из французских социалистических лидеров, заявил в 1895 г.: "Ваше хаотическое и неистовое общество, даже когда хочет мира, даже когда оно в состоянии покоя, несет в себе войну, как спящая туча несет в себе гром". Напряженное капиталистическое соревнование, утверждал Жорес,

287

Истоки первой мировой войны

"неизбежно делает человека человеку врагом. В этом обществе страданий, чтобы защитить себя от тревог, постоянно идущих из его недр, необходимо постоянно укреплять свою броню в этот век безграничной конкуренции и перепроизводства, когда конкуренция происходит между армиями и производителями вооружения. Существует только один путь окончательного прекращения войны между людьми — это прекратить войну между отдельными лицами, прекратить экономическую войну, беспорядок настоящего "общества, и заменить на всеобщую борьбу за существование,

которая закончится со всеобщей борьбой на полях сражений, и установится власть социального мира и единства" ⁶⁰. До самой смерти 31 июля 1914 г. Жорес надеялся, что войны можно было избежать путем разоружения и арбитража, путем организации национальной обороны, которая сделает невозможным развязывание агрессивной войны, образовывая людей, призывая их объединяться. Жорес никогда не детализировал мысль, в чем состояли конкретно связи между преобладающей экономической системой и войной, но ограничивался осуждением милитаризма и империализма, не анализируя их подробно. Несмотря на утверждение о том, что капиталистическая система является источником войны, Жорес верил, что ее можно смягчить таким образом, что грозное облако войны не обязательно разразится громом.

Марксистские теоретики настаивают на том, что война присуща природе капитализма и усущаю-

288

Международная экономика

щийся кризис капитализма приведет к войне. Они говорили, что война будет результатом империалистической враждебности, вызванной потребностью капитализма получать прибыли путем постоянного поиска новых областей инвестирования, новых источников сырья, дешевого труда и новых рынков. Если война заложена в капитализме, тогда мы должны изучить природу европейского империализма в начале двадцатого века и постараться решить, насколько империалистическая враждебность явилась причиной войны, которая разразилась в 1914 г.

Примечания

¹ For the Stuttgart Congress and the resolution on militarism and international conflicts, see e.g. James Joll, *The Second International 1889-1914* (new edn, London 1974), pp. 135-152.

² See Eckart Kehr, *Schachtflottenbau und Parteipolitik* (Berlin 1930).

³ For the British Navy League, see W. Mark Hamilton. "The nation and the navy: methods and organization of British navalist propaganda, 1889-1914" (unpublished Ph.D. thesis, University of London 1978).

⁴ Paul Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860-1914* (London 1980), p. 299.

⁵ Volker Berghahn, *Rüstung und Machtpolitik* (Diisseldorf 1973), pp. 55 ff.

⁶ Bernard Michel, *Banques et Banquiers en Autriche au debut du 20e siecle* (Paris 1976), p.179.

⁷ Raymond Poidevin, 'Fabricants d'armes et relations internationales au debut du XXe siecle', *Relations Internationales* 1, May 1974. Much of what follows is based on this important article.

⁸ Clive Trebilcock, *The Vickers Brothers: Armaments and Enterprise 1854-1931* (London 1977), pp. 120-121.

10.

Зан. SOQ

289

Истоки первой и мировой войны

⁹ Poidevin, 'Fabricants d'armes', p. 42.

¹⁰ See esp. Bernard Michel, *Banques et Banquiers en Autriche au debut du 20esiecle* (Paris 1976), p. 179. Rene Girault, *Emprunts russes et investissements frangais en Russie 1887-1914* (Paris 1973), p. 345, fn. 2. Professor Girault's work is fundamental for an understanding of this whole question.

¹² Raymond Poidevin, *Les Relations Economiques et Financiers entre la France et l'Allemagne de 1898 a 1914* (Paris 1969), p. 178. Together with the work of Girault mentioned above, this goes a long way to giving a definitive account of the role of economic factors in French and German foreign policy.

¹³ Girault, op. cit., p. 568, Poidevin, *Relations economiques*, p. 678.

¹⁴ Herbert Feis, *Europe, The World's Banker 1870-1914* (New York 1965), pp. 23, 51.

¹⁵ Girault, op. cit., p. 580; Feis, op. cit., p. 51. ¹⁶Girault, op. cit., p. 430.

¹⁷ Girault, op. cit., p. 443.

¹⁸ Girault, op. cit., p. 446, n. 77.

¹⁹ *The Times*, 11 June 1907.

²⁰ *Les dirigeants politiques et economiques fran9ais de la Hie republique n'ont pas choisi la neutrality vis-a-vis du regime politique de la Russie, ils ont opte pour le tsarisme; ce faisant, ils se sont interdit toute reelle influence sur le cours futur des evenements interieurs en Russie', Girault, op. cit., p. 447.

²¹ See Hartmut Pogge von Strandmann, 'Rathenau, die Gebrüder Mannesmann und die Vorgeschichte der Zweiten Ma-rokkokrise', in I. Geiss and Bernd Jiirgen Wendt (eds) *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts* (Dusseldorf 1973), pp. 251-270 and Poidevin, *Relation economiques*, pp. 475-80.

²² Poidevin, *Relations economiques*, pp. 654-819.

²³ *Documents diplomatiques frangais 1871-1914*, 2 serie, Vol. IV (Paris 1932). No 174, p. 245. See also Raymond Poidevin, *Finances et Relations Internationales 1887-1914* (Paris 1970), p. 91.

²⁴ Poidevin, *Finances et Relations Internationales*, p. 92.

²⁵ C. Seton-Watson, *Italy from Liberalism to Fascism* (London 1967), pp. 284 ff.

. 290

МежгУнагюдная ЭКОНОМИКА

²⁶ Poidevin, *Relations economiques*, pp. 553-554; John Whit-tarn, *The Politics of the Italian Army* (London 1977), p. 156.

²⁷ F. Fischer, *Krieg der Illusionen*, (Dusseldorf 1969), p. 422.

²⁸ Fischer, *Krieg der Illusionen*, p. 423.

²⁹ Michel, op. cit., p. 336.

³⁰ E. Rosenbaum and A.J. Sherman, *Das Bankhaus MM. Warburg & Co. 1798-1938* (Hamburg 1976), p. 140.

³¹ G.P. Gooch and Harold Temherley (eds) *British Documents on the Origins of the War 1908-1914*, Vol. XI (London 1926). No. 367, pp. 226-227.

³² Quoted in Georges Haupt, *Socialism and the Great War: The Collapse of the Second International* (Oxford 1972), pp.73-74.

³³ Norman Angell, *The Great Illusion* (3rd edn, London 1911), p. 269.

•³⁴ See Rolf Weitowitz, *Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler Leo von Caprivi 1890-1894* (Diusseldorf 1978)

Ch. 7.

³⁵ See Egmont Zechlin, 'Deutschland zwischen Kabinetts- und Wirtschaftskrieg¹', *Historische Zeitschrift?* 199 (1964) and Fischer's reply in *Krieg der Illusionen*, pp. 529-530.

³⁶ Fischer, *Krieg der Illusionen*, p. 540, quoting the President of the Russian Duma's committee on agriculture.

³⁷ See the excellent discussion in Zara Steiner, *Britain and the Origins of the First World War* (New York 1977), pp. 59-68, and Kennedy, op. cit., Ch. 15. See also the statistics in Michael Balfour, *The Kaiser and his Times* (London 1964) Appendix I.

³⁸ Steiner, op cit, p. 41. "Kennedy, op. cit., p. 297.

⁴⁰ Quoted in W.L. Langer, *The Diplomacy of Imperialism* (2nd edn. New York 1951), p. 245.

⁴¹ Poidevin, *Relations economiques*, p. 143.

⁴² G.M. Trevelyan, *Grey of Fallodon* (London 1937), p. 115. ⁴³ Kennedy, op. cit., p. 298. ⁴⁴ Kennedy, op. cit., p. 305.

⁴³ Norman Stone, *The Eastern Front 1914-1917* (London 1975), p. 145.

⁴⁶ Fischer, *Krieg der Illusionen*, pp. 286-287.

10'

291

Истоки первой мировой войны

⁴⁷ Gerald D. Feldman, *Army, Industry and Labor in Germany, 1914-1918* (Princeton 1966), p. 52.

⁴⁸ Fischer, *Krieg der Illusionen*, pp. 284-288.

⁴⁹ David French, *British Economic and Strategic Planning 1905-1915* (London 1982), p. 45.

⁵⁰ Memorandum on British gold reserves sent to the Chancellor of the Exchequer by Sir G. Paish, January or February 1914.. Mar-cello de Cecco, *Money and Empire: The International Gold Standard 1890-1914* (Oxford 1974), p. 207.

⁵¹ French, op. cit., p. 92.

⁵² Stone, op; cit., p. 146.

, " Georges Bonnefous, *Histoire Politique de la Troisieme Re-publique*, Vol. II. La Grande Guerre (1914-1918) (Paris 1957), pp. 17-18. Douglas Porch, *The March to the Marne: The French Army 1914-1918* (Cambridge 1981), pp. 238-239.

⁵⁵ Porch, op. cit., pp. 242-243.

⁵⁵ Patrick Fridenson, *Histoire des Usines Renault*, Vol. I. *Nais-sance de la grande Entreprise 1898-1939* (Paris 1972), pp. 89-90.

⁵⁶ Theodore Zeldin, *France 1848-1945*. Vol. II. *Intellect, Taste and Anxiety* (Oxford 1977), p. 1047.

⁵⁷ The phrase is reported by J.M. Keynes as having been used by the Conservative politician Stanley Baldwin about the members of the British Parliament elected in November 1918. Roy Harrod, *The Life of John Maynard Keynes* (London 1951), p. 266.

⁵⁸ John Wheeler-Bennett, *Hindenburg, The Wooden Titan* (new edn, London 1967), p. 127.

⁵⁹ For a discussion of this point see Erwin HSlzle, *Die Selbstentmachtung Europas* (Gottingen 1975), pp. 38-41. Without accepting the premises of Holzle's attack on Fischer, the distinction seems to me a useful one.

⁶⁰ Max Bonnefous (ed.) *Oeuvres de Jean Jaures: Pour la Paix, Vol I. Les Alliances Europeennes J887-}903* (Paris 1931), pp.75-77.

Глава седьмая

Империалистическая конкуренция

Непосредственные причины первой мировой войны находятся в Европе. Империалистическая конкуренция конца девятнадцатого столетия и начала двадцатого иногда разрушала европейские союзы великих держав. Но почти век империалистической экспансии повлиял на то, как люди относились к международным отношениям, и на язык, на котором они обсуждали внешнюю политику. Для каждой страны, которая участвовала в войне, слово "империя" имело разный смысл, но в последние двадцать лет девятнадцатого столетия почти все правительства полагали, как выразился один французский государственный деятель: "Чтобы оставаться великой

295

Истоки первой мировой войны

нацией, или стать таковой — необходимо иметь колонии" ¹.

За каждой попыткой приобрести новые колонии стояли разные и сложные причины. Историки много писали о типах империализма и показали, что главное, что толкало на завоевание колоний, была надежда на экономическую выгоду. А владение колониями создавало новые проблемы — охрана границ и ликвидация конкурентов². Сами колонии начинали быстро проявлять заинтересованность в местных капиталовложениях, и возник так называемый "субимпериализм". Французские офицеры и губернаторы в Алжире были вынуждены контролировать родичей бунтовщиков, не позволяя им укрывать бунтовщиков за границей. Южно-африканский бизнесмен Сесиль Роде, одно время бывший премьер-министром колонии Кэп, намеревался распространить влияние Британии во всей Южной Африке и получить территории, которые позже были названы его именем. Конец эры свободной торговли означал, особенно для Британии, что территории, которые стали колониями, теперь были закрыты для торговли, и это явилось еще одной причиной для захвата свободных или спорных территорий.

Некоторые историки называли британский империализм середины девятнадцатого века "империализмом свободной торговли", при котором торговое и финансовое господство Британии не требовало специального прямого политического контроля ³.

Правда и то, что Британия часто заставляла силой

2%

Империалистическая конкуренция

страны открывать порты для британских торговцев, пренебрегая существующими правилами, как, например, в двух китайских войнах 1839-1842 и 1856-1860 гг. Таким образом, на протяжении девятнадцатого века и Британия и Франция расширили свои колониальные империи. Франция завоевала Алжир и оккупировала Тунис, захватила обширные и богатые территории в Индокитае. Британия завладела кроме остальных территорий Сингапуром, Гонконгом, Малайей и оккупировала Египет, а также усилила и распространила свои права в Индии, достигнув Бирмы. Но в последние два десятилетия девятнадцатого века возросла империалистическая конкуренция, особенно в Африке и на Дальнем Востоке, а те державы, которые не обладали колониями (Италия и Германия), осознали, что им необходимо иметь их на общих основаниях для престижа и поднятия национального самосознания.

Экономические мотивы колонизации были разные: защита интересов европейских держателей облигаций в Египте или Тунисе, надежды тех, кто строил планы о добыче золота и алмазов в Южной Африке, эксплуатация местных сельскохозяйственных плантаций какао или кофе, производство каучука, пальмового масла, острая необходимость в рынках для европейских товаров (брат Сесилия Родса писал из Уганды в 1893 г.: "Уганде требуются обувь, чулки и оперные бинокли, и потребности

растут с каждым днем"), возможность выгодных капиталовложений в железные дороги или телеграфную систему. Многие

297

Истоки первой мировой войны

могло быть выполнено без соблюдения прямых правил. Но зачастую торговцы, особенно в некоторых частях Западной и Восточной Африки, испытали потребность в правительственной защите против враждебности местного населения, от работоторговцев или от представителей других европейских держав. И правительства, иногда неохотно, брали на себя эти обязательства. Группы воздействия, способные повлиять на правительства, не всегда представляли тех, кто имел большое экономическое влияние. Британская торговля с Китаем, к примеру, представляла небольшую долю от всей заморской торговли Британии, но крупные коммерсанты Джардин Матесон или Баттерфляй и Свайер оказывали влияние на министерство иностранных дел. Во Франции, где империализм никогда не становился таким популярным, как в Британии, сравнительно небольшая группа людей имела прямые колониальные интересы — экономические, стратегические и др. — во Французской империи, и у них были большие возможности определять политику, воздействуя на правительство. Попытки Германии приобрести колонии в Африке начали несколько коммерсантов из Гамбурга, полные надежд найти рынки при участии исследователей и авантюристов. Это было организовано Бисмарком в 1884 г. для того, чтобы набрать голоса на выборах в рейхстаг. Бисмарк, не имеющий долгосрочных интересов за пределами Западной Европы, вскоре отошел от колониального курса, но группа воздействия осталась, и после ухода Бисмарка в 1890 г., усилила свое

298

Империалистическая конкуренция

воздействие на германскую политику мирового подства.

В течение 1890-х годов главными империалистическими соперниками были Британия и Франция в Африке, и Британия и Россия на Дальнем Востоке. Британия и Франция оказались на грани войны в 1898 г. из-за противоречий на Верхнем Ниле. Англо-русские противоречия в Азии были длительным фактором в международных отношениях, по крайней мере с 1830-х годов, и они усилились к концу века, когда стало ясно, что Китай — объект борьбы за влияние между европейскими державами. Империалистические интересы не всегда совпадали с интересами европейских союзов. Французам не удалось убедить своих российских союзников оказать им активную поддержку против Британии в Африке, и они готовы были объединиться с Германией в Китае в 1895 г. для ослабления британского господства там. Все империалистические государства, включая новичков (Японию), были готовы работать вместе в 1901 г., когда восстание "боксеров" в Китае стадо угрожать всем иностранным державам, пользовавшимся слабостью Китая с выгодой для себя. В течение десяти лет оккупация с колониальными целями и конкуренция были главными чертами международной жизни. В 1904 г. Англия достигла соглашения по колониям с Францией, а в 1907 г. заключила союз по некоторым вопросам с Россией. Это было, как мы видели, главным образом из-за решения Германии расширить морскую экспансию, чтобы стать мировой

299

Истоки первой мировой войны

державой, Германия теперь представляла меньшую угрозу для положения Британии как империалистической державы, чем Франция и Россия, но германские претензии в Марокко усилили враждебность между Францией и Германией, вызванной аннексией Эльзаса и Лотарингии. Главной причиной этой перегруппировки был все тот же империализм, но это был империализм иной, он отошел от прямого колониального

противостояния, как в 1890-х годах. Теперь правительство поняло, что Британия — империалистическая держава, занимающая оборонительную позицию, ее возможностей недостаточно, чтобы защитить громадные владения. В то же время Германия задалась целью стать мировой державой. Многие британцы, подбадриваемые прессой, до сих пор были уверены, по словам Джозефа Чемберлена, в том, что "Британская нация — величайшая из правящих наций, каких когда-либо видел свет" ⁵. Но Британии приходилось задумываться о том, как удержать свое место сильнейшей империалистической державы перед лицом соперников. Война в Южной Африке показала, что возможности британской военной мощи ограничены. Она также вызвала сомнения в правильности методов британского империалистического правления и критику со стороны радикалов, а также тех, кто отвечал за послевоенное урегулирование в Южной Африке. Высказывались идеи превращения империи в ассоциацию свободных народов (это касалось колоний с белым населением), а другие колонии могли получить некоторое самоуправление.

300

Империалистическая конкуренция

Самый грандиозный план реорганизации империи был выдвинут Чемберленом, министром колоний. Он намеревался объединить колонии с белым населением в новую империалистическую федерацию и в то же время развивать экономический союз, который превратит всю империю в свободную торговую зону, защищенную тарифами от окружающего мира. Предложения Чемберлена было невозможно принять, потому что такие доминионы, как Австралия и Канада, получившие полное самоуправление, неохотно отдавали даже часть своего суверенитета, с подозрением встречали любое предложение, которое, как они полагали, повлечет за собой большую зависимость вместо империалистической защиты, а также из-за того, что правовые нормы в свободной торговле до сих пор были очень строги, чтобы разрешить какую-либо протекционистскую политику. В 1897г. Чемберлен сказал:

"Если бы была образована федерация, все эти вопросы разрешались бы так называемым представительным органом федерации, и самым первым должен быть вопрос о защите империи. Джендльмены, вы уже видели, какова военная мощь империи, в субботу вы увидите (на морском военном смотре в Портсмуте) потрясающую демонстрацию ее военно-морской мощи, при помощи которой колониальная империя одна может содержать себя ... Сейчас эти корабли и это военное снаряжение создано исключительно для защиты Соединенного Королевства или для

301

Истоки первой мировой войны

защиты интересов внутри страны. Они все созданы для нужд империи, для осуществления и защиты имперской торговли во всем мире". Через пять лет на коронации короля Эдуарда VII Чемберлен выразил надежды на новое экономическое будущее империй:

"... империя может себя содержать сама, она так обширна, производимые ею товары столь разнообразны, она расположена в разных климатических поясах, нет ничего необходимого, даже предметов роскоши, что не производилось бы в пределах империи ... но империя в настоящее время ... привозит громадную часть необходимого из других стран и экспортирует большую часть необходимой ей продукции ... в другие страны".

Этот контраст между идеалами и реальностью британской империи, между словами о том, что империя должна быть защищена и усилена, и опорой Британии на мировую торговлю и открытую экономику, объясняет многие спорные моменты в британской политике за год до 1914 г. Торговые связи с колониями, без сомнения, имели большое значение (в 1902 г. они достигли высшей точки, что составило около 38 процентов

британского экспорта), но эти имперские связи были только частью всей торговли Британии, пока многие колонии фактически были экономически пассивны. Идея экономических преимуществ империи была более важной, чем реальность 1914г., когда утвержде-

302

Империалистическая конкуренция

ние имперских позиций стоило риска вступления в войну.

Джозеф Чемберлен и люди, проповедовавшие новую концепцию империи на исходе века, видели в британской империи средство упрочения британского экономического могущества во времена, когда британское индустриальное превосходство все больше подвергалось сомнению из-за динамичного развития Германии и Соединенных Штатов. Они подчеркивали право британской нации управлять и превосходство британской нации над другими. Британские школьники воспитывались на сказках о героических военных действиях против первобытных людей — "вероломных туземцев", - или людей низших рас⁸, Жестокость и кровопролитие колониальных войн были забыты, оказаны почести храбрым солдатам и колониальным офицерам, которые вершили безраздельное правосудие над многочисленным населением в отдаленных провинциях, неся "бремя белого человека", как сказал Редьярд Киплинг, писатель, отразивший наиболее точно мифы-и реальности империалистической державы. Но чувство превосходства Британии, которое помогало укреплять империю и поддерживалось во многих поколениях, в начале двадцатого века сопровождалось разочарованием, что Британия теряет военные и административные качества, от которых зависело ее процветание. Чемберлен проповедовал, что империя могла стать экономически самообеспеченной, но в то же время другие призывали к более эффективному управлению, порой

303

Истоки первой мировой войны

склоняясь к необходимости расовой полиции для привития имперских черт британской нации. Нация, говорил Пирсон, которая пересела из кресла студента-математика Лондонского университета в еврическое кресло, специально для нее сделанное, должна быть "организованная ... держаться на высоком уровне в конкурентной борьбе, главным образом в войне с низшими нациями, и в борьбе с равными нациями за торговые пути и за источники сырья и продовольствия". В то время как некоторые слои британского общества настаивали на повышении эффективности, более тесных связях в Европе и усиленной подготовке к войне, большинство населения воспринимало империю такой, какая она есть, безоговорочно. Как утверждала новейшая из популярных ежедневных газет "Дейли экспресс", которая преуспела в углублении предубеждений своих массовых читателей: "Наша политика патриотична, наша политика во благо британской империи"¹⁰.

Британская империя вошла в сознание и фольклор всех слоев британского народа, простых и искушенных, и представление о ней было зачастую противоречивым. С одной стороны, она выглядела как сообщество свободных народов, где белые колонии посылали молодежь на помощь своей Родине в ее трудный час, на войну в Южную Африку. Но были и такие страны, как Индия, народам которых Британия отдала правление. Если кому-то захочется восстановить картину империи, какой ее видели простые британцы, тому необходимо подумать о всей совокупно-

304

Империалистическая конкуренция

сти - частично совпадающих и накладывающихся представлений. На так называемом языке дарвинизма об империи можно сказать, как об элементе вечной борьбы за существование, но и на гуманитарных основаниях она также может быть оправдана.

Все империалистические державы должны бы принять с большей или меньшей степенью искренности положение бельгийского католического философа и архиепископа; "С точки зрения провидения колонизация кажется коллективным актом милосердия, которое в данный момент высшая нация должна оказывать обделенной нации и которое как обязательство должно исходить от более культурной нации" . Насколько глубоко симпатия к империи проникла в рабочий класс Британии - чего нельзя сказать о Франции, — до сих пор является предметом споров. Изучение общественного мнения о войне в Южной Африке ¹² выявило в некоторых слоях городского рабочего класса безразличие к империи и к войне, и, как написал один обозреватель, упоминание о британской империи "вызывает смех, и ни один чистосердечный человек не подумал бы, что над этим можно так смеяться" ¹³ . Тем не менее Королевская выставка флота в Лондоне в 1891 г. привлекла внимание около 2,5 миллионов человек, и набор на службу во флот после этого соответственно возрос ¹⁴, а Выставка британской империи в Уэмбли в 1924г. (впервые предполагалось ее проведение в 1913 г., но было отложено из-за войны) вылилась в демонстрацию мощи имперских ресурсов после тяжелого испытания вой-

305

Истоки первой мировой войны

ной. Ее посетили около 18 миллионов человек ¹⁵. Оценивать общественное мнение в прошедшие времена очень трудно, но вспышки народной поддержки во время войны в Южной Африке и тот факт, что в 1914г. противники войны были в меньшинстве, говорит о том, что хотя правительство и пресса во многом способствовали формированию общественного мнения, идея империи и необходимость защиты ее была широко распространена во всех классах. И критика того времени была направлена более на методы, чем на факт колониального правления.

Теория британской империи как главного элемента жизни Британии и ее процветания и главного предмета британского патриотизма и веры, что сохранение этого было вопросом жизни и смерти, была причиной широко распространившегося страха перед тем, что Германия собирается предъявить претензии на мировое господство. Для Британии в 1914 г. угроза, которая исходила от Германии, была не только угрозой какой-либо отдельной колонии. Германский флот становился опасным для британских стратегических линий связи и ее всемирной торговли. Завоевание и охрана путей в Индию было самым главным во внешней политике Британии девятнадцатого века, и было главным в расчетах Британии. Только теперь угроза исходила от Германии, а не от России. Сохранение "свободы на морях" для британской торговли и британского импорта продовольствия и сохранение морских связей с империей были главной задачей британского империализма и государственных деяте-

Звб

Империализм и конкуренция

лей в 1914 г., более главной, чем приобретение новых колоний или даже защита существующих колоний . (Расширение империи стало возможным только после начала войны, благодаря завоеванию германских колоний в Африке и особенно в связи с планами раздела Оттоманской империи. В этих обсуждениях главным противником Британии ^ыла Франция, а не Германия.) Вызов Германии имперскому положению Британии был важнее, чем территориальные претензии.

Кайзер и его советники никогда не формулировали своих целей по осуществлению политики мирового господства. Идеей Тирпица было, как мы уже видели, сделать германский флот настолько сильным, чтобы Британия не начала войну и уступила намерениям Германии, но каковы эти намерения, никогда не было четкого представления. Было много прений о необходимости для Германии занять "место под солнцем", а также ощущение того, что германский флот был главным признаком мощи Германии. Если даже одной из причин создания большого германского флота было желание части германских

правителей добиться национального единства и обеспечить средства усиления социального контроля, многие интеллигенты и публицисты видели в германских империалистических претензиях идеалистическую задачу, которая превосходила силу политики. Германия должна освободить мир от груза британской морской гегемонии, а меньшие нации примкнут к Германии по своему желанию, как к носителю нового и более

307

Истоки первой мировой войны

свободного международного порядка¹⁶, Политика мирового господства, или империализм, в этом ее самое главное значение — и одна из причин, почему она могла служить объединяющей силой для различных слоев германского общества — явила новую цель и новую миссию германского государства. Очень удачно это резюмировано в двух замечаниях Макса Вебера. Он сказал в 1893 г.;

"Страшное проклятие быть потомком, который тянет нацию со дна наверх. Мы не можем вызвать энергию наивного энтузиазма, которой • обладало предшествующее поколение, потому что перед нами стоят другие задачи. Мы не можем использовать их для обращения к великим чувствам, общим для всех наций, как тогда, когда стоял вопрос о создании единства нации и

свободной конституции" .

Выход был, как он заявил два года спустя во вступительной лекции в университете Фрайбурга, в следующем:

"Мы должны осознать факт, что объединение Германии было юношеской шалостью, которую совершила нация в зрелом возрасте, и -лучше это не было бы сделано из-за ее цены, если бы это было итогом, а не началом политики мирового господства Германии" .

Желание Германии стать мировой державой и вызов британской гегемонии в мире — цели довольно расплывчатые, и многие люди отказывались сознавать то, что за этим стояло. Некоторые, наиболее

308

Империалистическая конкуренция

наивные члены германского общества верили во флот, как профессор теологии из Бонна, который сказал: "Мир является доброй и прямой волей господа, война— только пророческое бедствие и наказание ... Но однажды придет Божий мир... но до этого дня пусть германский флот плывет по волнам правды, справедливости и свободы, охраны патриотической добродетели и промышленности"¹⁹. Руководители Германии разделились во мнениях о том, как новый германский империализм мог осуществиться. Некоторые верили, что возможно достичь целей Германии мирными методами ("Германская политика мирового господства и никакой войны", — написал Рихард фон Кюльманн, консул германского посольства в Лондоне, в памфлете, опубликованном под псевдонимом в

^{9П} 1930 г.) — путем соглашений с Англией и изменений в скорости строительства германского флота. Часть промышленников верила, что экономической мощи Германии будет достаточно, чтобы утвердить германское превосходство, по крайней мере в Европе ("Дайте нам еще три-четыре года мирно развиваться, и Германия станет безусловным лидером в Европе", — сказал промышленник Хуго Штайнс в 1911 г. ^). Было и много других, кто считал, что германские претензии на мировое господство повлекут за собой войну с Англией и готовились к ней. Один германский писатель обобщил проблему в 1912г.: "Главной причиной, почему наше положение иногда производит впечатление сомнительное, даже неприятное, если смотреть на Германию извне, заключает-

ся в трудности представить какую-либо понятную реальную цель для политики, необходимой для герман-

77

ской идеи". В процессе осуществления Германией политики мирового господства различные классы и индивидуумы, которые думали в то время об увеличении германских колониальных владений, мечтали о том, чтобы германскую Центральную Африку при-^ соединить к германской Центральной Европе. К сторонникам этой идеи относились и те, кто имел прямые интересы в германских колониях (так как они надеялись получить доходы в Африке) или работали в администрации колоний. В германском министерстве иностранных дел находились люди, а именно Пауль фон Вольф-Меттерних, посол в Лондоне с 1902 по 1912 г., и Рихард фон Кюльманн²³, которые настаивали на том, что положение Германии как мировой державы может быть достигнуто только с помощью Англии, а не вопреки ей. Ценой такой поддержки были бы некоторые уступки в гонке морского вооружения в ответ на политическое соглашение с Британией, по которому Британия обязуется держать нейтралитет в европейской войне, а также соглашение, по которому Британия будет торговать на колониальных территориях, прекратив противостояние флотов. Эти темы обсуждались, когда Голдан посетил Берлин в феврале 1912г. Провал миссии Голдана показал, насколько невелика была вероятность англогерманского соглашения. Сразу стало очевидно, что британское правительство не проявляло желания со-

310

Империалистическая

хранять нейтралитет и что германское адмиралтейство было намерено настаивать на последних предложениях об увеличении флота.

Надежда главы Германии о расширении империи в Африке касалась либо овладения частью Конго, либо осуществления секретного соглашения, заключенного с Англией в 1898 г., по которому португальские колонии расчленились, в случае, если финансовое положение Португалии станет настолько плохим, что она будет вынуждена предложить свою империю в обмен на заем. В обсуждениях во время и после визита Голдана британское правительство подчеркивало, что оно ничего не имеет против того, чтобы Германия завладела территорией Конго, и что оно готовилось пересмотреть договор 1898г. о португальских колониях, и таким образом доля Германии увеличивалась. Это подтверждало непонимание того, о чем на самом деле было заключено соглашение на переговорах между Голданом и Бетманом Гольвегом, когда германцы, кажется, думали, что Голдан обещал им некоторые территории британских колоний, острова Занзибар и Пемба на восточном побережье Африки. Эту идею Грей вскоре отверг, утверждая, что за такие уступки потребуются существенная компенсация (Голдан также сказал, что германцы могли иметь как часть своей доли португальские колониальные владения, португальскую часть острова Тимор, но министерство иностранных дел напомнило ему, что Португалия уже пообещала его Дании).

311

Истоки первой мировой войны

Вопрос об уступке португальских и бельгийских территорий Британии нетрудно было решить. Британская общественность, и особенно сторонники либеральной партии, были потрясены открытием, что Бельгийское Конго и португальские колонии плохо и жестоко управлялись. А что касалось Конго, то никаких признаков того, что Бельгия собиралась передавать его, не было. Хотя британские министерства иностранных дел и по делам колоний испытывали презрение к Португалии (издатели британских доку-

ментов по истокам войны, не позднее 1938г., приводят высказывания Грея о том, что "эти колонии хуже, чем покинутые земли, с тех пор как Португалия владеет ими" и он считал себя обязанным "по причинам, международного этикета" пропустить несколько следующих слов), в своих переговорах с Германией они были связаны тем, что сразу после соглашения 1898г. они должны были возобновить договоры о союзе с Португалией, относящиеся к семнадцатому веку и к обязательству короля Англии "защищать и оказывать покровительство всем завоеваниям и колониям, принадлежащим Короне Португалии, от всех ее врагов, как настоящих, так и будущих"²⁹. Британский посол в Берлине выразил глубоко лежащий смысл этого: "У меня стынет кровь, когда мы сообщаем Германии о недостатках нашего португальского союзника. Является ли это тайной игрой? Конечно, совершенная правда то, что мы говорим о них, но правильно ли это и политично ли это говорить германцам?" * В конце концов соглашение было дос-

312

Империалистическая конкуренция

тигнуто в 1898 г. Схемы разделения владений в пользу Германии, ее статус оставался под сомнением, поскольку Британия настаивала, чтобы оба договора — англо-германский и англо-португальский были напечатаны, на что германцы не соглашались до самого начала войны. Вопрос о разделении португальских колоний, хотя оба министерства колоний активно занимались им²⁷, для германских политиков был центральным только в паре с обещанием Британии нейтралитета в Европе. Такое обещание Британия не была готова дать. Однажды кайзер, подводя результаты миссии Голдана, справедливо заметил: "Англичанин совсем ничего не уступает в Европе ... с другой стороны, они отсылают нас к африканским колониям, принадлежащим другим государствам, и соответственно не знают, откажутся ли эти государства добровольно от них, но они, конечно, не хотят портить свои хорошие отношения с этими государствами из-за нас"

Идея, что соглашение по колониям между Англией и Германией коренным образом улучшит отношения между ними, как соглашения между Англией и Францией, или Англией и Россией, не оправдалась, потому что их империалистическое соперничество было гораздо глубже и не могло быть разрешено торговлей колониями и территориями. Переговоры продолжались, так как оба министерства колоний были заинтересованы в соглашении, и члены британского министерства испытывали искреннее уважение к германцам в качестве колониальных администрато-

313

Истоки первой мировой войны

ров и, конечно, предпочитали их французам как воз-* возможных соседей в Африке. В британском правительстве также были люди, которые верили, что соглашение с Германией было возможно и желательно, в то время как в Германии некоторые влиятельные политики, включая самого Бетмана, полагали, что его устойчивость на посту канцлера зависела от достижения некоторого политического соглашения с Англией. Переговоры по колониям подтвердили то, что не существовало прямых территориальных противоречий между двумя странами, но они также обнаружили, что ни одна сторона не была готова отступить от своих претензий на мировое господство в широком смысле.

Англо-германские переговоры о разделе португальских колоний проводились одновременно с обсуждением участия Британии в контракте на строительство Багдадской железной дороги, вопросов установления экономического контроля и политического влияния в Месопотамии. К 1914 г. они все больше подчинялись ее дипломатическим и стратегическим

потребностям . История проекта строительства железной дороги от Константинополя до Персидского залива очень сложна и вскрывает многие стороны империализма начало двадцатого столетия. В 1889г. германская группа , возглавляемая немецким банком, выиграла концессию на строительство первой железной дороги через Анатолию, и в 1899 г. они получили подтверждение от оттоманского правительства на следующий этап. В 1903 г. германские представители

314

Империалистическая конкуренция

были отозваны. Кайзер, со времени своего визита в Константинополь в 1898 г., выступал как друг и покровитель Турции и исламского мира, но у Германии не было достаточно денег на такой большой и дорогой проект, и она постаралась собрать их в Лондоне и Париже. Результат был неплохо подытожен А. Дж. П. Тейлором: "Во Франции финансовые круги приветствовали участие, политические были против, и политики выиграли. В Англии политики одобряли, финансисты отнеслись враждебно, и финансисты победили" . Французское правительство сомневалось в возможности взаимодействия с германцами, во-первых, потому, что Россия была серьезно настроена против этой цели, во-вторых, потому, что они считали, что Багдадская железная дорога ущемит интересы уже существовавшей французской железной дороги в Сирии. Оно сознавало степень конкуренции за турецкие заказы между Круп-пом и французскими оружейными фирмами, и таким образом было намерено противодействовать любому усилению экономики Германии. Соответственно, французское правительство делало все, что могло, чтобы остановить французских банкиров, которые рассчитывали сделать деньги на участии в строительстве этой дороги.

В Англии, напротив, консервативное правительство, и особенно министр иностранных дел, лорд Лэндсдун, считали, что участие в создании железной дороги упрочит связи с Индией и укрепит положение Британии в Персидском заливе¹ . Эти сообра-

315

Истоки первой мировой войны

жения не разделяли те, кто надеялся на улучшение отношений с Россией и учитывал российские претензии на Среднем Востоке. Обе группы сознавали, что соотношение сил меняется, но все-таки было неясно, как поступит Британия. Влиятельные публицисты, обеспокоенные германской политикой мирового господства, получили поддержку Джозефа Чемберлена. В результате антигерманской кампании в консервативной прессе, поддержанной влиятельными политическими деятелями, британские финансисты вышли из проекта Багдадской железной дороги, в то время . как правительство ограничивалось формальными заявлениями о своих намерениях сохранить сферу британских *ННіеріесоВ* в Персидском заливе.

В соглашении 1907г. британское и российское правительства установили свои сферы влияния в Персии: Таким образом, казалось, была устранена любая прямая угроза заливу со стороны России. Между тем внутреннее положение Турции изменилось в результате Младотурецкой революции-1908 г. и поражения Турции в Первой балканской войне. Как британцы, так и германцы были обеспокоены, что они могут потерять влияние на турецкое правительство, чье будущее было неясно. В это же время изыскивались деньги для заключительной части железной дороги от Багдада до Персидского залива. Теперь появилась основа для англо-германской сделки: германские строители железной дороги нуждались в деньгах, им также было необходимо подтверждение Британии в международном правлении о контроле за

316

Империалистическая конкуренция

турецкими таможенными пошлинами, поскольку турки собирались увеличить годовой

доход путем поднятия тарифов, если им придется платить Багдадской железнодорожной компании за каждый построенный километр пути.

Соглашение между Британией, Францией и Россией о создании объединенной оппозиции проекту Багдадской железной дороги, казалось, было разрушено. В 1910 г., когда царь посетил Потсдам к произошло кратковременное улучшение отношений с Германией, русские выдвинули свои возражения против окончания железной дороги в Багдаде и предложили соединить ее с Тегераном и новой железной дорогой на севере Персии. В этих обстоятельствах британское правительство решило, что, приняв участие в международном плане завершения железной дороги, оно сохранит свои интересы в Турции и не допустит, чтобы Германия или Россия получили слишком большое влияние, даже если это потребует отступить от исключительного экономического положения в Месопотамии. Германцы понимали, что без Британии кооперация не найдет денег для строительства железной дороги и не сможет преодолеть давнишние законные интересы Британии в Месопотамии. Канцлер Германии и министерство иностранных дел не всегда думали, как кайзер или же германские бизнесмены, которые считали, что иностранное соперничество в Турции могло быть устранено, и готовились сотрудничать с Британией. Британцы дали понять,

317

Истоки первой мировой войны

что их главной целью в этом районе было сохранение Персидского залива и британского влияния на юге Персии.

Существовал еще один вопрос, который через несколько лет сделал бы соглашение вообще невозможным; растущее понимание важности нефтяных месторождений в Месопотамии и Южной Персии. В 1914 г. это было все еще сравнительно новое дело, и потребовались десятилетия для развития технологий, необходимых для добычи, очистки и транспортировки нефти. Но в 1912 г. британское адмиралтейство решило начать переделку некоторых кораблей под перевозку нефтяного топлива и строить новые невоспламеняемые дредноуты. Уже около 1914 г. 25 000 тонн нефти в месяц было импортировано из

Южной Персии. Нефть почти стала стратегическим сырьем и коммерческим продуктом, хотя только начали продумывать сферы ее применения. Британцы, после переговоров с турецким правительством и различными международными группами, владевшими концессиями на бурение нефтяных скважин, выиграли контрольный пакет нефтяных компаний, действовавших в Месопотамии и Персии. Германские финансовые группы, занятые в разработке, не смогли выиграть больше 25 процентов акций нефтяных месторождений в Турции, процент акций оказался меньше из-за хронической нехватки капитала у Германии. Турецкое правительство было готово принять предложение от American Standard Oil Company, поэтому британское и германское пра-

318

Империалистическая конкуренция

вительства и финансисты утрясли свои разногласия перед лицом новой угрозы. Хотя британцы и германцы достигли соглашения, остается неопределенным, кто выиграл, потому что договоренности могли осуществляться в мирное время, война же началась через два месяца после заключения соглашения о строительстве Багдадской железной дороги (а сама железная дорога до сих пор находилась за сотни миль от Багдада). Турция все яснее понимала, что после поражений в Триполи и на Балканах и потери почти всех европейских территорий она оказалась под угрозой распада и ей более следует бояться России, чем Германии. 2 августа, на следующий день после объявления Германией войны России, был подписан договор, которому предшествовали секретные переговоры, о союзе с Германией, взамен на гарантии ее

территориальной целостности против России, и в ноябре Турция вступила в войну на стороне Германии.

Англо-германские переговоры о строительстве Багдадской железной дороги показали, как и торги португальских колоний, что до сих пор существовала возможность соглашений даже при наличии глубоких противоречий между двумя странами, и обычные дипломатические и экономические отношения продолжались до начала войны. Текне менее случай с Турцией, как и с Китаем, и сложная история англо-германского сотрудничества говорят о том, что противоречия между европейскими великими державами породили нестабильность, которая сделала возмож-

319

Истоки первой мировой войны

ным начало войны. В 1908 г. турецкие офицеры совершили революцию, надеясь модернизировать Османскую империю, предотвратить ее распад, непреднамеренно начав процесс, который привел к окончательному развалу государства в 1918г. Прямыми последствиями были: аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908г., до того как турецкое правительство смогло отстаивать свой формальный суверенитет в провинциях, которые Австрия оккупировала с 1878 г. Последние формальные связи между Болгарией и Турцией были разорваны, и появился союз Крита с Грецией. Надежда на то, что революция поможет превратить Османскую империю в многонациональное государство, в котором немусульмане и нетурки будут иметь равные права, быстро рассеялась. В то же время политическая нестабильность в 1908-1913 гг. не только подвигла Балканские государства объединиться и выйти из состава Турции, но и заставила великие державы, осо-

бенно Россию, подумать о разделе Турции .

Первый шаг, который привел к всеобщему кризису на Балканах, было нападение Италии на турецкие провинции Триполи и Сиренаика — наиболее открытый и прямой акт империалистической экспансии в годы непосредственно перед войной. Как только Италия объединилась, некоторые итальянские националисты стали мечтать о колонии на севере Африки, чтобы показать, что новое итальянское государство является наследником Римской империи. Они были разочарованы, когда Франция получила

320

Империалистическая конкуренция

протекторат над Тунисом в 1881 г., и обижены, когда итальянская армия была разбита эфиопами при Адуа в 1896г. Когда стали очевидны претензии Франции на владение Марокко, итальянское правительство поняло, что Италия может претендовать только на еще оставшиеся неподконтрольными европейским государствам территории в Северной Африке. Турецкие провинции Триполи и Сиренаика итальянцы переименовали в Ливию, чтобы подчеркнуть свое "историческое" право на нее. Французское правительство, чтобы ослабить связи Италии в Тройственном союзе, заявило в 1900 г., и подтвердило это в 1902 г., что оно ничего не будет иметь против захвата Италией турецких территорий в Северной Африке. В то же время росли экономические интересы Италии в Триполи. Ведущие представители экстремистов-националистов эффективно самоорганизовывались во влиятельные общества, такие, как Ассоциация националистов Италии и Общество Данте Алигьери, пропагандируя взгляды, что Италия слишком долго считалась музеем для туристов, живущим своим прошлым, и теперь должна воссоздать себя, как современное великое государство. Националисты и члены Института колоний более склонялись воспринимать Ливию как колонию: "Триполи раскрывает свои объятия и ждет, земля такая же, как в Тунисе, только еще более плодородная: климатические условия те же, полезные ископаемые должны быть ... Что необходимо — так это правительство, которое действует, или желает действовать" . Италия, как заявил

П. Зисс.300

321

Истоки первой мировой войны

Коррадини, один из наиболее красноречивых ораторов национализма, "пролетарская нация, страна без привилегий, стоящая перед богатыми и мощными империалистическими державами, а ее насущные социальные проблемы и экономическая отсталость могут быть преодолены только захватом колоний".

Итальянские националисты и те, кто имел экономические интересы в Триполи, заставляли правительство действовать, особенно потому, что несколькими неделями раньше в Риме произошло пышное открытие памятника королю Виктору Эммануилу II, которое, казалось, символизировало новые международные претензии Италии. Это было менее чем через год с того времени, как министр иностранных дел заявил: "Турки так до сих пор и не поняли одну вещь, хотя все очень понятно, Италия не намеревается захватывать Триполи и желает, чтобы она оставалась Оттоманской", — но к июлю правительство под нажимом парламента, националистов и Римского банка говорило, хотя с неохотой, о военных действиях. К концу сентября туркам был послан ультиматум и были составлены планы направления итальянских сил в Триполи. Они прибыли в первой половине октября и быстро оккупировали Триполи и другие города на побережье, на первых порах используя военные аэропланы для разведки и метания гранат³⁶. Но эпидемия холеры вскоре напомнила солдатам о реалиях колониальной кампании, в то время как арабы в тылу начали сопротивление, которое могло продолжаться лет десять. Война была не только

322

Империалистическая конкуренция

колониальной кампанией, это была война против Оттоманской империи, которая хотя и была слаба, не желала сразу признать поражение, вызывая озабоченность других европейских держав. Морская война распространилась на западе Средиземного моря. Итальянский флот обстреливал форты у входа в Дарданеллы и достиг Додеканских островов. В июне 1912г. в Швейцарии начались переговоры между итальянскими и турецкими представителями, но в затруднительное положение Турцию привела мобилизация государств Балканской лиги в конце сентября, и она в конце концов была вынуждена подписать договор, принимая условия Италии, чтобы не иметь еще большего напряжения после Первой балканской войны. Итальянская акция оказала влияние не только на Турцию и Балканские государства. Во время войны с Италией турки закрыли проливы, и в результате Россия понесла значительные убытки от остановки иностранной торговли во второй половине 1911 г. Те политики в России, которые считали, что контроль над проливами должен быть главной целью внешней политики, получили еще одно доказательство того, что их мнение необходимо поддержать.

Джиолитти, премьер-министр Италии, не испытывал восторга от кампании в Ливии и принял ее

только "как историческую неизбежность". Он предвидел, что отрицательные последствия переключат пользу от приобретения колоний. Он сказал в ап-
*

реле 1911 г.: 11*

323

Истоки первой мировой войны

"Триполитания является провинцией Оттоманской империи, а Оттоманская империя — это европейская великая держава. Неприкосновенность того, что остается Оттоманской империей, — это- один из принципов, на которых основывается равновесие сил и мир в Европе ... Может ли это разрушение краеугольных камней старого здания быть в интересах Италии? И что если после нашего нападения на Турцию на Балканах начнутся волнения? И что если война на Балканах явится

вспышкой между двумя могущественными блоками и началом европейской войны? Может быть, мы будем нести ответственность за то, что поднесли спичку к пороху?"³⁸

Конечно, итальянская империалистическая война была одной искрой "длинного бикфордова шнура"³⁹, как назвал один историк, связывающий начало первой мировой войны с отдаленными истоками войны на Балканах.

Начало войны в 1914г. не было вызвано насущными империалистическими противоречиями, а германские посягательства на колониальные территории могли быть удовлетворены путем соглашения с Британией, если бы Германия была готова умерить свои притязания на военно-морское превосходство и мировое господство. Слабые государства, такие, как Марокко и Османская империя, сами по себе являлись настоящим искушением для империалистов, так что франко-германские разногласия в Марокко и

324

Империалистическая конкуренция

итальянские претензии в Триполи могли создать кризис еще в 1911 г., который добавился бы к нестабильности международной системы. К 1914г. колониальные конфликты на севере Африки и на Среднем Востоке были подчинены более широкой модели международных отношений. Кризис в Марокко был разрушен путем компромисса, достигнутого между Францией и Германией, что не устраивало вполне ни одну из сторон, но важность кризиса состояла не столько в специфическом разделении территории Африки, сколько в общем усилении гонки вооружений, поддержанной новой волной националистической пропаганды с обеих сторон границы. К 1914г. психологические последствия зарождения империализма были более значительны, чем обычные территориальные приобретения или потери.

Старые империалистические противоречия не исчезли, но они отошли на второй план благодаря новым союзам, возникшим из-за амбиций Германии занять место среди мировых держав. Ряд мелких несогласий продолжал осложнять отношения между Британией и Францией несмотря на их союз. И они ухудшались, поскольку началась война, а возможность распада Османской империи оживила старые подозрения и вызвала новые амбиции. Хотя снова и снова и в Лондоне, и в Париже необходимость взаимной поддержки против Германии вела если не к разрешению этих разногласий, то по крайней мере к желанию временно забыть о них. Отношения Британии с Россией были более сложными. Хотя англо-

325

Истоки первой мировой войны

Империалистическая конкуренция

российское соглашение 1907г. ликвидировало конфликтные вопросы о границах двух империй в Афганистане, Тибете и Персии — местные противоречия и старое недоверие, которое началось очень давно, все еще рождало проблемы. Соглашение критиковалось в обеих странах, частично потому, что признание британской и российской сфер влияния в Персии совпало с революцией там, в которой обе стороны старались получить британскую или российскую поддерж-

40 тт « f

ку. И российские и британские военные понимали, что слишком много вложено в интересах дипломатического соглашения. В Англии многие либеральные сторонники Грея, а также британский посол в Тегеране были оскорблены, когда британское правительство договорилось с контрреволюционерами проросийского толка. Невзирая на моменты напряжения, Грей и министерство иностранных дел последовательно жертвовали своими интересами в Персии и на Дальнем Востоке ради союза с Россией. Отношение Британии к России оставалось двусмысленным: Россия была крупным союзником против Германии, но некоторые руководящие чины министерства

иностранных дел боялись, что Россия, когда совсем оправится от потрясений 1905 г., опять станет главным империалистическим соперником Англии. Русские могли создать чрезвычайные затруднения на Среднем и Дальнем Востоке и могли серьезно поколебать положение Британии в Индии. Артур Николсон, постоянный подсекретарь министерства иностранных дел, в апреле 1913г. писал: "Для меня это такой кошмар,

326

что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией"⁴¹. В мозгу Николсона всегда таился страх— не собирается ли Британия потакать России хотя бы в незначительных вопросах. Другие советники британского правительства думали, что соглашение с Россией могло быть еще раз обговорено таким образом, чтобы защитить интересы Британии, особенно в Персии. Спор между теми, кто весной 1914г. думал, что наступило время согласиться с претензиями России и теми, кто, как Николсон, верил, что дружба с Россией должна сохраниться любой ценой, чтобы Британия имела возможность противостоять Германии, не был решен, он был прерван событиями июля 1914 г.

Отношения Британии с Индией занимали центральное место в делах империи и были ключом британской внешней политики более века. Индия оставалась главным британским рынком и благодатным полем для вложения капиталов, а также прямым источником правительственных доходов. В то же время либеральное правительство столкнулось с фактом, что во время обсуждения будущего империи, которая в конце концов должна была трансформироваться в ассоциацию самоуправляемых доминионов, система управления в Индии становилась все более и более ненормальной, а национальное движение росло, хотя оно еще не представляло угрозы (она наступила через десять лет). Георг V в 1911г. предложил, чтобы правление Британии в Индии было крепче, чем когда-либо. До сих пор считалось актуальным, что лорд

327

Истоки первой мировой войны

Керзон сказал в 1901 г.: "Если мы потеряем (Индию), мы сразу откатимся назад в ряд государств третьего сорта"⁴².

После подписания соглашения с Россией в 1907г. одна из главных угроз неприкосновенности Индии, казалось, была удалена. Германия никогда не могла угрожать Индии так, как Россия, Хотя существовали опасения, что Багдадская железная дорога, если Британия не будет осуществлять над ней контроль, может стать проводником германского влияния. Когда в 1911 г. русские выдвинули предложение соединить главную линию с Тегераном, старые британские опасения возникли в новой форме: "Это будет очень серьезный вопрос, — писал Грей, — если Германия получит какой-либо контроль над этой веткой. Во время панисламистских волнений она могла быть использована для мобилизации мусульманских сил, которые обучались германцами. Германия, которую не занимали мусульманские вопросы, не испытывала затруднения от панисламизма, но он мог быть очень серьезным для России и для Англии"⁴³. Кайзер в своей роли самоназначенного защитника ислама время от времени намекал, что война с Германией может привести к потере Индии, и 30 июля 1914 г. в приступе слепой ненависти к Англии он написал: "Наши консулы и агенты в Турции и Индии должны поднять весь мусульманский мир на жестокую гражданскую войну против их ненавистной, лживой и бессовестной нации лавочников, даже если нам придется умереть, истекая кровью, зато Англия потеряет

328

Империалистическая конкуренция

хотя бы Индию"⁴⁴. Прямая угроза Германии никогда серьезно не воспринималась. Германские планы поднять исламский мир против Британии не имели успеха. С

другой стороны, опасность возрождения российской угрозы для Индии была крепка в умах британских правителей, многие из которых верили, что только по этой причине дружба с Россией должна быть сохранена любой ценой. Россия в июне-июле 1914г. предложила укрепить связи между двумя странами, и особенно морское соглашение, и намекала, что можно заключить более формальный союз, предусматривающий гарантии России о неприкосновенности Индии. Обсуждения были прекращены из-за июльского кризиса и начала войны, поэтому мы не знаем, как могли бы развиваться англо-российские отношения. Было выдвинуто предложение ⁴⁵, что, боясь потерять Индию, Британия вступила в войну на стороне России. Британское правительство и министерство иностранных дел не видели, где находится главная опасность для британской империи, и это показывает, как часто британское правительство думало о европейской политике с точки зрения интересов империи.

Причины, приведшие правительства к решению вступить в войну 1914г., были не непосредственно империалистические и кризис, в котором они оказались,— был кризисом Европы. Но политика империализма наложила свой отпечаток на образ мыслей, при помощи которого принимались решения. Для России соблазн овладения Константинополем и про-

329

Истоки первой мировой войны

дивами был главным побуждением в балканской политике. Неопределенные стремления Германии к мировому господству добавились к решению строить флот, что Британией рассматривалось как вызов. Англия, которая, как заметил германский посол в Лондоне: "Имела самые лучшие колонии и ей нужно воевать с нами, чтобы добывать их еще", тем не менее считала, что британская империя есть нечто, что необходимо сохранить любой ценой. Франция к желанию получить контроль над Марокко добавила свое неприятие Германии в Европе. Германия, умышленно провоцируя кризис в Агадире, занималась подстрекательством национального возмущения в обеих странах, что ускорило гонку вооружений и способствовало росту международного напряжения в 1912-1914 гг.— напряжения, рост которого сыграл роль в крушении Оттоманской империи от удара итальянского империализма и балканского национализма, которые также сыграли свою роль.

Империалистическое мышление всегда признавало войну и вооруженную борьбу неотъемлемой частью империалистической экспансии, хотя фактически империалистические войны до этих пор в большинстве случаев были ограничены целью. К 1914г. произошло усиление кризиса из-за германских претензий, французских обид, российского экспансионизма, британской озабоченности и австрийских страхов, которые привели к решению, что война неизбежна, если надо сохранить жизненные интересы нации. Было бы невозможно принять такое решение,

330

Империалистическая конкуренция

если бы в Европе не преобладало настроение, которое готово было принять и даже приветствовать войну. И в создании такого настроения сыграло большую роль красноречие, больше, чем сама империалистическая реальность.

Примечания

Leon Gambetta, quoted in Leon Brunschvig, *Mythes et Realities de l'Imperialisme colonial francais* (Paris 1960), p. 9. See also James Ioll, *Europe since 1870* (3rd edn, London 1983). Ch.4.

² See esp. Wolfgang J. Mommsen, *Theories of Imperialism* (London 1980); D.K. Fieldhouse, *Economics and Empire 1830-1914* (London 1973); R. Robinson and J. Gallagher, *Africa and the Victorians: the Official Mind of Imperialism* (London 1968).

³ See D.C.M. Platt, *Finance, Trade and Politics in British Foreign Policy 1815-1914* (Oxford 1968); R. Robinson and J. Gallagher. 'The imperialism of free trade', *Economic History Review*, 6 (1953); D.C.M. Platt, 'The imperialism of free trade: some reservations', *Economic History Review*, 21 (1968); 'Further objections to an

"imperialism of free trade", *Economic History Review*, 26(1973). ' "

Quoted in W.L. Langer, *The Diplomacy of Imperialism* (New York 1951), p. 123.

⁵ 11 November 1895, quoted in J.L. Garvin, *The Life of Joseph Chamberlain*, Vol. III (London 1934), p. 2*7.

⁶ Garvin, op. cit., pp. 187-188.

⁷ Julian Amery, *The Life of Joseph Chamberlain*, Vol. IV (London 1951), p. 436. For an account of the movement for tariff reform and imperial federation, see Wolfgang Mock, *Imperiale Herrschaft und Rationales Interesse* (Stuttgart 1982).

Quoted in V.G. Kiernan, *European Empires from Conquest to Collapse, 1815-1960* (London 1982), pp. 156, 158.

Quoted in Bernard Semmel, *Imperialism and Social Reform: English Social and Imperial Thought, 1895-1914* (London 1960), p. 41.

10

Quoted in Semmel. op. cit., p. 57.

331

Истоки первой мировой войны

¹¹ Quoted in Paul Mus, *Le Destin de l'Union française* (Paris 1954), p. 18.

¹² Richard Price, *An Imperial War and the British Working Class: Working Class Attitudes and Reaction to the Boer War 1899-1902* (London and Toronto 1972):

¹³ Quoted in Price, op. cit., p. 73.

¹⁴ W. Mark Hamilton, 'The nation and navy: methods and organization of British navalist propaganda 1889-1914' (unpublished Ph.D. thesis, University of London 1978), pp. 92 ff.

¹⁵ *The Times*, 1 Nov. 1924.

¹⁶ See Ludwig Dehio, 'Thoughts on Germany's mission 1900-1918', in Dehio, *Germany and World Politics in the Twentieth Century* (Eng. tr. London 1959).

¹⁷ Marianne Weber, *Max Weber: em Lebembild* (Tubingen 1926), p. 138. See Wolfgang J. Mommsen, *Max Weber und die Deutsche Politik* (Tubingen 1958), p. 35; also Arthur Mitzman, *The Iron Cage: An Historical Interpretation of Max Weber* (New York 1970), pp. 106-107.

¹⁸ Max Weber, *Gesammelte Politische Schriften* (Munich 1921), p. 29. See also Mommsen, *Max Weber*, p. 78 and Mitzman, op.cit., pp. 137-147.

¹⁹ Winfried Philipp Englert, *Das Flottenproblem im Lichte der Sozialpolitik* (Paderborn 1900), quoted in Eckart Kehr, *Schlachtflot-tenbau und Parteipolitik* (Berlin 1930), pp. 369-370.

²⁰ F. Fischer, *Krieg der Illusionen*, (Dtisseldorf 1969), p. 378. See also Wolfgang J. Mommsen, 'Nationalism, imperialism and official press policy in Wilhelmine Germany' in Philippe Levillain and Brunello Vigezzi (eds) *Opinion Publique et Politique Exterieur 1870-1915* (Rome 1981), p. 380.

²¹ Heinrich Class, *Wider den Strom* (1932), p. 217, quoted in Egmont Zechlin, 'Motive und Taktik der Reichsleitung 1914' in Wolfgang Schieder (ed.) *Erster Weltkrieg: Ursachen, Entstehung und Kriegsziele* (Cologne 1969), p. 197.

²² P. Rohrbach, *Der Deutsche Gedanke in der Welt* (1912), p. 202, quoted in Dehio, op. cit., p. 78, n. 1.

²³ See Gregor Schollgen, 'Richard von Kiihlmann und das Deutsch-Englische Verhaltnis 1912-1914', *Historische Zeitschrift*, 230 (1980).

332

Империалистическая конкуренция

²⁴ G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origin of the War 1889-1914*, Vol. X (London 1936) Part II, No. 226, p. 224. (Hereinafter referred to as *BD*.)

²⁵ *BDL*No. 119, p. 85.

²⁶ *BD* VI. No. 579, pp.750-751.

²⁷ See P.H.S. Hatton, 'Harcourt and Solf: the search for an Anglo-German understanding through Africa 1912-1914', *European Studies Review* I. No. 2 (1971).

²⁸ *Die grosse Politik der Europaischen Kabinette*, Vol. XXXI (Berlin 1936). No. 11474, p. 2~10.

²⁹ See Stuart A. Cohen, *British Policy in Mesopotamia 1903-1914* (London 1976).

³⁰ A.J.P. Taylor, *The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918* (Oxford 1954), pp. 410-41.1, m. 2.

³¹ Quoted in George Monger, *The End of Isolation: British For-eigh Policy 1900-1907* (London 1963), p. 122.

³² Elizabeth Monroe, *Britain's Moment in the Middle East 1914-1956* (London 1963), p. 122.

See F.R. Bridge, '*Tarde venientibus ossa*: Austro-Hungarian colonial aspirations in Asia Minor', *Middle East Studies*, Oct. 1970.

³⁴ Quoted in Richard Bosworth, *Italy, the Least of Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War* (Cambridge 1979), p. 138.

³⁵ Quoted in Bosworth, op. cit., p. 134. ³⁶Kiernan, op. cit., p. 128. "Quoted in Bosworth, op. cit., p. 163.

³⁸ F. Malgeri, *La Guerra di Libia 1911-12* (Rome 1970), pp. 98-99, quoted in S.M.O. Jones, 'Domestic factors in Italian intervention in First World War' (unpublished Ph.D. thesis, University of London 1982),

p. 61. See also Bosworth, op. cit, p. 148.

³⁹ Laurence Lafore, *The Long Fuse* (London 1966).

⁴⁰ See Firuz Kazemzadeh, *Russia and Britain in Persia 1864-1914: A Study in Imperialism* (New Haven and London 1968).

Quoted in Zara S. Steiner, *The Foreign Office and Foreign Policy 1898-1914* (Cambridge 1969), p. 137.

⁴² Quoted in Max Beloff, *Britain's Liberal Empire 1897-1921* (London 1969), p. 91, fn. 4.

⁴³ fib X, I. No. 653, p.623

333

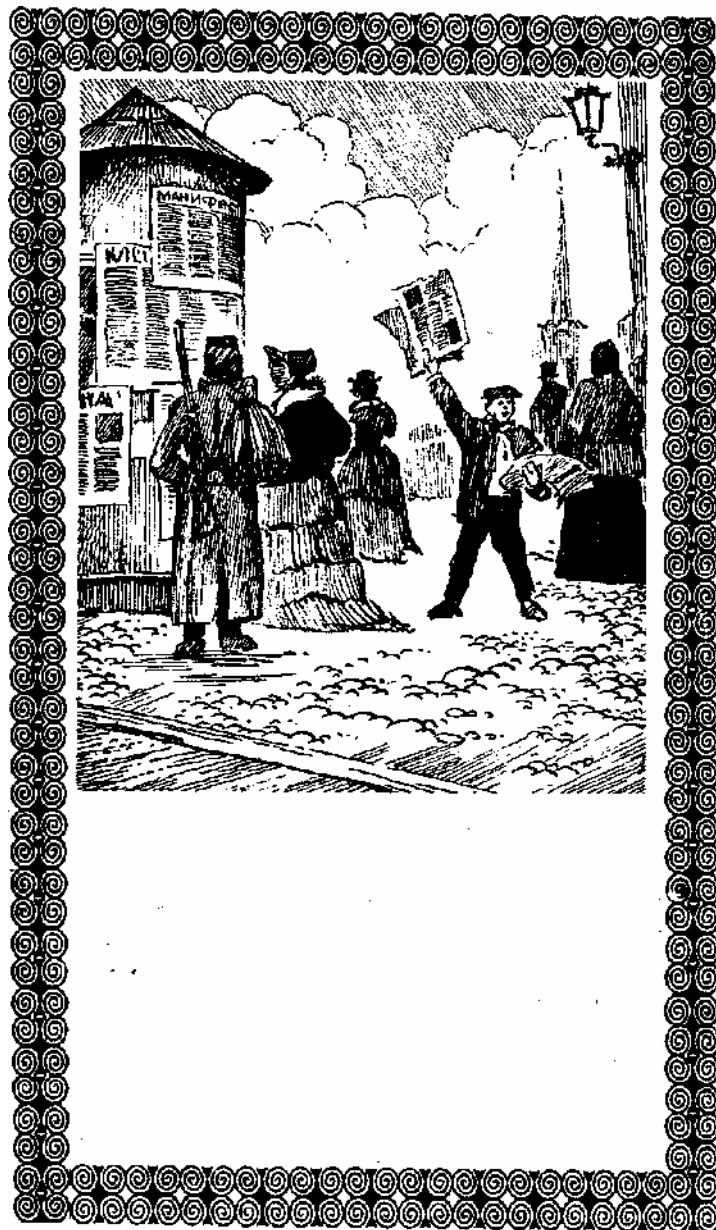
Истоки первой мировой войны

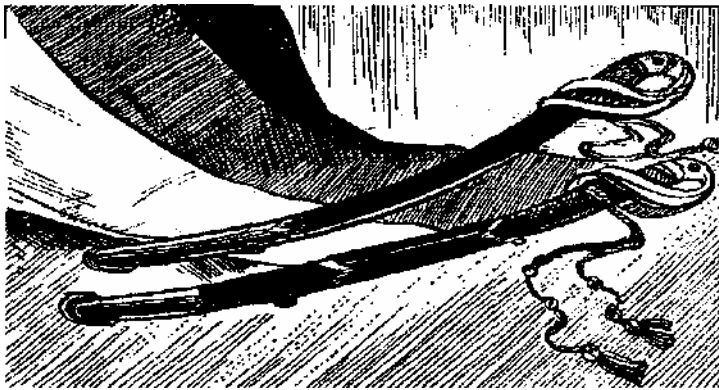
⁴⁴ Karl Kautsky, Graf Max Montgelas and Prof. Walter Schticking (eds) *Die deutschen Dokumente zum Kriegsambritch*, Vol. II (Berlin 1919). No. 401, p. 133.

⁴⁵ For example by Erwin Holzle, *Die Selbstentmachtung Eu-ropas* (Gottingen 1975) esp, pp.85-95, 216 ff.

⁴⁶ Prince Karl Marx Lichnowsky, 'Wahn oder Wille' (Jan. 1915), in John C.G.Rohl (ed.) *Zwei deutsche Fursten zur Krieg-sschuldfrage: Lichnowsky und Eulenburg und der Ausbruch des Er-sten Weltkriegs. Eine Dokumentation* (Dlisseldorf 1971), p. 55.

Глава восьмая

Настроение 1914 года

Любое правительство, даже диктаторское, хочет быть уверенным в общественной поддержке перед началом войны. По этой причине, как мы видели, каждое правительство, которое объявило войну в 1914 г., старалось так преподнести свое решение, чтобы быть поддержанным большинством населения. Французы защищали землю Франции от нового вторжения Германии, германцы защищали землю от орд казаков и т.д. Но настроение, с которым народы Европы приняли и в некоторых случаях даже приветствовали идею войны и временно забыли о своих социальных и политических разногласиях, не было результатом того, что их правительства оправдывали свои политические решения. Оно основывалось на соединении национальных традиций и отношений,

337

Истоки первой мировой войны

которые формировали взгляды о природе государства и его власти, усиливалось учебными программами в школах за последнее десятилетие и особенностью языка, на котором политики и журналисты обсуждали международные отношения. Анализировать комплекс убеждений, позиций и аккумулированного интеллекта нации — очень трудно. Создать нечто, что можно было бы назвать "настроением" Европы в 1914г., вероятно, невозможно. Мы не в состоянии детально изучить мнение большинства людей, даже там, где существуют материалы по этой теме и они доступны. Работа Жан-Жака Беккера 1914г. — "Великая война и французский народ" ¹, в которой немало говорится об настроении французского народа в момент мобилизации, также убеждает нас в том, что методы сбора информации и сам процесс сбора достаточно ограничены.

Тем не менее свидетельства, имеющиеся у нас, изучение отношения народов и правительств, доказывают, что во всех участвовавших странах были "свои факторы", которые помогали создавать настроение, сделавшее войну возможной. Хотя, по крайней мере с 1905 г., как мы видим, Европу потрясла серия международных кризисов, которые вызвали разговоры о войне, и хотя некоторые писатели и большинство генералов и адмиралов считали, что международный конфликт неизбежен, кризис июля 1914г. стал неожиданностью для многих людей. В самом деле международные обозреватели считали, что ситуация в начале 1914г. была более обнадеживающая, чем в

338

Настроение №14 года

течение нескольких предыдущих лет: последствия Балканских войн обошлись без конфликта между великими державами: "дело Заберни", после которого можно было ожидать усиления напряженности между Францией и Германией, во Франции было воспринято довольно прохладно; хотя разногласия по флоту между Англией и Германией все еще порождали риторические фразы с обеих сторон, появились некоторые признаки того, что скорость строительства флота может быть снижена, и два государства дружелюбно вели переговоры о португальских колониях и о Багдадской железной дороге.

Правда, в марте произошел взрыв обоюдных нападок в прессе Германии и России, в то время как стало известно о пошатнувшемся здоровье престарелого императора Франца Иосифа. Но казалось, что летом 1914г. ничто не предвещало международного кризиса. Министерства иностранных дел Европы были заняты рутинной работой, как написал в мае постоянный подсекретарь британского министерства иностранных дел послу в Берлине: "Из печати вы увидите, что в Европе мало что интересного происходит, и если бы не волнения в Мексике, мы бы здесь находились в относительном покое" ².

Фактически и Британия и Франция гораздо больше внимания уделяли внутривластной ситуации, чем внешней политике. Когда 3 июля "Тайме" озаглавила свою передовую "Усилия ради установления мира" и заявила, что "общество в Англии и Шотландии не отдает себе отчета, как близко

339

Истоки первой мировой войны

оно стоит перед несчастьем", — это говорилось о кризисе в Ольстере, и положение в Ольстере более всего занимало британских политиков вплоть до 24 июля, как позже вспоминал Уинстон Черчилль: "... после того как кабинет тащился по грязным окольным дорогам Фермана и Тирон, они услышали тихий замогильный голос сэра Эдварда Грея ... читающего документ, который ему только что принесли из министерства иностранных дел. Это была австрийская нота Сербии" ³. Во Франции выборы и борьба за установление налога на доход были отодвинуты на задний план сенсационным делом мадам Калло, жены министра финансов и лидера радикальной партии, которая 16 марта убила редактора газеты "Фигаро" и чье судебное разбирательство началось 20 июля. Даже в разгар кризиса 29 июля сообщения о судебном разбирательстве занимали 30 процентов колонок в "Пети Паризьен" и 45 процентов в "Темпе", при 15 процентах и 19 процентах, освещавших международную обстановку ⁴. Хотя германцы не были задеты кризисом так остро и смертельно, как в Ольстере, или как французы были заняты скандалом мадам Калло, для многих из них в первой половине 1914г. спад экономики и рост напряжения между социал-демократами и консерваторами внутри страны представляли больший интерес, чем международные проблемы. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда во времена, когда покушения на королевских особ были делом необычным, не вызвало достаточно серьезных предчувствий. Германский профсоюзный ли-

340

Настроение 1914 года

дер Карл Легин был одним из немногих, кто предупреждал, что "австрийские поджигатели войны" могут сделать "мировой пожар" неизбежным ⁵. Когда прошло первое потрясение от новостей, гражданские и военные лидеры продолжили свой летний отдых. Некоторым военным и морским начальникам Германии и Австрии было разрешено отбыть в их обычные летние отпуска с тем, чтобы не создавать впечатления, будто может произойти что-либо неординарное.

В короткий промежуток времени между известиями об австрийском ультиматуме Сербии и началом войны невозможно было ожидать достаточно обдуманной реакции вовлеченных в кризис. "Понадобилась только неделя, чтобы привести Европу на грань катастрофы, еще не виданной в истории", — писал французский еженедельник "Симан Финансир" 1 августа ⁶, а молодой австрийский социалист признавался несколькими месяцами позже: "Начало войны удивило и привело в уныние нас всех. Раньше мы были убеждены в том, что анархия капиталистического мира когда-нибудь приведет к кровавой вспышке между европейскими державами, но момент катастрофы застал нас врасплох". Изучая действия политиков и дипломатов, мы убедились, что время от времени события застигали их врасплох, также и общественность не успевала понять, что происходит. Это было одной из причин поражения движения против войны,

которое являлось характерным для предвоенной политики и которое

341

Истоки первой мировой войны

очень серьезно воспринималось правительствами стран (таких, как Германия и Франция), где оно было наиболее сильным.

Движение против войны имело две формы. Существовала либеральная организация уважаемых представителей среднего класса, которая верила, как и английское утилитарное общество, словам Бетмана: "Не существует никакого реального конфликта между различными национальными интересами. И если где-либо возникали противоречия — то это только из-за непонимания этих интересов"⁸. В то же время нарастало движение европейских рабочих партий, которые подчеркивали, что "войны присущи природе капитализма, и прекратятся они только тогда, когда исчезнет капиталистическая экономика"⁹. Угроза войны приведет к революции, а международная солидарность пролетариата сделает войну невозможной. К началу двадцатого века все более активно действовали организации средних классов по поддержке международного арбитража, разоружения и улучшения кодекса международного права, которые если не избавят от войны, то сделают что-нибудь для ограничения и смягчения ее последствий. Это движение было самым сильным в Британии и Соединенных Штатах, оно получило поддержку во Франции, а в Германии оно было поддержано в среде немногих интеллигентов и профессионалов. В Британии и во Франции оно имело связи с правящими кругами, которые чувствовали, или по крайней мере притворялись, что чувствуют, что они должны обратить внимание на

342

Настроение 1914 года

это. Некоторые из более ранних гуманитарных организаций, а именно Международный Красный Крест, созданный в 1864г., были уже признаны международной общественностью.

Поддержка этих движений за мир исходила от тех, кто считал, что рациональная организация международного общества могла ограничить причины возникновения войны, и от тех, как известный австрийский борец за мир баронесса Берта фон Суттнер, кто верил в необходимость изменения морали, чтобы уничтожить войну. "Война продолжает существовать,— писала в 1912 г. баронесса,— не потому, что в мире живет зло, а потому, что люди продолжают считать войну хорошим занятием"¹⁰. Были и такие, которые считали, что война теперь настолько дорога и так ужасна по размерам уничтожения, что становится невозможной. Богатый варшавский банкир Иван Блох в шеститомной книге, изданной в 1898 г., описывал техническое развитие вооружений и тактики, утверждая, что никакая агрессия не может устоять перед силой огня современного оружия, следовательно, захватническая война мало вероятна. Норман Ангел в своей работе "Великие иллюзии" (1910) доказывал, что экономическая цена войны так велика, что никто, возможно, не мог надеяться остаться в выигрыше, начав войну, последствия которой будут катастрофическими.

Большой успех сопутствовал двум международным конференциям, проведенным в Гааге в 1899 и 1907 гг. Первая состоялась по предложению царя Ни-

343

Истоки первой мировой войны

колая П. Конференция должна была обсудить пути сокращения вооружений и привести к мирному решению международных споров. Кажется, инициатива исходила от российского министра иностранных дел, а также от самого царя, частично унаследовавшего идеализм своего великого деда Александра I. И есть свидетельства, что в то время он находился под впечатлением идей Ивана Блоха. Большинство обозревателей имели более циничный взгляд на предложения царя, они подчеркивали,

что российское правительство просто хотело сэкономить на военных расходах. Кайзер заявил: "Я пойду один На это веселое представление, но во время вальса я буду держать мой кинжал при себе" ⁴. Позже он пошел еще дальше: "Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой! Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч! И чихал на все постановления!" ⁴. Британское военное министерство изъяснялось более дипломатично: "Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев, войны" ¹³. В подобных условиях странно было бы ожидать от конференции успеха. Но либеральные сторонники реформ в ведении международных отношений получили некоторое удовлетворение от создания механизма добровольного арбитража и от новых соглашений по ведению войн. Как мало было достигнуто конференцией для решения насущной проблемы со-

344

Настроение 1914 года

хранения мира, стало видно через три месяца, когда началась война между Британией и Бурской республикой на юге Африки.

Идея проведения второй Гаагской конференции была предложена в 1904г. на встрече в Сан-Луисе Межпарламентского союза, органа, созданного для того, чтобы способствовать лучшим международным отношениям. Идея была с энтузиазмом воспринята президентом Теодором Рузвельтом и явилась одной из многих успешных попыток правительства США в двадцатом веке повлиять на изменение в международном праве. В основном из-за того, что Россия находилась в состоянии войны с Японией, конференция состоялась только летом 1907 г. К этому времени в Британии у власти находились либералы, и некоторые из них были настроены на сокращение военных расходов и настаивали, против воли некоторых членов правительства, а также оппозиции, адмиралтейства и короля Эдуарда VII, на том, чтобы вынести это предложение на конференцию. Тем не менее снова, как и в 1899г., цинизм большинства делегатов был очевиден. Глава британской делегации, благородный юрист-квекер, сокрушался о "явном желании некоторых великих держав, чтобы на конференции был дос-

н 14

тигнут как можно меньший результат, в то время как представители министерства иностранных дел в составе делегации говорили о "постоянном волнении и утомительной неизменно бесполезной работе" ⁵. Когда делегат от Германии произнес длинную речь, отвергая саму идею международного арбитражного

345

Истоку первой мировой войны

суда, делегат от Кубы приветствовал его такими словами: "Вы совершенно правы. Все это американский обман" ¹⁶. Как и в 1899 г., деятельность конференции фактически заключалась в разработке правил войны, рассчитанных на защиту международного бизнеса больше, чем на само предотвращение войны. И на многих последующих заседаниях каждое государство заявляло, что любые изменения в вооружении необходимо согласовывать с другими государствами, и вопрос об ограничении вооружений скоро был исключен из обсуждения. Ни одно правительство не хотело первым сорвать конференцию, и каждое обвиняло других в отсутствии прогресса. И, возможно, различные движения за мир, арбитраж и разоружение были достаточно серьезными для некоторых правительств, чтобы их не замечать.

Весной 1913г. на встрече французского и германского парламента, организованной в Берне для обсуждения вопросов разоружения и мирного урегулирования споров между двумя странами, проявились и оптимизм и ограниченность движения за мир. Со стороны Франции присутствовал 121 человек, со стороны Германии — 34. Большинство членов

движения за мир старались подчеркнуть, что их попытки реформировать систему международных отношений и сократить вооружение не означали, что они плохие патриоты. Поэтому не удивительно, что в 1914г. почти все они поддержали войну, а не выступили против нее: "Не может быть сомнения в том, что является обязанностью пацифистов во время войны".

346

Настроение 1914 года

Германская мирная ассоциация заявила в августе

1914г.; "Мы, германские пацифисты, всегда признавали право и обязанность нации защищать себя. Каждый пацифист должен выполнить свою обязанность перед Отечеством, так же как и любой другой германец" ¹⁸. Лишь некоторые британские пацифисты остались верны своим убеждениям во время войны, они были в меньшинстве в том движении, большинство членов которого считали: "Мы не можем продолжать критиковать политику, которая привела к этой войне, как мы делали во времена войны в Южной Африке, раз наша безопасность под угрозой. Мы не можем никого из нас сейчас заставить думать о чем-либо

¹⁸

еще кроме этого" .

Движение против войны среди социалистов Европы оказалось тверже, чем среди либералов, и правительства были более озабочены ими и их намерениями. "У рабочего человека нет Родины, — провозглашал Манифест коммунистов в 1848г. — Национальные различия и противоречия с каждым днем все больше исчезают благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, мировому рынку, единообразию способов производства и условий жизни, обусловленных, этим". Хотя борьба между нациями быстро перейдет в международную войну рабочего класса, пролетариат должен развивать свои интернациональные связи, чтобы, как написал Маркс в своем обращении к Первому Интернационалу: "Достигнуть единства целей и единства действий". Маркс и Энгельс были, полны презрения к либералам-пацифи-

347

Истоки первой мировой войны

стам середины девятнадцатого века: "Лицемерные фразеры с наглыми глазами, которые превзошли манчестерских обманщиков," — как их назвал Маркс. Они говорят о мире за границей и в то же время используют полицию для контроля за рабочими дома . Каждую войну, был уверен Маркс, нужно рассматривать с точки зрения того, ускоряет она или замедляет процесс исторического развития, которое неизбежно ведет к революции.

Исходя из этого критерия, главным препятствием для революции в Европе был реакционный режим царской России, и любая война против России заслуживала поддержки. Режим внутри государства, которое было противником России, не имел большого значения: Турция, к примеру, в Крымской войне оказалась за бортом истории, потому что, как написал несколькими годами позже Энгельс: "Субъективно реакционная сила может во внешней политике выполнять объективно революционную миссию"²⁰.

Таким образом, Второй Интернационал — орган, основанный в 1889 г. для объединения растущих социалистических партий всего мира, — оказался в положении, когда лидеры массовых социалистических движений передовых промышленных держав Западной Европы должны были решать, поддерживать войну или нет, поскольку не все войны обязательно были реакционными. В самом деле, возможность противостояния между целями интернационализма и поддержкой войны уже была продемонстрирована в 1870 г.

"Французам нужна взбучка,— писал Маркс в

348

Настроение 1914 года

начале войны, ^ если пруссаки выиграют, централизация государственной власти послужит объединению германского рабочего класса". И он добавил: "Кроме того, желания германцев являются самыми сильными и это перемещает центр притяжения

европейского рабочего класса из Франции в Германию. Превосходство воли германского пролетариата означает в то же время превосходство нашей теории над теорией Прудона"²¹. Некоторые германские социал-демократы поддерживали войну, как и другие слои общества. Однако двое социалистов - членов парламента от Северо-Германской, конфедерации, Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, сделали знаменитое заявление о своем неучастии в голосовании за военные кредиты: "Как принципиальные противники всех войн, как социалисты-республиканцы и члены Интернационала, который отвергает всех угнетателей, ставит целью объединение всех угнетенных в великое братство, мы не можем ни прямо, ни косвенно поддержать сегодняшнюю

99

войну, и поэтому воздерживаемся от голосования". Это был прецедент, который отозвался в августе 1914г., когда германские социалисты разрывались между такими же соображениями идеологической чистоты, гуманной ненавистью к войне и призывом к патриотизму.

После смерти Маркса Энгельс развил новые идеи о природе современной войны, говоря, что следующая война будет более разрушительной и более ужасной, чем любая раньше. Он писал в 1887 г.:

349

Истоки первой мировой войны

*"Восемь из десяти миллионов солдат поглотят друг друга и таким образом опустошат всю Европу сильнее, чем саранча. Разрушения Тридцатилетней войны произойдут за три-четыре года и распространятся на весь континент. Голод, болезни, нужда ожесточат армию и народные массы, безвозвратная утрата структуры торговли, промышленности и финансов закончится всеобщим банкротством, произойдет разрушение старых государств и их традиционного искусства управлять государством. Короны покатаются дюжинами в сточные канавы и некому будет даже их подбирать, и невозможно предсказать, где все это кончится и кто выйдет победителем из этой борьбы. Абсолютно можно быть уверенным только в одном: всеобщее разрушение создаст условия для окончательной победы рабочего класса"*².

Такой анализ последствий войны привел к дилемме, которую международное социалистическое движение так и не смогло решить. С одной стороны, казалось, что война способна ослабить структуру капиталистического общества и открыть возможности для революций, но с другой — рабочий класс, рабочие и крестьяне составляли большинство солдат, призванных в армию в Европе. Они первыми должны были переносить ужасы современной войны. Проблема — приветствовать войну как ускоритель революции, или стараться предотвратить ее из-за страданий и разрушений, которые она принесет, — так и

350

Настроение 1914 года

не была никогда решена. И это было одним из противоречий в отношении социалистов к угрозе войны перед 1914 г.

Международное социалистическое движение было уверено, что оно сможет предотвратить катастрофу и что силы организованных социалистических партий будет достаточно, чтобы удержать правительства от развязывания войны. Международный социалистический конгресс, который собрался в Базеле во время Балканской войны 1912г., заявил: "Нужно, чтобы правительства помнили, что при настоящей обстановке в Европе и настроении рабочего класса, они не могут развязывать войну без угрозы для себя"²⁴. Социалисты были особенно озабочены тем, как обеспечить неприменение армии против самих рабочих. В Германии существовала такая опасность. Кайзер, с его обычной склонностью говорить гадости, в 1891 г. сказал новобранцам: "В обстановке социального напряжения может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в

своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно". Но и в демократической Франции всеобщая стачка железнодорожников в 1910г. была прервана мобилизацией железнодорожников в армию, а в Швейцарии, где система народного ополчения представляла собой образец, которому завидовали социалисты всех стран, армия была вынуждена выступить против забастовщиков. Самое легкое решение, кажется, приняли германские социал-демократы. Они каждый год

351

Истоки первой мировой войны

голосовали против военного бюджета в рейхстаге. "Ни одного человека и ни одного пфеннига для этой системы", — был их лозунг. Они протестовали против плохого отношения к солдатам и против аристократии, азартных игр и разгула в офицерской среде. Но на что они на самом деле надеялись — это на влияние, которое оказывало число депутатов-социалистов, и при помощи этого влияния надеялись справиться с этой, как и со всеми другими проблемами. Как писал в 1891 г. Энгельс: "Сегодня мы рассчитываем среди пяти солдат иметь одного социалиста, а через несколько лет мы будем иметь одного из трех, и к 1900 г. армия будет в большинст-

ff

ве из социалистов". Но события развивались не совсем таким путем.

Во Франции влияние марксизма на движение рабочего класса было меньше, чем в Германии, критика же военных учреждений, как прямая оппозиция войне, была выражена наиболее энергично. С одной стороны, лидер социалистов Жан Жорес предложил в своем труде "L'Armee Nouvelle" (изданному 1910г.) схему полной реформы системы национальной обороны. С другой стороны, некоторые социалисты-синдикалисты и социалисты левого крыла партии призывали ко всеобщей стачке против мобилизации и к восстанию в момент начала войны. Последняя угроза была воспринята более серьезно французским правительством, чем предложения Жореса провести реформы, несмотря на то, что парламент поддержал его. Префекты департаментов были заняты, вплоть до

352

Настроение 1914 года

июля 1914 г., проверяя список людей, которых надлежало арестовать в случае мобилизации, как способных саботировать приготовления к войне. Список включал длинный, хотя иногда спорный, ряд имен синдикалистов и членов профсоюзов, кто, как считалось, принимал активное участие в антивоенной пропаганде²⁷. Фактически, как показала практика еще до июля 1914 г., опасения властей не имели оснований. Деятельность, в которой эти люди подозревались, заключалась лишь в разговорах, и как часто революционеры-синдикалисты и некоторые социалисты ни обещали организовать всеобщую стачку против войны, они не провели необходимых приготовлений для этого. Французский пример показывает две трудности, с которыми столкнулись социалисты всех стран в деле формирования постоянного отношения не только к войне, но и к обществу, в котором они жили. Антимилитаристы из числа военных не имели каких-либо планов действий или организации для выдвижения своих требований. В то же время такие социалисты, как Жорес, которые намеревались реформировать систему национальной обороны, хотели сделать ее более эффективной и демократичной, не призывали упразднить ее целиком. "L'Armee Nouvelle" является не столько красноречивым призывом к французским патриотическим чувствам, сколько атакой на систему. Он призывает защищать идеальную и реформированную республику, но тем не менее подразумевает, что су-

Истоки первой мировой войны

шествующую Третью республику необходимо защищать также хорошо.

Представители реформаторского и революционного отношения к войне и национальной обороне находились в одной и той же партии, и противостояние

между ними часто скрывалось из-за необходимости сделать жест в сторону своего левого крыла. К примеру, существует много противоположных мнений о позиции Жана Жореса в июле 1914 г.²⁸ На конференции Французской социалистической партии 15-16 июля, на которой было решено провести подготовку Конгресса Второго Интернационала • (он должен был состояться в Вене в сентябре), Жорес поддерживал мнение, что из всех действий по предотвращению войны всеобщая стачка была самым эффективным. Это было воспринято правительством очень серьезно. Было ли это тактическим ходом Жореса для установления контакта с левыми? Вряд ли, он действительно верил, что всеобщая стачка против войны осуществима, и уже через десять дней, когда война казалась неотвратимой, он призывал поддерживать правительство. Было ли это стремлением произвести впечатление на германских социал-демократов, желанием подтолкнуть германских социалистов к проведению всеобщей стачки в случае, если Германия нападет на Францию? 31 июля Жорес был убит, и споры о том, каковы были бы его действия во время войны, продолжают до сих пор. Все, что мы действительно знаем, это донесение агента полиции с конферен-

354

Настроение 1914 года

ции социалистической партии; "Нельзя не отметить, что жест Жореса, неясный и неопределенный, граничит с пустословием"²⁹.

А вот пример, в котором руководители Германской социал-демократической партии выглядели большими реалистами. Они неоднократно отвергали идею всеобщей стачки против войны или для какой-либо другой цели, заявляя, что "всеобщая стачка — это всеобщая глупость". Если партия была достаточно сильной для проведения всеобщей стачки, она могла сделать намного больше, или, как написал Вильгельм Либкнехт в 1891 г.; "Если стачка против войны и экономическая стачка были более чем благочестивые желания, если социал-демократические партии Европы обладают силой провести такие стачки, тогда возникает ситуация, которая сделает каж-

„

" к 30 тт

дую войну невозможной". Лидеры германских социалистов были также убеждены — и в этом они твердые последователи Маркса, — что война против России была той войной, которую они должны поддержать. Это они повторяли снова и снова. Август Бебель провозгласил;

"Земля Германии, Германское отечество принадлежит нам, народным массам, больше, чем кому-либо другому. Поскольку Россия опередила всех в терроре и варварстве и хочет напасть на Германию, чтобы разбить и разрушить ее, мы, как и те, кто стоит во главе Германии, остановим Россию, поскольку победа России означает поражение социал-демократии".

12'

355

Истоки первой мировой войны

Те, кто стоял во главе Германии в 1914 г., знали, как использовать такое отношение. Но если Бебель и другие лидеры социалистов боялись России, они еще больше боялись силы Германского государства. Они не смогли забыть двадцати лет антисоциалистических законов Бисмарка, при которых обычная деятельность политических партий была невозможной, и они были в ужасе от того, что подобные запреты могли быть введены вновь, поскольку многие консерваторы призывали к этому. Лидеров социалистической партии приводило в замешательство насилие, присущее антимилитаристской деятельности Карла Либкнехта (сына Вильгельма Либкнехта) — человека, которого Бебель надеялся когда-нибудь увидеть среди лидеров партии следующего поколения. Бебель фактически признавал бессилие социалистов перед Германским государством и прусским милитаризмом в разговорах с британским генерал-консулом в Цюрихе между

1910 и 1912 гг. С его согласия было послано сообщение Эдварду Грею, что даже если бы его партия имела в рейхстаге большинство, она все равно не смогла бы предотвратить войну. И единственная надежда победить прусский милитаризм состоит в том, чтобы Британия приложила все усилия и создала флот, способный нанести решающее поражение Германии³². Бебель понимал природу прусско-германского государства лучше, чем кое-кто из его более оптимистически настроенных коллег. При первых сообщениях о мобилизации руководство германских социал-демократов завершило,

Настроение 1914 года

что партийные деньги будут переведены в Швейцарию в случае, если партия будет объявлена вне закб-на, как во времена Бисмарка. Но в этом не было необходимости и от этого отказались, когда стало ясно, что Бетман Гольвег старался способствовать объединению социалистов со своей партией, поскольку социалисты собирались поддерживать войну. В течение нескольких недель, или даже дней, международная солидарность рабочего класса оказалась безрезультатной, также как и усилия либеральных движений за мир. Когда 29 июля в Бреслау состоялось бюро Второго Интернационала, оно не только продемонстрировало свою слабость, но и показало, что его члены слишком поздно осознали всю силу кризиса. Все обсуждения были посвящены переносу конференции из Вены в Париж и переносу даты ее с сентября на 9 августа. Причина поражения тех, кого считали действенной оппозицией, способной не допустить войну, состояла в том, что, несмотря на все революционное красноречие, даже самые радикально настроенные социалисты были частью своего национального общества.

За короткий срок правительствам удалось убедить своих граждан, что они являются жертвами агрессии, а чувства патриотизма и самосохранения оказались сильнее, чем любое международное осуждение. Это особенно характерно для Германии. Как мы видели, с 1912 г. Бетман старался убедить всех в том, что, если начнется война, Россию можно будет обвинить в ее развязывании. Мобилизация в обеих стра-

357

Истоки первой мировой войны

нах фактически проходила без задержек. В исследовании Дж. Дж. Беккера говорится, что только на территории Франции объявление о мобилизации было воспринято со слезами и ужасом³³, и лишь незначительное число людей не собирались выполнять приказ о призыве. В Германии объявление войны было принято почти без враждебности, хотя в последнюю неделю июля состоялся ряд многочисленных и впечатляющих демонстраций против войны, организованных местными социал-демократами, которые проводились более против союза Германии с Австрией, чем против германского правительства, убедившего даже некоторых левых социалистов в своих мирных намерениях. Бетман Гольвег имел связи с некоторыми лидерами-социалистами во время последнего кризиса, и правительство распорядилось, чтобы не предпринималось никаких мер против социал-демократов. А еще важнее то, что правительство ко 2 августа обеспечило объединение с профсоюзными лидерами, и профсоюзы решили приостановить все забастовки и требования о зарплате во время войны. В атмосфере ненависти и страха к России, которые быстро распространялись, очень сильное влияние имели призывы К'национальной солидарности. Члены рейхстага, социал-демократы после длительных и мучительных дискуссий 4 августа проголосовали за военные кредиты, на которых настаивало правительство. И когда мобилизация была объявлена, и мужчины были отправлены на фронт, любая агитация против войны могла рас-

358

Настроение 1914 года

смаиваться как предательство не по отношению к абстрактной Родине, а по отношению к товарищам по армии. Как вспоминает один социалист, депутат рейхстага, перед отъездом из Берлина и голосованием за военный кредит один резервист сказал ему: "Вы отправляетесь в Берлин, в рейхстаг. Думайте там о нас, думайте там о наших нуждах, не жалейте, голосуя за военный кредит" .

У австрийских политиков-социалистов были те же проблемы. Как отмечал британский посол, "в Вене царил такое всеобщее настроение, что сообщения о разрыве отношений с Сербией вызвали всеобщее ликование, толпы народа заполнили улицы, распевая патриотические песни до утра"³⁵. Виктор Адлер, лидер социал-демократической партии, признанный международным движением, потряс своих коллег, выступая на собрании бюро Социалистического Интернационала: "Партия беззащитна ... Демонстрации в поддержку войны проходят по улицам ... Вся наша организация и наша пресса подвергается угрозе. Мы на грани разрушения плодов тридцатилетнего труда, который не имеет никакого политического результата"³⁶. В этих условиях австрийская партия отказалась от надежд остановить войну. В Венгрии социалистическая пресса критиковала объявление ультиматума Сербии, но партия была слишком немногочисленна, чтобы оказывать влияние. И в парламенте в Будапеште все другие партии единодушно продемонстрировали свою горячую поддержку войне, оставив все разногласия.

369

Истоки первой мировой войны

То же происходило и в других столицах Европы. В России 5 членов большевистской партии в думе проголосовали против военных кредитов (позже они были арестованы), а другие социалисты воздержались, но это были слишком слабые проявления по сравнению с тем энтузиазмом, который испытывали члены российского общества. И в левом крыле были люди, готовые поддержать войну. Лидер анархистов, князь Петр Кропоткин, находившийся в Лондоне в изгнании, надеясь, что война на стороне Британии и Франции принесет России либерализацию, обратился к русским с призывом: "Защищать себя как диким зверям против германцев, сражаться как дьяволам, не придерживаясь никаких правил гуманности"³⁷.

Лишь Социалистическая партия Италии осталась верна принципам интернационализма, хотя энтузиазм, с которым она восприняла декларацию Италии о нейтралитете, длился недолго, и за ним последовал новый всплеск разногласий и размежеваний в период между июлем 1914 и маем 1915 гг. Итальянские левые уже провели предварительные дебаты о войне и мире и патриотизме во время войны в Ливии. С несколькими членами реформистского правого крыла партии социалистов они откололись от остальной партии и поддерживали войну, потому что верили в национальную солидарность и думали, что африканские колонии поднимут жизненный уровень итальянского рабочего класса. С другой стороны, одним из яростных противников войны с Ливией был Бенито Муссолини. Он заявил о своей позиции в статье, на-

360

Настроение 1914 года

писанной за несколько недель до объявления войны Турции: "Если Отечество— лживый вымысел тех дней — потребует новых жертв в виде денег и крови, пролетариат..; ответит всеобщей стачкой. Война на-

ций перерастет в войну классов" . Таким образом, неспособность Второго Интернационала воздействовать на события 1914г. и поддержка войны германскими и австрийскими социалистами вызвали глубокое разочарование среди сторонников левых в Италии. Как писал 4 августа 1914 г. Муссолини: "Социалистический интернационал умер .. Но разве он когда-либо жил? Это было сильное желание, а не реальность. Его штаб-квартира находилась в Брюсселе, и он выпускал бюллетень усыпляющего действия на трех языках раз-два в год. Больше ничего"³⁹. Это было начало перехода Муссолини от военного социализма к военному национализму. За несколько месяцев он стал одним из наиболее резких приверженцев вступления Италии в войну на стороне Британии и Франции. Пассивное поведение большинства социалистических лидеров, чье отношение к войне выражалось в лозунге "ни поддержки, ни противостояния", оказало большее влияние на настроение сограждан, чем шумные призывы к вступлению в войну. В Британии, где не существовало ничего подпольного, последствия мобилизации были

менее драматичными и широко распространенными, чем в континентальных странах. У нас мало документов, подтверждающих реакцию на объявление войны в
361

Истоки первой мировой войны

различных местах и разных классах, но оппозиция войне быстро сократилась. А те немногие радикалы в парламенте, кто 3 августа критиковал правительство, решившее вступить в войну, были сметены Бэлфором в его речи: "Те, кого мы слушали вчера вечером в дебатах, были отбросы и подонки"⁴⁰. Сообщения о настроениях в Англии были разные: "На каждом лице изображена натянутая серьезность"⁴¹, — заметила 5 августа в Лондоне Беатрис Бибб. Другие же и сами испытывали энтузиазм и видели его вокруг себя: "Я, возможно, со временем перемену свое мнение, но в настоящий момент, допуская, что эта война уже наступила, я ощущаю только благодарность богам за то, что они послали ее в мое время. Какой бы ни была сама война, подготовка к борьбе во время войны — величайшая игра и чудесная работа в мире"⁴². Бертран Рассел, оглядываясь назад, в август 1914г., и сознавая, какая нужна была смелость, чтобы плыть против течения во время войны, вспоминал: "Я провел вечер (3 августа) бродя по улицам, особенно прилегающим к Трафальгарской площади, наблюдая толпы кричащих людей и проникаясь чувствами прохожих. В течение этого и следующего дней я обнаружил, к своему удивлению, что обычные мужчины и женщины были в восторге от предстоящей войны"⁴³. Число добровольцев было велико и не ограничивалось представителями средних и высших классов, большинство новобранцев были простыми шахтерами и рабочими, что пугало сильных мира сего.

362

Истоки первой мировой войны

Настроение 1914 года

ции национализма, которыми манипулировали европейские правительства. То, как была воспринята война, когда она наступила, было результатом того, что патриотизм десятилетиями прививался различным обществам по всей Европе. Это стало результатом того, что годами международные отношения обсуждались на неодарвинистском языке борьбы за выживание и выживание сильнейших, в котором идеи либерализма через насилие, свободы личности, или национальной свободы были для всех одинаковы. Настроение 1914г. должно рассматриваться частично как результат широко распространенного возмущения против либеральных ценностей мирного и рационального решения всех проблем, что считалось само собой разумеющимся в девятнадцатом веке. Либералы середины девятнадцатого века предсказывали мир, в котором, как написал Герберт Спенсер: "Прогресс... является не случайностью, но необходимостью... И действительно, вещи, которые называли злом и безнравственностью, исчезнут, человек обязательно станет лучше"⁴⁶. Этот прогресс предусматривал уничтожение национальных братьев через свободную торговлю и решение международных споров путем рациональных переговоров, поскольку с этой точки зрения нет неразрешимых проблем. Во внутренней политике предполагалось распространение самоуправления в той или иной форме, так что каждое национальное сообщество в конечном счете получит автономию, и в то же время какая-либо форма демократического правления станет обычной

364

конституционной системой повсюду. Даже до начала первой мировой войны разрушились многие положения либерализма девятнадцатого столетия, на них нападали со всех сторон. В особенности в последние двадцать лет девятнадцатого столетия, новый тип резкого национализма, часто, но не всегда ассоциируемый с новой популярностью империалистической экспансии, который нашел выражение в работах публицистов и влиятельных общественных организаций националистической ориентации во многих

государствах Европы. Часть этих организаций имела цель защитить особые методы подготовки войны (например, морские лиги в Британии и Германии). Некоторые из них имели антидемократический настрой, либо на общих идеологических основаниях, либо из-за того, что они были убеждены, что проволочки и компромиссы в парламентской деятельности способствовали развитию национальной неэффективности.

В более общих чертах неонационализм, как тогда думали о нем, по существу своему скорее инстинкт, чем разум, основанный на фундаментальных связях между людьми и землей их страны, и на связях, по выражению влиятельного французского писателя-националиста Мориса Барре, с "La terre et Les morts". Такие идеи тесно связывались с расистскими теориями о необходимости создания чистоты национальной породы и исключения порчи, вызванной смешиванием с иностранными элементами. Таким образом, для многих писателей идея воспитания здорового нацио-

365

Истоки первой мировой войны

Настроение 1914 года

нального духа была неразрывно связана с идем! предохранения его от осквернения так называемыми разлагающими космополитическими силами, а именно евреями. Наиболее важным в создании интеллектуального климата, в котором процветал национализм, было влияние идей, возникших из непонимания теорий дарвинизма, которые, как мы видели, имели глубокое влияние на идеологию империализма. Если мир государств, как и мир природы, жил по закону, по которому все подчиняется борьбе за выживание, тогда подготовка к этой борьбе - была первейшей обязанностью правительств. Вера в необходимость и даже в желательность войны как формы, в которой будет проходить международная борьба за выживание, была не ограничена в правах. И это было принято за истину в широких слоях общества. Консервативный генерал Конрад фон Хетцендорф, начальник австро-венгерского генштаба, и великий французский писатель Эмиль Золя, человек, придерживавшийся рациональных и научных взглядов на мир и на радикальную политику, в разное время выражали свои мысли так. Конрад писал после войны:

"Филантропические религии, учения о морали и философские доктрины могут иногда служить ослаблению борьбы человечества за существование в жестокой форме, они никогда не являлись движущей силой в природе,.. Благодаря этому великому принципу катастрофа мировой войны наступила неизбежно и нертвра-

366

шимо, как результат движущих сил в жизни государств и народов, как гром, который сам себя разряжает " 47.

А на 30 лет раньше, в 1891 г., Эмиль Золя писал даже с большей уверенностью:

"Разве не станет конец войны котком гуманности? Война — это сама жизнь. Ничто не существует в природе, рождается, растет или размножается без борьбы. Мы должны есть, нас поедают, для того, чтобы мир мог жить. Только воинственные нации процветают. Как только нация разоружается, она погибает. Война — это школа дисциплины, жертвенности и отваги" .

И на самом деле широко распространено мнение, что война была не только неизбежна, но и необходима: добродетели дисциплины и послушания, на которых настаивали фашисты после войны, они провозглашали и перед началом войны. Итальянские националисты выражали свои чувства так: "В то время как слабоумные демократы кричали о войне как о жестоком наступлении устаревшей дикости, мы думаем о ней как о сильнейшем стимуле для тех, кто рожден слабым, острым и героическом средстве достижения власти и богатства. Людям нужны не только сильные чувства, но

и другая добродетель, которая становится более презираемой и менее понятной,— повиновение"⁴⁹. Война рассматривалась как опыт, который может принести личное и национальное благополучие. Эта мысль сконцентрирована в из-

367

Истоки первой мировой войны

вестной фразе Маринетти, лидера итальянских писателей и художников-футуристов: "Guerra, sola igeeia del mondo?" Известный английский публицист Сидней Лоу сделал почти такое же замечание во время Гаагской мирной конференции: "Справедливая и необходимая война не более жестока, чем хирургическая операция. Лучше причинить больному немного боли и немного испачкать свои руки кровью, чем позволить болезни разрастись в нем настолько, что он станет себе и всему миру противен и умрет в медленной агонии"⁵. Во Франции правые националисты говорили такие же вещи. Писатель Абель Боннар. писал в 1912г.: "Мы должны принять ее во всей ее дикой поэзии. Когда человек бросает себя в нее, это не его инстинкты обновляют его, но добродетели, которые он обретает вновь ... Это война все обновляет"⁵¹.

Когда война началась, английские пресса, пропагандисты и религиозные лидеры призывали воспри[^]нимать войну через учение двух германских писателей -г- философа Фридриха Ницше и историка Генриха фон Трайтцке (которые произносятся соответственно Нитц-шей и Тратц-кей, как в одном памфлете то ли любезно, то ли ошибочно объяснялось читателям⁵².) Выбор Ницше и Трайтцке был результатом германофобии, распространенной в первые месяцы войны. Снова и снова члены германского правящего класса, включая Мольтке и Тирпнца, платили дань тому влиянию, которое оказали на них лекции Трайтцке в Берлинском университете, утверждавшие-

368

Настроение 1914 года

го, что война — "народный трибунал, через который получит всеобщее признание существующий баланс сил"⁵³> Во всех его исторических трудах и лекциях о политике, прочитанных между 1874 и 1895гг. восторженной публике в Берлине, Трайтцке подчеркивал, что государство связано не индивидуальными нормами. Многие из того, о чем писал Трайтцке, сходно с идеями, распространенными в Европе, и не только германцы считали, что если государственный флаг оскорблен, долг государства требовать удовлетворения. И если удовлетворение не получено, оно объявляет войну, как бы тривиальны ни оказались обстоятельства для этого государства, оно должно напрячь каждый нерв, чтобы сохранить то уважение, которого оно заслуживает в системе других государств⁵⁴. В этой системе государств защита национальных ценностей, материальных и духовных, является первостепенной, и высший долг государства организовать эту защиту: "В момент, когда государство провозглашает: «Ваше государство, существование вашего государства в опасности»,— эгоизм исчезает и партийная ненависть умолкает ... В этом состоит величие войны, тривиальные вещи полностью теряют ценность перед великой идеей государства" . Трайтцке рассматривал Германию и Пруссию как государство, которое стало великим благодаря своей армии, отстаившей это величие перед лицом Франции, Англии и римских католиков. И он отобразил особую параноидальную черту германского национализма, которая снова проявилась в 1914 г., — боязнь

369

Истоки первой мировой войны

окружения их государства кольцом враждебных государств. Будущий министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен молодым человеком посещал в 1887 г. лекции Трайтцке и писал в то время: "Трайтцке открыл мне новую сторону германского характера— ограниченность, высокомерие, не-терпимый прусский шовинизм" .

Если Трайтцке использовал широко распространенные концепции национального государства и необходимости войны для его сохранения, но преподносил эти идеи в

форме рекомендаций, вытекавших из его взглядов на историю Германии, то теория Ницше была шире. Англичане, включая и редактора "Тайме", считали в 1914 г., что Ницше был некоторым образом ответствен за то, что война стала характерной для нации, не потрудившейся прочитать его книги, особенно "Так говорил Заратустра", которая стала бестселлером почти во всех странах Европы, не говоря о Британии. Позже делались попытки возложить ответственность на Ницше не только за первую мировую войну, но и за национал-социализм, однако это односторонняя интерпретация его сложного и противоречивого учения. В его трудах много того, что получило отклик в душах людей в 1914 г. и способствовало созданию интеллектуального климата, в котором началась война, Ницше не только призывал к действию и насилию, говорил о необходимости грубости и жестокости, о воле к власти, верил в то, что "война и смелость творят больше великих дел, чем любовь к ближнему", но он критиковал многие

370

Настроение 1914 года

черты современного буржуазного общества — его лицемерие, лживость, его мещанство. Молодым людям по всей Европе за двадцать лет до войны Ницше начал проповедовать мысли об освобождении личности и политической свободе, а некоторым из них, таким как убийцы эрцгерцога Франца Фердинанда, — об освобождении через насилие. Книгу "Так говорил Заратустра" можно было найти в ранцах тысяч солдат в 1914 г., и не только в Германии, но и в России, где также, как сообщал корреспондент "Тайме", "почти все благородные души ... жадно пили из источников Ницше"⁵⁷. Хотя проповеди Ницше о личной свободе (стань тем, что ты есть) не обязательно говорили о войне, его постоянные упоминания о необходимости жестокого лекарства от болезни современного европейского общества находили много откликов у тех, кто принял и приветствовал войну.

Можно говорить о том, что у этих двух писателей аудитория была невелика, поскольку их читатели находились только среди грамотного населения. Но эти идеи, проникая в прессу, становились известны людям, которые отзывались на новый радикальный национализм и могли влиять на решения правителей Европы в 1914 г. Конечно, молодые люди, которые пошли воевать, были полны идей о необходимости войны как средства освобождения и достижения новой национальной солидарности. Во Франции, к примеру, в 1912 г. два писателя под псевдонимом "Агатон" опубликовали обзор мнений парижских

371

Истоки первой мировой войны

студентов. Авторы обращались к аудитории в республиканском академическом заведении, традиционно готовившем французскую политическую элиту. По крайней мере, эти несколько сотен молодых людей (ничего не сказано о взглядах девушек) были более

58 г.

склонны к войне, чем предыдущее поколение. Это свидетельствует, насколько идеи, особенно Мориса Барра, влияли на студентов факультета права и Свободной школы политических наук, хотя есть данные о том, что студенты других групп не делились своими взглядами и были, например, против принятия закона об увеличении срока службы до трех лет. В любом случае, эта группа французской элиты не имела возможности оказывать влияние, поскольку за два года многие из тех, кого опрашивал Агатон, погибли на полях сражений.

Тот факт, что теоретики и ораторы неонационализма в Европе до 1914 г. влияли только на сравнительно небольшую группу людей, говорит о том, что мы должны искать еще и другие причины оживления патриотических инстинктов. Как бы ни оценивалось влияние новых радикальных националистов, расистов и псевдодарвинистов, реакция простых людей во время кризиса 1914 г. была результатом той истории, которую они изучали в школе, — рассказов о прошлом нации,

которые они слышали в детстве, и инстинктивного чувства долга и солидарности со своими соседями и сотрудниками.. В каждой стране детей учили патриотизму, им рассказывали о величии прошлых национальных побед. Даже в такой стране, как Фран-

372

Наступление 1914 года

ция, где сменилось несколько режимов на глазах одного поколения, поддерживались национальные традиции. Популярный учебник французской истории, переизданный и исправленный в 1912 г., не очень отличался по настроению от такого же учебника в Германии или в Британии: "Война не вероятна, но возможна. Вот для чего Франция остается вооруженной и всегда готова себя защитить ... Защищая Францию, мы защищаем землю, на которой мы рождены, самую красивую и самую щедрую страну в мире ..." Это патриотическое вступление сопровождалось рассказом о том, что в каждой стране свои-особые добродетели, которые стоит защищать. "Франция,— пишется в этом учебнике,— чья революция распространила идеи справедливости и гуманизма по всему миру. Франция самая справедливая свободолюбивая и самая гуманная страна"⁵⁹.

В каждой европейской стране детей учили гордиться своими историческими традициями и уважать то, что считается особыми национальными добродетелями. Министр образования Пруссии в 1901 г. подчеркнул важность обучения германца так, чтобы "сердца молодых людей могли облагораживаться энтузиазмом за германский народ и за величие германского гения"⁶⁰. Правительство Третьей республики подчеркивало, к примеру, в 1881г.: "...учителям должно быть сказано прежде всего ... что их первейшая задача научить любить и понимать Отечество"⁶¹. Хотя в каждой стране реформаторы обучения и политики-социалисты старались прививать различные ка-

373

Л.,

Истоки первой мировой войны

Настроение 1914 года

честна, реакция 1914 г. показала, что они не достигли цели, и патриотический язык, которым приветствовали войну, отражал национальные традиции, сложившиеся за многие годы. Леон Жохо, генеральный секретарь Французской конфедерации профсоюзов и человек, тесно связанный с антивоенным движением, в своей речи на похоронах Жореса неохотно, но согласился с необходимостью войны "для отражения захватчиков, для сохранения наследства цивилизованной и великой идеологии, которую история завещала нам". Оглядываясь впоследствии назад он писал: "В жизни человека в некоторые моменты возникают такие мысли, которые кажутся ему не свойственными, но они тем не менее являются суммой традиций, которые он носит в себе и которые в определенных обстоятельствах отзываются в нем с большей или меньшей силой"⁶².

Так или иначе, подъему национального чувства за двадцать лет перед войной во многих случаях способствовали влиятельные группировки или идеологические движения, организованные для воспитания патриотизма. Морские лиги в Германии и Британии, образованные в 1890-х годах, были предназначены для оказания политической поддержки флоту. В Германии Союз обороны способствовал пропаганде необходимости увеличения армии. Во Франции влиятельные группировки были менее важными, частично из-за того, как мы видели, что такие вопросы, как увеличение срока службы, находились в центре обсуждения парламента, и усилия политиков и их сто-

374

ройников были направлены на них. Организации правого толка, такие, как Лига патриотов и монархическая Action Francaise, претендовавшие на роль хранителей истинно национальных традиций, оказались за бортом, поскольку все больше членов республи-

канских организаций становились политическими ораторами-патриотами, а в это время политики-радикалы противились введению бледно-коричневой формы в армии вслед за введением хаки и серой в британской и германской армиях, потому что "красные штаны содержат в себе что-то национальное" ⁶³. Action Francaise и его молодежное движения Camelots du Roi могли мобилизовать лишь несколько сотен молодых людей на патриотические демонстрации только в Париже. Главный же двигатель военной реформы и военного руководства находился внутри самой армии и республиканских партий, а не в этих партиях и движениях.

Цели и методы таких групп воздействия менялись по мере изменения политических систем в каждом государстве. Британская лига флота, к примеру, в основном была озабочена созданием мощного британского флота и его техническим оснащением. Ее члены, поскольку они были отставные офицеры, журналисты и люди профессиональные, имевшие специфический интерес к флотским делам, рассматривали себя как подстегивающую группу, заставляющую адмиралтейство держать марку. Члены лиги пробуждали интерес к флоту в обществе, читая лекции и организуя выставки, они действовали, опираясь

375

Истоки первой мировой войны

на традиции, возвращаясь назад на столетия, когда флот был популярен. Германская лига старалась вы-звать интерес больше к современному флоту, предназначенному служить целям германской внешней политики и помогать объединению нации.

Общественные организации в Англии выражали новое национальное чувство, сочетавшее гордость за достижения британской империи с озабоченностью о ее будущем. А после войны в Южной Африке, когда обнаружилась слабость британской армии, была осознана необходимость в повышении национальной боеготовности. В связи с этим началось движение за введение обязательной военной службы. Возглавляла его лига национальной военной службы под руководством лорда Робертса. Провал этого движения произошел из-за того, что либералы отказались рассматривать вопрос о воинской повинности, которую в конце концов они приняли в 1916 г. после почти двух лет войны. Самого большого успеха в деле воспитания патриотизма достигла организация бойскаутов, созданная одним из героев войны в Южной Африке Робертом Баден-Пауэлом.

Ранее существовавшие движения ассоциировались с той или иной церковью (Бригада мальчиков, или Бригада церкви^лад) и предназначались для физической и моральной подготовки и здорового досуга мальчиков из промышленных городов. Популярность бойскаутов возникла благодаря тому, что они объединяли национальную и имперскую ориентацию с социальными целями, и в то же время сочетали ак-

376

Настроение 1914года

тивность на свежем воздухе с изучением природы без явной военной дисциплины, которая существовала в других молодежных движениях. Баден-Пауэл видел в движении путь к выживанию империи в дарвинистской борьбе. "Мы все должны быть кирпичиками в стене великого предприятия— Британской империи — и мы должны стараться не дать нашим разногласиям во мнениях в политике и в других вопросах стать настолько сильными, чтобы разъединить нас. Мы должны сомкнуть плечо к плечу, если мы хотим сохранить наше теперешнее положение среди наций" ⁶⁴. Он обращался к патриотическим и спортивным чувствам, используя сомнительные знания античной истории: "Не опозорьтесь, как те молодые римляне, которые прошляпили империю своих предков, из-за того, что были слабыми лодырями без силы и патриотизма. Будьте мужественны! Будьте героями! Каждый на своем месте и будьте мужественны!" ⁶⁵.

Отсутствие воинской повинности привело к подъему молодежных движений в Британии, которых не было на континенте, где два или три года относительно военной службы являлись опытом, который получал почти каждый молодой человек. В Германии существовала парадоксальная ситуация. Многие студенты желали обладать военными

качествами старого правящего класса: они вступали в реакционные студенческие братства, тяготевшие к грубому национализму и безчувственной стойкости, необходимым в борьбе. У многих студентов был выбор— пойти

377

Истоки первой мировой войны

добровольцем на двенадцатимесячную службу вместо службы на полный призывной срок и таким образом повысить свои шансы на получение звания офицера Запаса. За десять лет до войны новые молодежные движения стали популярными среди детей средних классов. Их убеждения были основаны на идеях Ницше. Они гордились своим происхождением на земле Отечества— в лесах и горах Германии. Они преклонялись перед чувствами общности, непринужденности и свободы от лицемерия и условностей современного германского общества и германской политики. Они отделяли себя от ложного и формального патриотизма империалистической Германии и верили, что помогают осознать необходимость национального объединения: "Те, которые, если понадобится пожертвовать своими жизнями за права своего народа, тоже хотят отдать свою молодую чистую кровь за Отечество в борьбе и за каждый мирный день"⁶⁶, — так было сказано в приглашении на фестиваль молодежи. Год 1913-й был полон противоречивых воспоминаний для германцев, поскольку фестиваль молодежи был частью празднования победы над Наполеоном, что способствовало подъему либерально-патриотических чувств, и в то же время для консерваторов этот год был годовщиной триумфа германской армии. Таким образом, события этого столетия представляли ценность и для консерваторов, и для либеральных националистов.

Wandervogel и другие молодежные движения подчеркивали свое несогласие с традиционным гер-

378

Настроение 1914 года.

майским патриотизмом, частично из-за того, что социал-демократическая партия основала свое молодежное движение, и власти были обеспокоены необходимостью знакомить мальчиков, заканчивающих школу, с ценностями, которые предохранят их от влияния социал-демократии и укрепят подлинные патриотические чувства и желание служить в армии, в которую они попадут через несколько лет. В стране был создан ряд добровольных союзов с надеждой на то, как считала одна из таких групп в Мюнхене, что: "Спокойный и осторожный призыв к воинственному духу нации может создать противовес мечтам о военном мире"⁶⁷, В 1910г. кайзер издал указ о формировании некой разновидности юношеской армии (Jugendwehr), подобной британскому бойскауту⁶⁸, и после долгих обсуждений в августе 1911 г. был образован центр для объединения в эту организацию молодежных националистических союзов. Но успех социал-демократической партии на выборах в рейхстаг в 1912 г. показал необходимость более сильных действий, чтобы противостоять социалистическому влиянию и воспитывать патриотизм, а продление срока военной службы во Франции испугало прусского военного министра и убедило его в том, что "нужно готовить молодых людей для военной службы и влиять на них особенно в период после окончания школы и перед поступлением в армию". В связи с этим незадолго перед началом войны были приняты некоторые меры по проведению обязательной подготовки — "гимнастика, спорт, игры, экскурсии и

379

Истоки первой мировой войны

другие физические упражнения" — и все это вместе "с верой в Бога, чувством Родины и любви к Отечест-

ву". Внутренние враги — социал-демократы — оказались в сложных связях с внешними врагами, и с ними обоими бороться предстояло одной организации.

• Jungdeutschland bund сочетала усиленную физическую подготовку и патриотическое воспитание, такое же, как у британских бойскаутов, с большим эмоциональным настроением: "Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть да пустой постели безвестным"⁷¹. Красноречие Ницше, страстное желание освобождения и новых форм действия, которые были характерны для движений германской молодежи, при всех различиях, привели их к такому эмоциональному настрою, который не очень отличался от национализма, критикуемого ими.

Восторженные чувства в 1914г., временный подъем после объединения Германии казался членам Wandervogel выражением того, чему они служили и чего ожидали.

В Италии националистические движения, которые объединились с другими движениями в расчете на то, что Италия вступит в войну, проявили себя так же, как аналогичные организации в других государствах, хотя были жестче в своей эмоциональной риторике и в своей вере в облагораживающую роль войны. Но внутри националистического движения все-таки существовали и противоречия и напряжен-

380

Настроение 1914 года

ность. В Associazione Nazionalista Italiana происходила дискуссия о приоритетах, к примеру, что важнее — приобретение Италией колоний, для чего понадобится поддержка со стороны Германии и Австрии, или вернуть себе Тренто и Триест, что было бы возможно только с помощью Австро-Венгрии? Более того, некоторые подлинные сторонники Associazione Nazionalista вскоре обнаружили, что не могут признать антидемократические и антипарламентские настроения, которые стали преобладать в организации. Произошел конфликт между теми, кто надеялся, что с введением всеобщего права голоса старые партии можно будет омолодить так, что они будут способны действовать в интересах нации, и теми, кто рассчитывал, что либеральная система будет упразднена совсем и все будет подчинено утверждению национального величия Италии. Для одних итальянский национализм был антидемократическим правым крылом, для других он представлял настоящие либеральные традиции Мадзини и Рисорджименто. Мадзини сказал, что любой народ только тогда велик, когда он может выполнить великую миссию в мире. И к 1914г. существовало всеобщее мнение, что Италия должна иметь миссию, хотя в представлениях о том, какова эта миссия, существовали глубокие расхождения. Все считали, что Италию необходимо сделать более современной и более- сильной, но одни придерживались точки зрения лидера, футуристов Ф.Т. Маринетти, что слово "Италия" должно значить больше, чем слово "Свобода", а другие расценивали

3&1

Истоки первой мировой войны

участие в войне на стороне либеральной демократии, которую представляли Франция и Британия, как необходимый результат Рисорджименто⁷². Объединяло эти движения (в основном средних классов) то, что они выражали свои надежды так же неистово и яростно, как и аналогичные им движения в Европе. И эта необузданная риторика послужила делу создания настроения, в котором было принято решение вступить в войну, и подъему фашизма сразу по окончании войны. Многие итальянцы считали, что им помешали осуществить их националистические устремления.

Не многие люди, говорившие о войне, имели четкое представление, какой она будет, и мало кто предвидел ее такой, какой она оказалось на самом деле. Некоторые из тех, кто превозносил войну, включая Маринетти, торопились с осадой Адрианополя в Первой балканской войне, чтобы скорее вкусить зрелищ и звуков современной войны.

Другие же наблюдали последствия артиллерийской атаки там, хотя не все сделали, правильные выводы из того, что видели. Но для большинства людей война представлялась как нечто бессвязное по сравнению с недавними войнами, которые очень отличались друг от друга (война в Южной Африке, русско-японская война и Балканские войны). Воспоминания о колониальных кампаниях в Англии и о войне 1870 г. во Франции и Германии были еще сильны, но они были разные в Британии и в Германии. В Англии периодически возникала паника по поводу "молнии среди ясно-

Неба 1914 года" — неожиданной высадки германского десанта на британское побережье, которая расценивалась как подготовка к вторжению, а в Германии хвастливая и неосторожная речь Первого морского лорда Британии, адмирала Джона Фишера, который пугал тем, что британский флот может нанести внезапный удар по германской морской базе, вызвала страх, достаточный, чтобы в 1907 г. заставить граждан Киля два дня не посылать детей в школу из-за того, что "Фишер идет"⁷³. Эти страхи, как всегда во времена гонки вооружений и затянувшегося международного напряжения, вели к созданию фиктивных и теоретических сценариев войны. Многие историки, следуя трудам А. Дж. Кларка⁷⁴, отмечали популярность романов о вторжениях и войнах и говорили о появлении новой школы писателей научно-фантастического направления, рисовавших картины войн будущего. Но по крайней мере с 1890-х годов романы, описывавшие войну в правдоподобных политических ситуациях, отражали озабоченность и надежды общества. Читатели Британии были встревожены, когда в 1904 г. Познакомились с переводом романа Августа Ниманна "Мировая война, немецкая мечта" с подзаголовком "Предстоящее завоевание Англии", в котором были описаны пугающие картины континентального союза против Британии, где Германия высаживается в Шотландии, а Россия — в Англии. В течение следующих лет британские и французские писатели сосредоточились на германской угрозе и оставили тему

382

383

Истоки первой мировой войны

англо-французской войны, которая привлекала внимание в 1880-е и 1890-е годы. Французский писатель "Капитан Данрит", который в своих ранних романах изображал истощенную Францию в войне с Германией и Англией, к 1905 г. обратился к Дальнему Востоку в "Желтой опасности", а затем переключился на предстоящую войну с Германией. В Англии плохой, но популярный романист Вильям Ле Квекс, который в 1899 г. был увлечен изображением шпионажа французов в Лондоне ("Англия в опасности"), в своем самом знаменитом романе "Вторжение 1910 г." пугал своих читателей рассказом об успешном вторжении -Германии, удавшемся потому, что Британия пренебрегала военной подготовкой. Эти романы предлагали своим читателям в Англии, Германии и Франции не только зеркало их собственных опасений, но также уверенность в конечном триумфе. По словам А. Дж. Кларка: "В течение последних двух десятков лет девятнадцатого столетия эпическая поэма ушла из легендарного прошлого, она превратилась в популярный и предполагаемый миф, заглядывающий в близкое и кажущееся правдоподобным будущее"⁷⁵.

Публикация романов о вторжении .сопровождалась распространением рассказов о шпионах, и все это способствовало боязни шпионов в реальной жизни. В романе "Вторжение 1910." наступление Германии было подготовлено армией шпионов, в романе "Шпионы кайзера"(1910) Ле Квекс внушал, что почти каждый иностранец был шпионом, и это даже было

76

учтено военными властями . Во Франции Леон До-

384

Настроение 1914, года

де из движения Action Francaise рассказывал о мифической сети германо-еврейских шпионов во Франции в книге, вышедшей в 1913г. (было продано 11500 экземпляров перед началом войны)⁷⁷. Она также внесла свой немалый вклад в развитие шпиономании в первые дни августа 1914г., когда говорили, что в плакаты, рекламирующие бульонные кубики, были вмонтированы секретные германские жучки. В Британии в первые дни войны также каждого германца считали шпионом, и многие официанты и парикмахеры были разоблачены бдительными гражданами. Правительство оказалось под сильным давлением и было вынуждено проводить политику интернирования.

К 1914г. идея войны стала если не реальной, то знакомой. Каждый международный кризис с 1905г., казалось, приближал ее, хотя каждый раз удавалось ее избежать и оставалась надежда на то, что так будет происходить всегда. Жан Жорес, к примеру, говорил 30 июля 1914 г.: "Будет так же, как в Агадире. Будут

78

подъемы и спады, mais les choses ne peuvent ne pas". Для многих людей война не была совсем уж нежелательным опытом. Некоторые видели в ней разрешение социальных и политических проблем, необходимую хирургию для создания целостного политического организма. Другие видели в ~ней возможность избавиться от рутины и скуки обыденной жизни, большое приключение или спортивное развлечение. Немногие рассматривали ее как переход в революцию, пользуясь высказыванием Ленина более позднее-

Л. Эак.300

385

Истоки первой мировой войны

го периода: "Великий катализатор". Как следует из одного доклада Виктора Адлера на- собрании бюро социалистического интернационала в Брюсселе 29 июля 1914 г., в котором австрийский лидер социалистов сказал с сожалением: "В национально-освободительных войнах война становится средством освобождения, надеждой на то, что что-нибудь изме-

70

нится". Такую двусмысленную надежду питали и австро-венгерские лидеры, рассчитывавшие, что война с Сербией— это необходимость для сохранения монархии, а сербские националисты надеялись, как написал об этом американский дипломатический обозреватель: "Будет намного утешительнее вступить в отчаянную войну, чем умереть тихо от удушения, so которое суждено им волею судеб" .

Для многих южных славян, включая группу тех, кто убил эрцгерцога Франца Фердинанда, национальная цель превышала все доводы и утилитарные расчеты. Но этот все дозволяющий национализм у малых наций был безграничен в их борьбе за независимость и объединение. К концу девятнадцатого столетия эти идеи стали связывать с верой в то, что государство — живой организм, который больше, чем единство его граждан, имевших свои права и обязанности; таким образом, оно имело право требовать от них преданности и послушания. Хотя либералы продолжали настаивать на том, что личность имеет право противостоять государству в определенных обстоятельствах (в Британии во время войны граждане имели право отказываться от воинской службы на

386

Настроение 1914 года

основании убеждений), и хотя социалисты уверяли, что международная солидарность рабочего класса изменит национальную преданность, отношение к войне в 1914 г. показало, что цели национальных государств и ценности, заключенные в них, оказались для многих людей важнее, чем другие приверженности.

Те политические лидеры, которые приняли решение вступить в войну, осознавали первостепенную важность сохранения того, что считалось жизненно важными

интересами. Эти национальные интересы частично заключались в территориальных и стратегических условиях (возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, закрепление России в Константинополе и в проливах, расчеты Британии на то, что побережье Бельгии не будет оккупировано вражеским государством), на также в более общих чертах содержали в себе мировоззрение, взгляд на природу вещей и ход истории. В этом заключались идеи о необходимости создания или изменения баланса сил, о международной борьбе за выживание и неизбежность войны, о роли империи как необходимого условия победы. Когда было принято решение вступить в войну, правительства были готовы воевать, потому что все члены осознавали ее необходимость. Для большинства людей война оказалась или представлялась как неизбежность, если они хотели защитить свою страну и свои дома от иностранных захватчиков, и они не сомневались в том, что они слышали из поколения в поколение о величии и превосходстве своей нации.

13'

387

Настроение 1914 г. может быть оценено приблизительно и импрессионистски. Чем детальней мы изучаем его, тем более мы убеждаемся, насколько оно было неодинаковым в разных странах, а также в разных классах общества. На каждом уровне наблюдалось желание рисковать и согласие воевать для раз* решения всего комплекса проблем — политических, социальных, международных, не говоря уже о войне, как о единственном способе противостоять прямой физической угрозе. И это те отношения, которые сделали войну возможной, и все-таки, исследуя менталитет правителей Европы и их субъектов, приходишь к выводу, что все объяснения причин войны являются ложью.

Примечания

¹ Jean-Jacques Becker, *1914 — Comment les Français sont entrés dans la Guerre* (Paris 1977). (Eng tr. *The Great War and the French People* (Leamington Spa 1985)).

² G.P. Gooch and Harold Temperley (eds) *British Documents on the Origins of the War 1898-1914*. Vol. X (London 1932), Part H. No. 510, p. 746. (Hereinafter referred to as BD.)

³ Winston Churchill, *The World Crisis* (one vol. paperback edn, London 1964), pp. 113-114.

-

⁴ Becker, *1914*, p. 133.

⁵ Dieter Groh, *Negative Integration und revolutionärer Attentismus: die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges* (Frankfurt-am-Main 1973), p. 611.

⁶ Quoted in Becker, *1914*, p. 127.

⁷ J. Deutsch, *Der Kampf*, Dec. 1914, quoted in N. Leser, *Zwischen Reformismus und Bolschewismus* (Vienna 1968), p. 265. See also S. Müller, *Burgfrieden und Klassenkampf* (Dusseldorf 1974), p. 36.

388

Настроение 1914 года

⁸ Jeremy Bentham, *Plan for a Universal and Perpetual Peace* (1786-1789; published posthumously 1843), quoted in F.H. Hinsley, *Power and the Pursuit of Peace* (pb. edn, Cambridge 1967), p. 302.

⁹ Resolution passed at the International Socialist Congress, Stuttgart 1907, quoted in J. Joll, *The Second International 1889-1914*. (2nd edn, London 1974), pp. 206-208.

¹⁰ Quoted in Roger Chickering, *Imperial Germany and a World Without War: The Peace Movement and German Society 1892-1914* (Princeton 1975), p. 91.

¹¹ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette*, Vol. XV. (Berlin 1924). No. 4257, p. 306 (Hereinafter referred to as GP.) For the Hague Conferences, see Jost Dulfer, *Regeln gegen den Krieg? Die Haager Friedemkonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik* (Frankfurt-am-Main 1981).

¹² GP XV, No. 4320, p. 306.

¹³ BD I, No. 276, p. 226.

¹⁴ BD VIII, No. 256, p. 295. ¹⁵ BD VIII, No. 254, p. 287. ¹⁶ GP XXIII, I, No. 7963, p. 275.

¹⁷ *Nach Ausdruck des Europäischen Krieges*, Aug. 1914, quoted in Chickering, op. cit., p. 322.

¹⁸ L.T. Hobhouse to John Burns 6 Aug. 1914, quoted in Keith Robbins, *The Abolition of War: The 'Peace Movement' in Britain 1914-1919* (Cardiff 1976), p. 322.

¹⁹ Karl Marx, 'The war', *New York Daily Tribune* 15 Nov. 1853 in Eleanor Marx (ed) *The Eastern Question*

(London 1897), p. 151.

²⁰ Quoted in E. Molnar, *La Politique d'Alliances du Marxisme 1848-1889* (Budapest 1967), p. 152.

²¹ Quoted in Gustav Maier, *Friedrich Engels* (The Hague 1934). Vol. II, p. 186.

²² Maier, op. cit., p. 187.

²³ F. Engels, Introduction to S. Borkheim, *Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806-1812* (1887), quoted in Karl Kautsky, *Sozialisten und Krieg* (Prague 1937), pp. 250-251.

²⁴ Quoted in V.I. Lenin, *The War and the Second International* (London 1936), p. 57. For a further discussion of these questions see James; Joll, 'Socialism between peace, war and revolution' in S. Bertelli (ed.) *Per Federico Chabod* (1901-1960), Vol. II *Equilibrio*

389

Истоки первой мировой войны

edEspansione Coloniale 1870-1914 (Perugia 1982).

²⁵ Quoted in Erich Eyck, *Das persönliche Regiment Wilhelms II* (Zurich 1948), p. 62.

²⁶ Quoted in Kautsky, op. cit., p. 274.

²⁷ See Jean-Jacques Becker, *Le Garnet B.* (Paris 1973).

²⁸ See e.g. Becker, 1914, pp. 106-117; J.J. Becker and Annie Kriegel, *1914: la guerre et le mouvement ouvrier français* (Paris 1964); Georges Haupt, *Socialism and the Great War: The Collapse of the Second International* (Oxford 1972), pp. 171-180; Annie Kriegel, *Le Pain et les Roses* (Paris 1968), pp. 107-124.

²⁹ Quoted in Annie Kriegel, 'Jaures en 1914' in *Le Pain et les Roses*, p. 115.

³⁰ Quoted in Maier, op. cit., Vol. II, p. 519.

³¹ Bebel at SPD Congress 1891, *Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagges der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands* (Berlin 1891), p. 285.

³² See R.J. Crampton, 'August Bebel and the British Foreign Office', *History*, 58 (June 1973) and Helmut Bley, *Bebel und die Strategie der Kriegsvermutung 1904-1913* (Göttingen 1975).

³³ See the tables in Becker, 1914, pp. 286-291.

³⁴ *Vossische Zeitung* 5 May 1916, quoted in Edwyn Bevan, *German Social Democracy during the War* (London 1918), p. 15. See also Joll, *Second International*, p. 179.

³⁵

³⁶

BD XI, No. 676, p. 356.

³⁷ Quoted in Georges Haupt, *Socialism and the Great War: The Collapse of the Second International* (Oxford 1972), pp. 251-252.

³⁸ Quoted in George Woodcock and Ivan Avakumović, *The Anarchist Prince* (London 1950), p. 379.

³⁹ R. de Felice, *Mussolini il Revolucionario* (Turin 1965), p. 104.

⁴⁰ G. Bozzetti, *Mussolini direttore dell'Avanti!* (Milan 1979), p. 189.

⁴¹ Hansard, 5th series, Vol. LXV, col. 1881.

⁴² Margaret I. Cole (ed.) *Beatrice Webb's Diaries 1912-1924* (London 1952), p. 26.

⁴³ 'In Kitchener's Army', *New Statesman*, 5 Dec. 1914; F.H. Keeling, *Keeling Letters and Reminiscences* (London 1918), p. 209, see Arthur Marwick, *The Deluge* (London 1965), pp. 35-36.

390

Настроение 1914года

⁴⁴ *The Autobiography of Bertrand Russell 1914-1944* (London 1968), p. 16.

⁴⁵ Rupert Brooke, 'The dead', *1914 and other Poems* (London 1915), p.13; Julian Grenfell, 'Into battle', Nicholas Mosley, *Mian Grenfell: His Life and the Times of his Death* (London 1976), p. 256,

⁴⁶ The phrase was used by the conservative historian Heinrich Leo in 1853 so had presumably been familiar for some decades. See Christoph Freiherr von Maltzan, *Heinrich Leo* (Göttingen 1979), p. 213. I am grateful to Lord Dacre of Glenton and Mr Daniel Johnson for this reference. The suggestion of the folk-song echo is made by Maurice Pearton, *The Knowledgeable State: Diplomacy War and Technology since 1830* (London 1982), p. 32.

⁴⁷ Herbert Spencer, *Social Statics* (London 1868), p. 80.

⁴⁸ Franz Baron Conrad von Hotzendorf, *Aus meiner Dienstzeit* (Vienna 1923). Vol. IV, pp. 128-129.

⁴⁹ *Le Figaro*, \ Sept. 1891, quoted in Claude Digeon, *La Crise allemande de la Pensee française* (Paris 1959), p. 278.

⁵⁰ G. Papini and G. Prezzolini, *Vecchio e nuovo Nazionalismo*, quoted in Mario Isnenghi, // *Mito detta Grande Guerra da MarineUi a Malaparte* (Bari 1970), p. 77.

⁵¹ Quoted in W.L. Langer, *The Diplomacy of Imperialism* (New York 1951), p. 90.

⁵² *Le Figaro*, 29 Oct. 1912, quoted in Becker, 1914, p. 40,

⁵³ Canon E. McLure, *Germany's War-Inspirers Nietzsche and Treitschke* (London 1914), p. 5. For a

further discussion of this topic, see James Joll, 'The English, Friedrich Nietzsche and the First World War' in Imanuel Geiss and Bernd Jürgen Wendt (eds) *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts* (Düsseldorf 1973).

"Quoted in Peter Winzen. 'Treitschke's influence on the rise of anti-British and imperialist nationalism in Germany' in Paul Kennedy and Anthony Nicholls (eds) *Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914* (London 1981), p. 164.

⁵⁴ Heinrich von Treitschke, *Politik: Vorlesungen von Heinrich von Treitschke* (ed. Max Cornicelius) (Leipzig 1899-1900). Vol. II, p. 550, English tr. in H.W.C. Davis, *The Political Thought of Heinrich von Treitschke* (London 1914) p177.

⁵⁵ Treitschke, op. cit., Vol. I, p. 74; Davis, op. cit., p. 152,

391

Истоки первой мировой войны

⁵⁶ Sir Charles Petrie, *The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austen Chamberlain* (London 1940). Vol. I, p. 28, ⁵⁷ *The Times*, 31 Oct. 1914.

⁵⁸ 'Agathon' (Henri Massis and Alfred de Tarde), *Les Jeunes Gens d'Aujourd'hui* (Paris 1913), pp. 32-33. See Robert. Wohl, *The Generation of 1914* (Cambridge, Mass. 1979) Ch. I.

⁵⁹ E. Lavissee, *Manuel d'Histoire de France* (Cours moyen 1912), quoted in Pierre Nora, 'Ernest Lavissee: son rôle dans la formation du sentiment national', *Revue Historique*, 228 (1962) 104.

⁶⁰ R.H. Samuel and R. Hinton Thomas, *Education and Society in Modern Germany* (London 1949), p. 71.

⁶¹ Quoted in Eugen Weber, *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870-1914* (London 1977), pp. 334-335.

⁶² Quoted in Becker and Kriegel, op. cit., pp. 141, 138.

⁶³ Douglas Porch, *The March to the Marne: The French Army 1871-1914* (Cambridge 1981), p. 184. See also David B. Ralston, *The Army of the Republic* (Cambridge, Mass. 1967), p. 324.

⁶⁴ Robert Baden-Powell, *Scouting for Boys* (London 1908), p. 282. See John Springhall, *Youth, Empire and Society: British Youth Movements 1-883-1940* (London 1977), pp. 15-16.

⁶⁵ Baden-Powell, op. cit., p. 267.

• ^w Freideutsche Jugend, *Festschrift zur Jahrhundertfeier auf dem Hohen Meissner* (Jena 1913), pp. 4-5, quoted in Gerhard A. Ritter (ed.) *Historisches Lesebuch 2. 1871-1914* (Frankfurt-am-Main 1967), p. 363. On the German youth movements see Walter Laqueur, *Young Germany: A History of the German Youth Movements* (London 1962).

⁶⁷ Klaus Saul, 'Der Kampf um die Jugend zwischen Volksschule und Kaserne: ein Beitrag zur "Jugendpflege" im Wilhelminischen Reich 1890-1914', *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, Vol. I (1971), pp. 116-117.

⁶⁸ Saul, op. cit, p. 118.

⁶⁹ Saul, op. cit, p. 137.

⁷⁰ Saul, op. cit, p. 125.

⁷¹ Quoted in Martin Kitchin, *The German Officer Corps 1890-1914* (Oxford 1968), p. 141.

392

Настроение 1914 года

⁷² For the relations between Marinetti and the nationalist movement, see James Joll, 'F.T. Marinetti: Futurism and Fascism*' in *Three Intellectuals in Politics* (New York 1960), pp.133-178. For a discussion of the various tendencies in Italian nationalism, see Rudolf Lill and Franco Valsecchi (eds), // *nazionalismo in Italia e in Germania fino alle Prima Guerra Mondiale* (Bologna 1983).

⁷³ A.J. Marder, *From the Dreadnought to Scapa Flow*, Vol. I. *The Road to War 1904-1914* (London 1961), p. 114.

⁷⁴ I.F. Clarke, *Voices Prophesying War 1763-1914* (London 1966).

⁷⁵ Clarke, op. cit, p. 126.

⁷⁶ See David French, 'Spy fever in Britain 1900-1915', *Historical Journal* 21. No. 2 (1978) 335-370.

⁷⁷

Becker, 1914, p. 510.

⁷⁸ Emile Vandervelde, *Jaures* (Paris 1919), p. 6.

⁷⁹ Haupt, pp. cit, (Oxford 1972), p. 252.

⁸⁰ Norman Hutchinson, US Charge d'Affaires in Bucharest and Belgrade, to State Dept. 27 Feb. 1909, quoted in Vladimir Dedijer, *The Road to Sarajevo* (London 1967), p. 320.

Глава девятая

Заключение

Каждый из рассмотренных нами фактов, которые являлись возможными причинами первой мировой войны, кажется, способствовал принятию решений в последнем кризисе июля 1914г. Личности, принимавшие те решения, были часто в большей степени, чем они сознавали, ограничены в своем выборе не только их собственной натурой, но и множеством решений, ранее принятых ими же или их предшественниками¹. К войне не привели предыдущие кризисы— в 1908, 1911 и 1913гг.,— но не удалось избежать ее в 1914г. И каждый предыдущий кризис повлиял на решение 1914г. Россия в 1913г. не смогла оказать Сербии поддержку, которую та надеялась получить, чтобы отстоять положение на Адриатике, а в 1914г. ее выбор был ограничен тем, что, не защитив Сербию снова, Россия потеряет доверие и влияние на Балканах. Австро-Венгрия считала, что если ей не удастся удержать сербов от завоевания значительной территории, даже если они и не достигнут

394

желаемого положения, она должна сокрушить сербов теперь, чтобы ликвидировать внутреннюю угрозу для монархии, исходящую от южных славян. Германцы надеялись, что Австро-Венгрия — их единственный надежный союзник, которого нужно поддерживать всеми средствами, они также чувствовали, что обязаны сделать это в 1914г. более решительно, чем в предыдущем кризисе. Эдвард Грей надеялся повторить успех посредничества, которое, как он полагал, предотвратило войну в 1912-1913 гг., и это обуславливало его дипломатию на ранней стадии кризиса 1914г. Но когда стало ясно, что посредничество бессильно, британское правительство поняло, что оно потеряет свое международное влияние и положение, если останется в стороне от европейской войны. Оно также боялось, что союз с Россией мог нарушиться, после чего Британия окажется перед новой угрозой России на Среднем Востоке и в Индии.

Продолжавшееся международное напряжение создало ощущение, особенно в Германии, что поскольку война начнется рано или поздно, то необходимо выбрать удобный момент (пока не закончилась программа перевооружения России, пока французы не провели военную реорганизацию, а Британия и Россия не заключили эффективного морского соглашения) для нанесения упреждающего удара, чтобы защитить себя от окружающих

395

Истоки первой мировой войны

вражеских держав. Возможно, германские лидеры думали о войне, как о единственном пути к достижению мирового господства, на которое они нацеливали свои стратегические планы.

В гонке вооружений участвовали все великие державы, она усиливала ощущение того, что война должна начаться и лучше раньше, чем позже. Это привело к серьезным финансовым затруднениям, все правительства, участвовавшие в ней, тем не менее были уверены, что ее невозможно остановить. Публично ее оправдывали как средство 'устрашения, которое послужит скорее миру, чем войне. Ни одно правительство не было напугано программами вооружения своих противников, но расширяло собственные производства вооружения. К 1914г. Тирпиц, который рассчитывал, что германский флот станет настолько сильным, что ни одно британское правительство не отважится идти войной, столкнулся с фактом, что британцы отказались играть роль, отведенную им, и стали добиваться превосходства на море любой финансовой и политической ценой. Продолжавшееся международное напряжение и напряжение от гонки вооружений— все это создавало настроение, в котором война воспринималась почти как облегчение. Как написал в 1912г. французский обозреватель: "... очень часто за последние два года мы слышали, как люди повторяли; «Лучше война, чем.

.бесконечное ожидание ее», — в • этом желании

396

Заключение

нет горечи, но есть скрытая надежда". "П faut eri finir"— лозунг, который был популярен в 1939г., выражал то же, что многие люди Чувствовали в 1914г. Предшествовавший международный кризис, рост вооружений и флота и настроение[^] которое они создавали,— все позволяло определить, что эта конкретная война не могла не разразиться в данный момент. Кризисы сами по себе были результатом долговременных явлений, которые начались по крайней мере за несколько десятилетий до 1914г. Война 1870г. обеспечила военное превосходство Германии в Европе и оставила Франции повод для недовольства от потери Эльзаса и Лотарингии и создала структуру, внутри которой в первые годы двадцатого столетия строились международные отношения. К этому добавилось и то, что империализм 1880-х и 1890-х годов создал в Британии и Германии новый язык, на котором обсуждались международные отношения, и новую разновидность национализма, отличную от того, который в начале девятнадцатого века воодушевлял движения за национальное единство и национальное самоопределение. А у тех людей, которые до сих пор целиком или частично жили под иностранным правлением, выработалось новое убеждение, что национальная независимость важнее всего, и это являлось постоянной угрозой существованию Габсбургской и Оттоманской импе-

397

Истоки первой мировой войны

рий и создавало нестабильность в международной системе. Итак, у нас набирается длинный ряд возможных причин первой мировой войны, из которого можно выбирать объяснение, и выбор обусловлен нашими собственными политическими и психологическими интересами и убеждениями. Некоторые ученые нашли допущение такого многообразия индивидуальных объяснений невозможным и постарались распределить факторы в ситуации, предшествовавшей 1914г., таким образом, чтобы измерить их относительную важность, определить баланс сил в объективные сроки и показать точно, какие обстоятельства привели к войне. Хотя такой неопозитивистский подход может оказаться бесполезным для историков, представляя им важные факты, которые они могли недооценивать, но обязательно имеет ограничения, когда подходит к определению важности того, что по своей природе не поддается измерению (например, состояние умов и то, что называется "моралью", даже если возможно решать— хотя ни в коем случае не определено— точно измерить экономические и стратегические факторы, вызвавшие международную нестабильность³.

Главные действующие лица в 1914г. часто чувствовали, что они оказались жертвами объективных сил, которые им были неподвластны, или что они были частью некоего неизбежного исто-

398

Заключение

рического процесса. Бетман Гольвег, который, как мы видели, обнаружил в разгар кризиса, что es sei die Direktion verloren⁴, за десять дней до того видел "рок, больше чем может вынести человеческое государство, нависший над Европой и над нашим народом"⁵. Ллойд Джордж писал, что нации "скатываются с края кипящего котла войны", Такое чувство беспомощности человека перед неумолимым процессом истории давало облегчение от непреодолимого чувства личной ответственности, испытываемого некоторыми политиками. Но картина истории как великой реки или могучего ветра также могла заставить человека сознавать колоссальную важность действия в нужный момент, если он не "не опаздывал на автобус". Об этом образно сказал Бисмарк: *"Мировая история с ее великими событиями не проходит мимо, как железнодорожный со-став, с постоянной скоростью. Нет, она идет вперед рывками, а затем с непреодолимой силой. Мы всегда должны знать, что мы видим Бога,*

идущего большими шагами через мировую историю, тогда прыгай и цепляйся за край его одеяния так, чтобы тебя перенесло вперед с ним настолько, сколько мы должны пройти".

И Ленин подчеркивал, также употребляя сравнение с поездом, важность решительных действий в нужный момент. Он презирал тех, кто "мог бы

399

Исто* и первой мировой вошь.

узнать социалистическую революцию, если бы к ней привела история так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как Германский экспресс

подходит к станции", вместо того, чтобы быть способным оценить возможности опередить историю. Похоже, что во время кризиса 1914г. ни у одного из лидеров Европы не было чувства времени, как у Бисмарка и у Ленина, которое дало им возможность управлять событиями.

Даже не применяя метафоры, которые называют историю рекой, или штормом, или поездом, или лошадью, несущейся, закусив удила ("история скачет галопом, как испуганная лошадь", — однажды заметил коммунист Карл Радек), мы все-таки испытываем необходимость представить наши объяснения причин начала войны 1914г. в более широком охвате. Каждое из критических решений было принято в специфических учреждениях и общественных структурах. Они (решения) были обусловлены длинным рядом правил поведения личностей и правительств и ценностей, основанных на культурных и политических традициях, а также на социальной и экономической структуре' каждой страны. Проблема Ътих, бесконечно расширяющихся, кругов причинных связей в том, что попытка найти единое объяснение причины начала войны не даст результата, и мы растеряемся в бесконечном числе возможных причин, поскольку очень трудно определить, на какой остановиться,

400

Заключение

если только вас не смущает объяснение событий таких удаленных и неопределенных, что очень трудно достичь одинакового понимания того, почему именно эта война началась именно в этот определенный момент.

Привлекательность марксистской теории в том, что в ней объясняется очень широкий спектр явлений в определенный период при помощи сравнительно небольшого числа основных фактов. Важность марксизма для немарксистских историков очевидна: марксизм изменил коренным образом и необратимо саму природу вопросов, которые ставят историки. Но марксизм не всегда дает на них ответы. Когда, например, мы рассматриваем, какие экономические группы получали выгоду от войны, а какие терпели • потери, нас поражает трудность определения точных причин, по кбто-рым эти группы обычно воздействовали на правительства, сложность и расхождения интересов внутри капиталистического мира, расхождения, которые никоим образом не переносились на разногласия между государствами. Хотя и было установлено, что война присуща природе капитализма, существует расхождение между этим положением и анализом особых решений, принятых определенными личностями в июле 1914г. Роза Люксембург утверждает, что империализм изменяет весь спектр морали, так же как и экономические ценности общества, она обращает внимание

401

Истоки первой мировой войны

на связи между империализмом, протекционизмом и милитаризмом, но оставляет много неясного в том, какие особенности имели империалистические общества вильгельмовской Германии и эду-ардовской Англии и как это объясняет фактические решения 1914г.

Одним из решений этой конкретной историографической дилеммы является отказ от попыток любых долгосрочных, широко охватывающих объяснений с точки зрения

общих социальных, экономических или интеллектуальных факторов. Некоторые историки, особенно в Англии, надеются выявить непосредственные краткосрочные действия политиков и непосредственные краткосрочные причины их. Чтобы найти еще что-либо, нужно постараться навязать модель событий, не имеющих доказательств. Но многие из нас настолько гегельянцы, а не марксисты, что мы не можем в наших объяснениях опираться на моральные качества общества, *Zeitgeist* (Дух времени), также как экономические интересы отдельных участников, как и представителей классов. Воз- можно, это означает подчиниться некоей двухъярусной истории. С одной стороны, широкие линии социального и экономического развития, демографических изменений или даже долгосрочные эффекты разницы в климате и другие аспекты окружающей среды. Некоторые из них можно проанализировать с точки зрения научных законов

402

Заключение

и таким образом создать основу для прогнозов на будущее. Событие такого сорта, как первая мировая война, является крошечным эпизодом, незначительным всплеском на графике. С другой стороны, существует мир, в котором решения отдельных лидеров могут влиять на жизнь и счастье миллионов и менять курс истории на десятилетия. По этой причине вопрос о том, была ли война неизбежна, или, по крайней мере, эта конкретная война в конкретное время, не тот, на который можно ответить с точки зрения индивидуальной ответственности. Несмотря на все силы, работавшие на войну, и несмотря на доказательства, имеющиеся у нас, о желании вести войну у определенных групп европейцев, и особенно у германского руководства, и о внутреннем влиянии, которому они подвергались, мы чувствуем, что война, случись она на несколько лет позже, могла приобрести другую форму и иметь другой результат. Более того, изучение индивидуальных решений 1914г. и ограничений, с которыми они принимались, показывает, что результаты получились не те, которых ожидали. Некоторые страны достигли целей, из-за которых они вступали в войну (Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию, Британия покончила с угрозой германского флота, итальянцы вернули себе Трентино и Триест), но цена оказалась гораздо выше, чем кто-либо пред-

403

Истоки первой мировой войны

ставлял в 1914г. А те страны, у которых были более значительные цели (стремление Германии к мировому господству, желание России получить Константинополь, отчаянная попытка Австро-Венгрии сохранить в целостности свою дряхлую империю), потерпели поражение. Политики, которые полагали, что война объединит государства и покончит с угрозой революции, встретились с фактом, что война принесла то, что они намеревались предотвратить.

Говорят, что на молодых сотрудников британского министерства иностранных дел произвел впечатление афоризм; "Все действия имеют последствия: последствия непредсказуемы, поэтому не предпринимай никаких действий". Трагедия заключается в том, что снова и снова политики оказываются в ситуациях, в которых они вынуждены действовать, не обращая внимания на последствия и не будучи способными спокойно просчитать возможные результаты, все плюсы и минусы, которые принесет действие. (Никто не может быть уверен в том, что результаты будут более предсказуемы, если расчеты провести на компьютере.)

Каждое поколение старается решить проблему ответственности за первую мировую войну в свете не только своих собственных политических взглядов, но также исходя из изменчивости человеческой природы и из причин человеческого пове-

404

Заключение

дения. В конце двадцатого столетия нам кажется легче постичь внешнюю политику, обусловленную внутренними делами и экономическими интересами, а не абстрактными концепциями равновесия сил, или желанием сохранить пристойное положение мировой державы, равно как соображениями о национальном престиже и величии. Совсем не обязательно, что люди в 1914г. думали так же, как мы теперь. Хотя, без сомнения, правда и то, как подчеркивала много лет назад Эли Хейлеви, что: "Мудрость и глупость наших государственных деятелей— это почти отражение нашей собственной мудрости и глупости"⁹, мудрость и глупость одного поколения не обязательно такая же, как у следующего. Чтобы понять людей 1914 г., нам нужно понять ценности 1914 г.,- и, исходя из этих ценностей, судить об их делах.

Примечания

¹ Some of what follows is based on James Joll, 'Politicians and the freedom to choose: the case of July 1914' in Alan Ryan (ed.) *The Idea of Freedom: Essays in Honour of Isaiah Berlin* (Oxford 1979).

² 'Agathon' (Henri Massis and Alfred de Tarde) *Les Jeunes Gens d'Aujourd'hui*, (Paris 1913), p. 31.

³ See e.g. the special issue of 'Quantitative international history: an exchange', *The Journal of Conflict Resolution*, XXI, No. i (March 1977); also e.g. George H. Questor, 'Six causes of war', *The Jerusalem Journal of International Relations*, 6, No. 1 (1982).

405

Истоки первой мировой-войны

⁴ See p. 23 above.

⁵ See p. 38 above.

⁶ David Lloyd George, *War Memoirs* (new edn, London 1938). Vol. I, p. 32.

⁷ Quoted in Lothar Gall, *Bismarck, der weisse Revolutionar* (Frankfurt-am-Main 1980), p. 56.

⁸ V.I. Lenin, 'Can the Bolsheviki hold state power?' Oct. 1917, quoted in William Henry Chamberlain, *The Russian Revolution 1917-1921* (New York 1935) Vol. I., p. 290.

⁹ Elie Halevy, *The World Crisis of 1914-1918: A Reinterpretation* (Rhodes Memorial Lecture, University of Oxford 1929) reprinted in E. Halevy, *The Era of Tyrannies* (tr. By R.K. Webb with a note by Fritz Stern) (Garden City, NY 1965), p. 245.

Карты

Истоки первой мировой войны

Список карт

1. Европав 1914г..... 409
2. Австро-Венгрия..... 410
3. Балканы и последствия войн на Балканах.. 411
4. Африка и Средний Восток..... 412

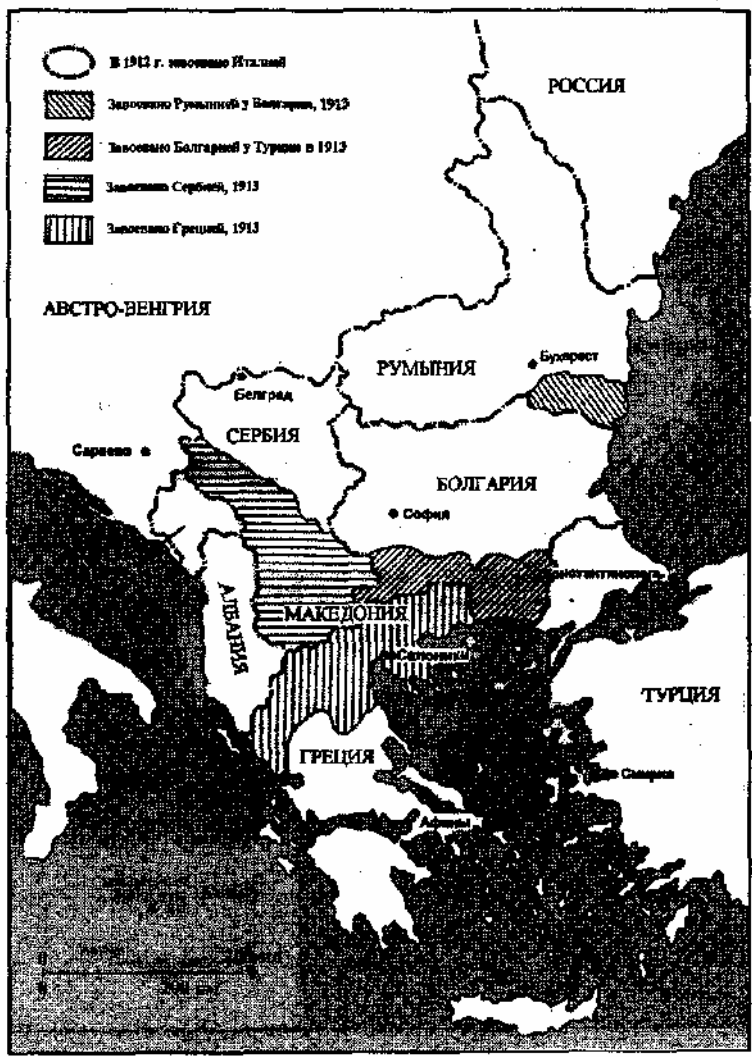
Карта 1. Европа в 1914 г.

408

409

Карта 2. Австро-Венгрия

Карта 3. Балканы и последствия войн на Балканах

Оглавление

<i>Предисловие редактора. Хедер Г.</i>	3
<i>Предисловие ко второму изданию. Хедер Г.</i>	7
<i>Предисловие ко второму изданию. ДжоллДж.</i>	8
1. Введение	13
2. Июльский кризис 1914л.....	27
3. Система союзничества и старая дипломатия	79
4. Милитаризм, вооруженные силы и стратегия	123
5. Приоритет внутренней политики	187
6. Международная экономика	243
7. Империалистическая конкуренция	293
8. Настроение 1914 года	335*
9. Заключение	394
Карты	407